

Юлия Буланова

Серебряная клетка

Сегодня ты — подающая надежды ученица академии классического балета. Завтра — курсант военной академии. Хочешь жить? Значит борись. Ведь на кону твое будущее. И только тебе решать, каким оно будет. Ты видишь в ней проблему и очередную головную боль. Почему? Думаешь: из лебедя не слепить сокола, а значит, она тебе не нужна? Но это сегодня. А что будет завтра, когда поймешь, что ты нужен ей?

Серебряная клетка
Юлия Буланова

Посвящение

Дмитрию — музу на полставки.

Спасибо за то, что ты был рядом, отвечал на глупые вопросы, критиковал, но не уставал повторять, что у меня все получится.

Люблю тебя.

Диане всегда нравился Таний — этот унылый, городок, который ненавидели почти все его жители. В какой-то степени она их понимала. Здесь и зимой, и летом было холодно. Большую часть года шел дождь. А от пронзительного ледяного ветра ни спасала никакая одежда. В общем, подхватить простуду было проще простого. На насморк и головные боли никто уже не обращал внимания, считая это чем-то вроде нормы жизни.

Но сердцу разве прикажешь?

Диана любила хмурое небо, напоминающее ей разлитую ртуть, так же, как и любила безлюдные серые улочки. Она и сама не понимала почему. Наверное, дело было в том, что здесь девушка впервые обрела дом. Хотя назвать домом школу-пансион для одаренных детей, куда она поступила совсем малышкой, или балетную академию, где училась сейчас, можно было назвать лишь с большей натяжкой. Наверное, все дело было в том, что Терра-Глория — планета, где она родилась, почти совсем стерлась из ее памяти. А больше она нигде и не жила.

Становилось прохладно. Но тоненькая, почти болезненно-худая девушка не торопилась покинуть скамейку в старом академическом парке. И хотя все другие люди давно уже сбежали в тепло каменных стен, она хотела еще немного подышать свежим воздухом и послушать тишину. Но пальцы Даны уже начали ныть от холода, хоть она и надела перчатки, а плечи подрагивать в ознобе.

— Ужасная погода! — произнес кто-то сзади. — А еще весна, называется.

Дана испуганно обернулась. И как она не заметила, подобравшуюся к ней вплотную круглощекого мальчика-подростка лет четырнадцати с изумрудно-зелеными волосами, пряди которых выбивались из-под белой шапки.

— Ты ведь Диана Вирэн? — затараторил он. — Еле тебя нашел. Я — Франц с театралки. И мне очень нужна твоя помощь.

— Моя?

— Да! Понимаешь, я хочу поступить на режиссерский факультет. Всю жизнь об этом мечтал. Но там конкурс большой. Пять человек на место.

Девушка фыркнула. Подумать только! Пять человек. Да, уж... большой. Что он тогда про конкурс в их академии скажет? Тридцать семь человек на место.

— Знаю о чем ты думаешь, — виновато улыбнулся мальчишка. — Однако для кого-то и пять человек — много. Ну, не дал мне Бог большого ума. Экзамены точно завалю. То есть я, конечно, не совсем дурак, но и не отличник. Зато у меня талант. А это многое искупает.

— Ну, а от меня ты чего хочешь? Я, хоть и отличница, но заниматься с тобой репетиторством не смогу. У меня времени нет. Прости.

— Мне другая помощь нужна. У нас в Школе искусств объявили конкурс. Только для своих. Нужно снять получасовой фильм. Темы достаются по жеребью. И мне, можно сказать не очень повезло.

— Достался фильм о балете?

— Если бы! Все намного хуже. Тема звучит так: «Судьбы ненужных детей».

— Ой, да ладно тебе. Не вижу повода для скорби. Уж кого-кого, а ненужных детей в Школе искусств, да и в академиях более, чем достаточно. Бери любого и снимай свой фильм.

— Далекое не каждый готов вывернуть душу перед объективом камеры. А мне нужна

настоящая, живая, берущая за душу история.

— А с чего ты взял, что я буду тратить на тебя свое свободное время, которого и так немного?

— Мне господин Горский посоветовал обратиться именно к тебе, а потом к Даниилу Милину.

— А ты откуда знаешь маэстро?

— Он живет со мной на одной лестничной клетке. Понимаешь, я — не сирота. У меня родители есть. Поэтому никто не хочет мне помочь с этим проектом. Даже те, кого я считал друзьями, отвернулись. Хотя знают, насколько это для меня важно.

Диана потупила взгляд, но потом все же выдавила:

— Многие завидуют таким, как ты.

— Мне отказали все знакомые ребята, — вздохнул Франц. — Да и дюжина незнакомых — тоже. А время-то идет. Пришлось, вооружившись маминым имбирным печеньем, идти за советом к соседу. Больше было не к кому. На помощь я, особо не рассчитывал. Но живет господин Горский не далеко, и он всегда ко мне хорошо относился. Так что я ничего не терял. Он меня выслушал. Чаем напоил. И сказал, что если мне кто и поможет, то только Вирэн с Милиным. Вы оба ему очень нравитесь. Господин Горский мне полчаса расписывал, какая ты замечательная.

— Грубая лесть на меня не действует.

— Я правду говорю, — обиделся мальчишка.

— Ладно, — Диана отозвалась с некоторой неохотой. Выворачивать душу наизнанку ей тоже не слишком хотелось. Но младшим надо помогать. Особенно в таком святом деле, как поступление в Академию. — Что делать надо? У тебя сценарий есть? Или план?

— Нет. Есть талант и интуиция. — Просто расскажи о себе, своей жизни. Если не можешь сама, я тебе вопросы буду задавать. Хочешь? Я потом все смонтирую.

— Хочу. А когда будем снимать твой фильм?

— Может прямо сейчас? Я только камеры выпущу и на несколько шагов отойду.

Диана с любопытством наблюдала, как вокруг нее в воздухе закружилось три зеркальных шарика, размером с небольшое яблоко. Пальцы Франца плясали по экрану планшета, управляя их полетом.

— Давай начнем с маленького интервью?

— Как скажешь, — беззаботно отозвалась девушка. Камеры ее совершенно не смущали.

— Представишься?

— Меня зовут Диана Вирэн. Мне семнадцать лет. Двенадцать из которых, я провела в этом городе. Сначала в Школе искусств. Позже — когда мне исполнилось десять лет, я поступила в Танийскую Академию Классического Балета.

— Ты ненужный ребенок?

— Да, — ответила Дана и смущенно улыбнулась. — Я ведь даже не сирота, а отказник. То есть мои родители, когда оставили меня, были живы, здоровы и даже состояли в браке. Это все, что мне удалось о них узнать.

— Как?

Диана пожала плечами и запрокинула голову, глядя в свинцовое небо. На лице ее играла вежливая улыбка. Будто бы говорила она не о людях, которые ее бросили, а о прогнозе погоды на следующую неделю.

— Ты хотела бы их найти?

— Зачем? Они от меня отказались. В их сердцах не было места для дочери. Думаешь, сейчас мои биологические родители раскаиваются и жаждут одарить родительской любовью? Очень смешно. Со мной трое ребят учатся. Я их имена не буду называть. Ладно? Но так вот, у них есть и мамы, и папы. А от сирот они мало чем отличаются. Эти «родители» скинули детишек в элитную академию и продолжают радоваться жизни. Лишь звонят иногда. По праздникам. Частенько забывая даже о днях рождения собственных отпрысков. И еще неизвестно что хуже: вообще не иметь родственников, или точно знать, что они у тебя есть, но ты им не нужен совершенно.

— Ты своих родителей ненавидишь?

— За что? — на лице девушки читалось явное недоумение.

— Они тебя бросили. Сама же сказала.

— Это не повод ненавидеть. Я даже благодарна им.

— Благодарна?

— За то, что не мешали мне. Моя жизнь — это балет. Сколько я себя помню, столько танцую. В детстве я слышала музыку во всем. В шелесте листвы, гуле голосов, и даже, в тишине мне чудилась мелодия. В Танийскую школу искусств я попала, когда мне было пять. И это раз и навсегда определило мою дальнейшую судьбу. Я нашла свое предназначение. Или оно нашло меня. Не знаю.

Девушка на минуту замолчала, задумавшись о чем-то своем. Франц не решился ее окликнуть. Эта девушка, сидящая на скамейке в вечернем парке, была такой красивой. Он понимал, что ни одна камера в мире не способна запечатлеть всю глубину ее серо-голубых глаз и боль, скрытую за легкомысленным тоном.

А Диана Вирэн вспомнила день, изменивший ее жизнь. День, когда у нее выросли крылья.

Одним теплым летним днем к ним в интернат приехали представители Танийская школы искусств. Они искали талантливых детишек от шести с половиной до семи лет. Направлений было три: вокал, изобразительное искусство и хореография.

Девочку заинтересовали красиво одетые взрослые, которые ходили по коридорам интерната, присутствовали на занятия старших групп по ритмике и рисованию. И она попыталась разузнать, кто это такие и чего они хотят. Но воспитатели от ее вопросов отмахнулись.

Возможно, если бы ей объяснили, что это агенты школы, которые ищут будущих учеников, ее интерес угас бы сам собой. А так...

Пятилетняя Диана не была такой уж любопытной и настырной, но упрямства ей было не занимать. А еще она не отступала. Никогда. «Вижу цель — не вижу препятствий» — было ее главным жизненным принципом.

В тот день она решила разобраться, что же происходит в их интернате, и пробралась на одно из занятий. Затеряться в толпе детей труда ей не составило.

Когда в зал стоняют четыре десятка дошколят, их можно сколько угодно просить сидеть тихо. Через пятнадцать минут они начнут, чуть ли не по потолку бегать. Дети... что с них возьмешь?

Чтобы хоть как-то их утихомирить, высокая худощавая женщина в строгом черном платье и шляпе с вуалеткой, попросила преподавателя ритмики включить висящую на стене стерео-панель.

Так Диана познакомилась с «Лебединым озером». Остальной мир для нее исчез. Она

растворилась в волшебстве изящных па, потрясенная тем, что можно танцевать так легко и грациозно.

Краем сознания девочка уловила, что других ребят по одному подзывают к столу, где расположилась та самая женщина в шляпе, грузный мужчина и две достаточно молодые девушки, одетые в одинаковые серо-голубые костюмы. А потом воспитатели выводили их из зала.

Но когда за последним ребенком из списков закрылась дверь, в зале почему-то осталась девочка с растрепавшимися косичками. Она сидела на полу, не отрывая от экрана полного слез взгляда.

— Малышка, тебя кто-то обидел? — спросил мужчина, вставая из-за стола.

Диана повернулась к нему и покачала головой.

— А почему ты плачешь?

— Сказка неправильная, — со всхлипом ответила она.

— Тебе не понравилось?

— Не знаю. Это было красиво. Очень. Я и не знала, что можно так танцевать. Но принц и белая принцесса утонули. А это... не честно. В конце принц и принцесса должны жить долго и счастливо. Так всегда бывает. В сказках.

— Ну, маленькая, не расстраивайся. На самом деле они не утонули. Море вынесло их на берег. И, конечно, они жили долго и счастливо. Просто этого не показали. А белую принцессу звали Одетта.

Девочка задумалась, смешно нахмутив бровки, а потом отрицательно замотала головой.

— Нет. Принц хотел спасти принцессу, упавшую в море. Но не смог, потому что она умерла. Раньше. А как звали черную принцессу?

— Одиллия. И она не принцесса, а дочь злого волшебника.

— Одиллия претворилась Одеттой, — немного нерешительно начала малышка. — Принц не понял этого и признался Одиллии в любви. И Одетта умерла. До того, как упала в море. Если бы не умерла, то не упала бы.

— Логично, — несколько ошарашено произнес мужчина. — Слушай, вундеркинд, а тебе сколько лет?

— Я — не вундеркинд. Я — Диана Вирэн. Мне пять.

— Вундеркинд — значит, что ты умнее обычных детей, не такая как все.

— А вундеркинд — это хорошо?

— Да.

— Странно. Когда госпожа Веслова — наш воспитатель говорила, что я не как все нормальные дети, это значило «плохо». Но у меня не получается быть, как все. Да и не хочу. Это скучно.

Мужчина погладил малышку по голове и обернувшись к одной из девушек, сказал:

— Линда, анализ состояния здоровья и прогноз дальнейшего физического и интеллектуального развития.

— Но позвольте, Николя, — вскочила со своего места старшая из женщин. — Этот ребенок нам однозначно не подходит. Наше время дорого. Зачем тратить его впустую?

— Эмма, я не хочу препираться с вами здесь. Если пожелаете, мы поговорим позже. Без свидетелей. Итак, Линда, ваш вердикт?

— Я ввела данные с медицинского чипа девочки в программу. Результат сейчас будет. Подождите немного. Вот! Готово. Диана Вирэн. Пять лет шесть месяцев. Здорова. Есть

правда кое-какие проблемы. Ослабленный иммунитет. Мигрени. Но явных противопоказаний для поступления в нашу школу у нее нет. Прогноз дальнейшего развития тоже внушает оптимизм. У нее будут классические балетные параметры. С интеллектуальным уровнем все не так радужно. Отношение умственного возраста к хронологическому в пределах нормы. Но не более того. В число одаренных детей официально она не входит.

— Хорошо. Вероника, не могли бы вы проверить гибкость ребенка?

Вторая девушка явно не горела желанием выполнять указание руководства. Но и на открытое неповиновение не решилась. Хотя и бросала быстрые взгляды на даму в шляпе. Но та избавлять ассистентку от прямых обязанностей не спешила. Лишь благосклонно кивнула, нацепив на лицо вежливо-заинтересованное выражение.

— Ты можешь сама стать на «мостик»? — спросила Вероника у малышки. — Или тебя поддержать?

Девочка смерила ее хмурым взглядом и шепотом, как бы по секрету, сказала:

— Я, вообще, все могу. У меня две медали за гимнастику. Мне их не здесь, а на городских соревнованиях дали. Потому, что я была лучше всех. Ну, из маленьких. У больших — свои соревнования. И нас туда не пустили. Даже посмотреть не разрешили.

— И давно ты занимаешься гимнастикой? — скорее для проформы, чем из настоящего любопытства поинтересовалась девушка.

— Не помню. То есть не помню, когда не занималась.

И девочка лучезарно улыбнулась и встала на «мостик» из положения стоя. Потом легонько оттолкнулась руками от пола и вернулась в исходное положение.

Оглядела притихших взрослых и тоскливо спросила:

— Надо было «мостик с переворотом» сделать, да?

Через десять минут Диана устала отвечать на вопрос: «А ты можешь?..» — фразой «Я все могу» и просто кивала. Мужчина приходил все в больший восторг, а дама в шляпе все сильнее хмурилась.

— Николя, — с нажимом произнесла дама, нарочитым жестом поправляя свою шляпку. — Вы забыли правила нашей школы? Позвольте вам напомнить возраст этого ребенка. Пять лет! Не шесть и не семь. Мы просто не можем забрать ее сейчас. Через год — пожалуйста. Сейчас — нет. Да, она прелестна. И я редко встречала детей с такими выдающимися данными. Но тут ничего не поделаешь.

— А вы уверены, Эмма, что она будет здесь через год? — председатель комиссии устало взирал на коллегу.

— Конечно. Семьи предпочитают брать под опеку младенцев. У такой большой девочки почти нет шансов на удочерение. Особенно, если она еще и не «такая, как все». Так куда она от нас денется?

— Ее могут забрать в другую школу. Мы опередили представителей Спортивной Ассоциации, что лично я считаю чудом. Любой тренер по художественной гимнастике в нее зубами вцепится. И на возраст не посмотрит. Так что мы ее забираем, пока кто-нибудь другой этого не сделал.

— Это будет скандал! — предрекла женщина, сморщившись, словно бы от зубной боли.

И она оказалась права. Но только негодовала не администрация Танийской Школы Искусств, а агенты Спортивной Ассоциации, прибывшие в интернат святой Терезы на следующий день. Потому что ехали они, как оказалось, именно за этим ребенком.

В кабинете директора детского дома две противоборствующие группировки ругались два часа к ряду, но так и не пришли к соглашению. В конце концов госпоже Меликовой это надоело, и она велела привести к ней ребенка, чтобы разрешить затянувшийся спор.

— Как Вирэн решит, так и будет, — заявила директор безапелляционно.

Оба предложения Диана выслушала не по-детски внимательно. А потом задумчиво поинтересовалась:

— А в спортивной школе меня научат танцевать балет?

— Нет, — с достоинством ответил агент Спортивной Ассоциации. — Но там мы сделаем из тебя чемпионку, известную далеко за пределами нашей планеты.

— Я буду за гимнастику медали получать?

— Да!

— Не... не хочу. Гимнастика, это скучно, на самом деле. Там надо только элементы правильно делать. И улыбаться. И то, и другое у меня легко получается. Заниматься совсем не интересно. А балет... это как сказка. Там все такие красивые. И музыка не такая, как в гимнастике. Она... волшебная. Я хочу ее каждый день слышать. И на носочках танцевать, как Одетта. И не нужны мне никакие медали.

Так через три дня из маленького провинциального интерната в Танийскую Школу Искусств увезли одиннадцать детей, среди которых была и малышка пяти лет.

И лишь двоим из них повезло попасть в Академию классического балета. Ими оказались Даниил Милин и Диана Вирэн.

— Родители — это хорошо, — задумчиво произнесла девушка. — Все так говорят. Но будь они у меня, вряд ли я смогла бы здесь учиться.

— Скажи, ты хотела, чтобы у тебя были настоящие мама и папа?

— Лет до десяти — хотела. Потом поняла, что мне чудесно живется и без них. Да, я — ненужный ребенок. Но и мне не нужны родители, которые меня бросили.

— А если они найдут тебя, попросят прощения и скажут, что у них просто не было выбора и они должны были отдать тебя? Ты их простишь?

— Что за бред, Франц?! Как это, не было выбора? И, нет, не прощу. Такое прощать нельзя. В этом я абсолютно уверена.

Девушка на мгновение замолчала, глядя на серое весеннее небо. Потом зло усмехнулась и заговорила:

— Нас хоть и пытаются воспитывать в духе гуманизма, но что толку? Видеть только хорошее. Прощать ошибки. Давать второй шанс. Почему мы должны делать это, если никто никогда не прощает ошибки нам? А уж о втором шансе и говорить нечего. В прошлом году с параллельной группы отчислили девочку. Она всего лишь не смогла похудеть за отведенный ей месяц. Ну, не получилось у нее. Так думаешь, ей второй шанс дали? А она просила. Умоляла. На коленях перед ректором стояла. Клялась все исправить. Однако слушать ее никто не стал. Просто дали на руки приказ об отчислении и выставили из Академии. Хорошо хоть эту бедняжку приняли обратно в Школу искусств, а не отослали в какой-нибудь приют. Но и это сделали не потому, что они такие добренькие. Просто Лена обладает неплохим голосом. Да и внешними данными природа ее не обделила. А судьба одной моей бывшей одноклассницы сложилась совсем по-другому. Целых четыре года Мириам проучилась в нашей Академии. В звезды не выбивалась, но и худшей не была. А потом она завалила экзамен по классике. Перенервничала. Растерялась. Думаешь, ее пожалели и дали шанс еще раз экзамен сдать? Нет. Уже вечером за ней приехали из гос. опеки и забрали в приют. Потому, что в Школе места для нее не нашлось.

— Я и не знал, что у вас все так... сложно.

— Из-за того, что все так сложно, моя стипендия будет в разы превышать твою, если ты, конечно, поступишь. И мне кажется, это справедливо.

— Да, наверное, — смущенно пробормотал Франц, а потом наигранно-жизнерадостным тоном поинтересовался. — А о чем ты мечтаешь?

— О балете. О чем еще может мечтать будущая балерина? Как видишь, я не оригинальна.

— А если подробнее?

— Не знаю. Я хочу быть примой и танцевать не где-то в кордебалете, а главные партии. Для начала. Ну, и со временем, стать ассолюттой.

— Ассолюттой? А это что такое?

— Ты не знаешь? — девушка удивленно посмотрела на своего интервьюера. — Правда, не знаешь? Не думала, что вас так плохо учат. Это звание. Его удостоиваются лишь лучшие из лучших, живые легенды. Говорят, ассолютта рождается раз в сто лет. Последней была

Мария Браяр, которая умерла почти двадцать лет назад. Родилась она, как раз в прошлом веке, так что у меня есть шанс.

— Ты по мелочам не размениваешься.

— Я? Да в нашей академии спроси любую девочку, хочет ли она стать асsoлютой. И каждая ответит тебе, что душу за это готова продать.

— Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом.

— Да.

— Ты мечтаешь об этом, потому что так у вас заведено? Потому что об этом мечтают все?

Диана растерянно посмотрела на Франца. Обхватила плечи руками и сказала:

— Я замерзла. Давай продолжим у нас в корпусе?

— Меня не пропустят.

— Не беспокойся. Выпишу тебе разовый пропуск.

— А так разве можно?

— Особо не поощряется, однако и не запрещено. К нам могут приходиться друзья. К тому же ты же готовишь творческий проект, а я тебе помогаю. Думаю, прокатит. Пойдем.

По дороге их нагнал симпатичный молодой человек с гривой золотых, сколотых в хвост и удивительными фиалковыми глазами. Он приобнял Диану за плечи, а потом весело поинтересовался:

— Наша Снежинка в кой-то веки решила отвлечься от бесконечных дополнительных занятий и подышать свежим воздухом?

— Иногда и мне нужно отдохнуть, — вздохнула девушка.

— Никогда бы не подумал. Я просмотрел заявки на следующий семестр. Вот ты мне скажи, на что тебе сдался факультатив Зориной. «Пантомима» же для малышни. Мы же ее в средней школе посещали. И идет она в совершенно неприличное время. В семь утра по воскресеньям.

— Она для всех желающих, а не для малышни. Как и остальные факультативы. Ты, кстати, со мной?

— Разумеется. К Горскому, Астахову, и Белой я тоже буду ходить.

— То есть мы снова везде, где только можно?

— Нет, — с улыбкой ответил Дэн. — К Верстакову не хочу. Мне эта «Литература» надоела, как не знаю, что.

— А когда вы отдыхаете? — полюбопытствовал Франц.

— Я — по воскресеньям с двенадцати дня до восьми вечера. А эта малявка... тоже по воскресеньям, но с двух часов до семи. В семь тридцать у нее эта самая «Литература». Диан, а это, кстати, кто?

— Франц. И мы с тобой помогает ему снять фильм. Там у них какой-то конкурс объявили. Победитель поступает в академию без экзаменов.

— Мы? Хотя... ладно. Помогаем. Мне все равно сейчас заняться нечем. Я с Евой поругался.

— Опять?

— Да.

— Почему?

— Потом расскажу, — отмахнулся Даниил. — А про что фильм? Про балет?

— Про ненужных детей.

— Круто! А потянешь? Не самая простая тема.

— Какую дали, — уныло протянул Франц. — Но, думаю, потяну. Выбора у меня все равно нет.

— Тогда — ладно. Но, предупреждаю. Времени у нас не очень много. Сейчас пять. Дана, как я уже сказал, в семь убежит на «Литературу», а я исчезну в восемь.

— Спать пойдешь?

— Издеваешься? В кинотеатр. Нам каждый день по вечерам показывают записи лучших спектаклей.

— И их обязательно смотреть?

— Для кого как. Кто-то только по выходным ходит. Но мы со дня поступления ни одного просмотра не пропустили. Ну, конечно, если находились в Академии. Мы смотрим на лучших из лучших и учимся у них.

— Вы ненормальные, — констатировал юный режиссер.

— Мы лучшие ученики курса. Неофициально, конечно. Ни один преподаватель этого не признает. Но мы действительно лучшие. И за это надо дорого платить.

Дана улыбнулась. Дэн был прав. За это приходилось платить. Отсутствием свободного времени. Потому что каждую свободную минуту, каждую секунду ты должен работать. Делать растяжку. Разучивать новые па. Перед многочисленными зеркалами оттачивать выразительность жестов и поз. Платить болью, которая не покидает тебя ни днем, ни ночью. Маэстро Горский любит повторять: «Умри, но сделай». Это настоящий девиз танийцев. Ведь тем, кто учился здесь каждый день приходится умирать. От боли, усталости и страха, что их могут лишить смысла их жизни — балета.

Но даже на общем фоне Диана Вирэн выделялась. Причем, непонятно, в лучшую или худшую сторону.

Одноклассники считали ее немного... не от мира сего. Потому что она всегда занималась. Даже в те редкие часы, предназначенные для отдыха. Эта девушка или истязала свое тело в зале. Или оттачивала искусство пантомимы. Или репетировала. А когда сил на то чтобы двигаться у нее не оставалось, смотрела видеозаписи балетных постановок. Даже очки виртуальной реальности себе купила, спустив на них годовую стипендию.

Да, у юных ни так уж много времени на устройство личной жизни. Но чтобы до семнадцати лет не сходить ни на одно свидание, не говоря уже о чем-то большем! Этого никто понять не мог. Ладно бы была она страшненькой.

Но Снежинкой, так с подачи Дэна ее звали почти все знакомые, в той или иной степени болела почти половина старшеклассников. Причем, не только их Академии. Болели, конечно, по-разному. Кто-то был сражен ее красотой. Кто-то влюблен в ее танец. Ну, а кого-то привлекал ее взгляд испуганной лани. Были и те, кто видел в ее холодности вызов. Но последних на правах названного брата отваживал Даниил Милин.

Кем был Дэн в ее жизни, Дана особо не задумывалась. Он просто находился рядом. Всегда. С первого класса Школы Искусств. Хотя, на самом деле этот парнишка появился в ее жизни немного раньше.

Сам же Даниил считал ее своей родственной душой и лучшим другом — ни больше ни меньше. Но относился Милин к своей маленькой подружке скорее покровительственно-нисходительно, нежели, как к равному.

Ребята зашли в здание Академии Классического Балета. Разделись, повесив куртку Франца в ящичек Дианы и все трое пошли искать свободный класс. Как и ожидалось, нашли

они его достаточно быстро. Воскресные вечера студенты в основной своей массе предпочитали проводить в зонах отдыха.

— А как мы будем снимать фильм? — весело поинтересовался Дэн, присаживаясь прямо на пол.

— Вы просто расскажите что-нибудь, — предложил юный режиссер. — Ну, по теме, конечно. Я это все сниму. А потом смонтирую.

— Скучно будет, если ты будешь показывать только нас.

— Ну, я не только вас показывать буду. Панораму Академии пуцу. Музыкальную дорожку. В общем, придумаю что-нибудь.

— Хочешь, мы станцуем что-нибудь? — предложила девушка.

— Хочу! Только давайте вы сначала вы расскажите о себе и том, являетесь ли ненужными детьми?

— Снежинка, уже рассказала о себе. Я правильно понимаю? И теперь моя очередь?

Франц кивнул, запуская камеры, и Даниил начал:

— Я — счастливый человек. Правда. Мне сложно назвать себя ненужным ребенком. Во-первых, потому, что детство мое, уже позади. А во-вторых, не хочу быть неблагодарным. У меня была семья. Мама и папа. Они меня любили и никогда не оставили бы. Я это точно знаю. Но смерть оказалась сильнее их любви. Что ж... и такое бывает. Попав в Школу Искусств, и впоследствии в Академию я так же не чувствовал себя ненужным...

Юноша все говорил и говорил, рассказывая о своем детстве, делясь надеждами и мечтами. Диана же присела рядом и начала разминаться. Это хорошо, что они будут танцевать. Надо подбить Дэна на что-нибудь посложней. Ей сейчас просто необходима физическая нагрузка. И желательно, экстремальная. Просьба Франца помочь ему нечаянно разбудила в девушке не самые приятные воспоминания, притянула мысли, которые она старательно гнала от себя.

Это странно, но за все годы, что девочка училась в Танийской Академии Классического балета, ей так и не удалось найти общий язык со своим преподавателем классики. Мадам Желис ее явно недолюбливала. И отнюдь не за лень или отсутствие данных. А просто так. За то, что у ее маленькой ученицы любой элемент получался, если не с первого раза, то уж со второго — точно. Женщина постоянно повторяла: «У тебя, Вирэн, совершенное тело. Другие годы тратят, на то, что ты берешь легко — с налета. Но именно это и закроет перед тобой, кукла бездушная, дверь к настоящему будущему».

По-хорошему, девушке стоило бы попросить заведующего учебной частью перевести ее в другую группу. Но в Танийской академии такое не поощрялось. Недовольный преподавателем ученик, решившийся на конфликт, вполне могли оказаться на улице. Поэтому Диане не оставалось ничего кроме как, сцепив зубы, терпеть.

Кое-кто поддерживал Марго Желис. И их усилиями она ни разу ни открыла ни один из контрольных смотров. Про то, чтобы его закрыть и речи никогда не шло. Ее не ставили в центр. И никогда не упускали возможности отпустить шпильку в адрес ее юного возраста.

Нет, были и те, кто Дану чуть ли не на руках носил. Тот же маэстро Горский не раз заступался за юную ученицу перед негативно настроенными коллегами. И даже как-то раз объяснил доведенной до слез девушке, почему к ней так предвзято относятся некоторые преподаватели.

— Ты не виновата. Просто иногда людям... неважно, мужчинам или женщинам тяжело ужиться с теми, кто не похож на них. Ты не похожа. Да и зависть тут тоже присутствует. Но

не к твоему таланту. А скорее к энергичности. Далеко не у всех находятся силы просто учиться в Танийской Академии. Про факультативы и говорить нечего. Только вы с Милиным посещаете их все без исключения. Остальные едва находят в себе силы прийти на пару-тройку самых для них важных.

— Я просто не ленюсь и не жалею себя! Мне, может, тоже хочется больше отдыхать.

— Но ты можешь, сжав зубы идти вперед. Можешь стоять и гордо улыбаться, когда другие не способны стоять на ногах. Признай, многое дается тебе легче, чем другим.

— Признаю. С природными данными мне повезло. Но это ж не значит, что я меньше других работаю. А то, что у меня не получается эту беззаветную любовь, черт бы ее побрал, выражать, не от недостатка старания или врожденного дебилизма, как утверждает мадам Желис!

— Это от того, что ты еще маленькая.

— Но у меня действительно не получается любить. Вообще, не получается. Как же любовь тогда показывать? И не так, чтобы зрители видели, а, чтобы чувствовали?

— И даже Даниила любить не получается, — спросил старик, лукаво улыбнувшись.

— Дэн — особый случай. Он со мной всегда. У меня ближе никого нет. Но разве это любовь? Вот с Евой у них настоящее чувство.

— Почему?

— Ну, они целуются. Хотят друг к другу прикоснуться. Ева всех к нему ревнует. Особенно меня.

— А ты? Не хочешь целоваться?

— Нет, — Диана, обхватила свои плечи руками и закусила губу, о чего вид у нее сделался крайне несчастных. — Не хочу. Мне не понравилось. Что люди, вообще, в этом находят? Я думала это какое-то волшебство будет, а вышло... глупо.

Маэстро, не сдержавшись, захохотал. И лишь через минуту, отдышавшись, ответил:

— Не все взрослеют одинаково. Но есть в развитии человека одна закономерность. Если ребенок в чем-то опережает сверстников, в чем-то он будет от них отставать. Со временем все выравнивается. Поверь старику. Тебе нужно только дорасти до любви. И ты тез труда сможешь ее выражать ее в своем танце. А пока запасись терпением и учись. Потом это тебе пригодится.

И Диана следовала этому совету со всем юным жаром на который была способна. Она отдавала себя балету без остатка, лишь изредка позволяя себе немного отдохнуть от безумного марафона, в который она превратила свое обучение в Танийской Академии.

И это приносило свои плоды. Строгое жюри сезонных смотрах неизменно удостаивало Диану Вирэн особого поощрения, что способствовало увеличению ее стипендии почти на треть — большие деньги для ребенка, который живет на полном государственном обеспечении.

А еще она была единственной ученицей академии, которая в шестнадцать лет смогла раскрутить тридцать два фуэте без помощи рук. Это и обеспечило ей очень яркую роль в традиционном концерте, который представляют студенты предпоследнего — седьмого года обучения Танийской Академии Классического балета. В балете «Ледяное сердце» партия... нет, не страдающей от любви принцессы Офелии, а чародейки Лоремины, которая и заколдовала несчастного Тианиса.

Репетировали они эту постановку почти весь год, скрупулезно оттачивая каждое движение. Это чтобы перед Высоким собранием не опозориться. Так что к маю она у всех

уже печенках сидела. Еще больше будущих актеров балета убивал тот факт, что Высокое собрание — детишки от семи до десяти лет. Концерт-то благотворительный. Родители у них, конечно, персоны достаточно важные, но они сами... глупая малышня, которая в балете ничегошеньки не понимает.

Одно радовало — проходить это мероприятие будет на Столичной планете их сектора — Тьерре. В Главном зале Андорского театра. А за возможность просто ступить на историческую сцену Дана готова была сделать все, не то, что три сотни раз отрепетировать свою партию.

Из воспоминаний ее вырвал Дэн, потрепав ее по плечу:

— Что танцевать будем?

— А рассказывать больше ничего не надо? — проронила она рассеянно.

— Режиссер считает, что больше не нужно. Я ведь не только про себя ему рассказал, но и про тебя. Ты же не против?

— Нет, конечно.

— Ну, так что танцевать будем? Нам же переодеться надо будет.

— Я не знаю. Но хочется чего-нибудь посложней.

— «Ледяное сердце» не рассматривается?

— Нет.

— Даже наше па-де-де из третьего акта?

— Надоело оно мне. И мы его столько раз станцевали, что сложным оно мне уже не кажется.

— «Дон Кихот»? Нет, это слишком веселое. «Кармен»? Тоже не то. А давай «Юношу и смерть»? Только нужно стулья где-то взять.

— В подсобке должны быть. Ты пока посмотри и бегом переодеваться. Еще мне причесаться нужно. И накраситься, наверное.

— Не выдумывай. Для того, чтобы быть красивой тебе краска не нужна. Хотя... личико можешь припудрить. Но больше ничего не надо. И поторопись. Иначе опоздаешь на свою «Литературу».

— Ну, и ладно. Один раз можно прогулять. Я обожаю эту постановку!

— Знаю. А ты, Франц, готовься. Это будет нечто невероятное. Я, конечно, не молодой Рудольф Карден, но... тоже, как говорят, неплох.

И мальчишка приготовился к чуду. Ждал он его, наверное, полчаса, и ребята его не разочаровали

День у Дианы не задался с самого начала. Вместо того чтобы дать им отдохнуть и немного прийти в себя после перелета их подняли ни свет, ни зоря. Сигнали в класс и заставили заниматься. Потом разрешили позавтракать и даже час отдохнуть. Далее по программе шла генеральная репетиция и подготовка к премьере.

Но все это было привычным и даже обыденным и особых эмоций не вызывало. Неприятный эпизод произошел, когда среди общего бедлама подгонки костюмов и нанесении грима разразилась ссора двух «заклятых» подружек Ирен и Евы. Они едва не подрались, споря кому же из них достанется роль Принцессы Мари на рождественской постановке «Щелкунчика». А мадам Желис с помощницей их разнимали, успокаивая тем, что решение по этому вопросу еще не принято. И, вообще, многое будет зависеть от того, как они станцуют сегодня.

Это было обидно. На глаза девушки навернулись слезы. Ее, Диану, в расчет не брали. Словно бы она им была не соперница. Хотя именно ей пять лет назад досталась роль маленькой Мари. И справилась она с ней великолепно. С тех самых пор юная балерина грезила о второй главной женской партии этого спектакля.

Но душевные терзания не отменяли того факта, что через полтора часа им нужно было выходить на сцену. А до этого нужно еще столько всего сделать. Как бы не хотелось забиться в уголок и плакать, нужно запереть боль в самом дальнем уголке своего сердца, нацепить на хорошенькое личико беззаботную улыбку и идти вперед.

Занавес должны были открыть через три минуты. Всеобщая истерика набирала обороты. Преподаватели стенают, что воспитанники опозорят и пьют сердечные капли. Половина актеров рыдает, утверждая, что забыли роли. Вторая половина изображает коматозное состояние. Короче, всем было весело.

И только Дана флегматично наблюдала за творимым безобразием, размышляя: «И чего они так нервничают? Нам столько времени на репетиции отводилось, что любой идиот запомнит, что и как. Куда мы денемся? Станцуем. И все-таки хорошо, что я еще две недели назад выпросила у нашего фельдшера легкое успокоительное и пила его последние пять дней. Так что мне сейчас хоть потоп, хоть пожар, а свою партию я станцую. Даже если свет погаснет и музыку отключат, мне это не помешает».

Девушка с легким злорадством усмехнулась вслед Ирэн, которую ощутимо колотило. Та словно бы что-то почувствовав, на мгновение обернулась. Обожгла одноклассницу неприязненным взглядом и торопливо удалилась. Дана улыбнулась. Ей доставлял некоторое удовольствие тот факт, что других ее спокойствие бесит. Зато гримеры взирают с явной симпатией. Потому как она, во-первых, красилась сама, а во-вторых, от бесконечных слез макияж у нее не тек, а, значит, и поправлять его им не надо было.

Ее выход будет через двенадцать минут. За это время Офелия-Ирен и Тианис-Дэн должны изобразить знакомство и любовь с первого взгляда. В принципе, это у них неплохо получалось. Но Дана старалась не смотреть. Настрой сбивает. Потому как ей нужно сосредоточиться на своей роли, а не на том, как она бы на месте Ирен эту самую любовь

сыграть.

— Вирэн, приготовьтесь. Две минуты до выхода, — напомнила мадам Желис.

Девушка величественно кивнула и сделала глубокий вдох. Затем медленный выдох. Поправила темно-зеленое платье, расшитое кристаллами, имитирующими черные бриллианты. Проверила пуанты. Силовой контур был в полном порядке. Она с гордостью провела по ним кончиками пальцев и в который раз похвалила себя за то, что купила это чудо. Пришлось, правда, полтора года стипендию откладывать, отказывая себе буквально во всем. Денег даже на дешевые мятые леденцы не было. Про косметику или походы в кино с остальными ребятами даже говорить было нечего. Этим отчасти объяснялось, почему Дана все выходные проводила в тренировочном зале. И для учебы польза, и соблазнов меньше. Ведь невозможно ничего скопить, если постоянно тратишь и без того скромное содержание на всякую ерунду.

Но пуанты того стоили и выгодно отличались от обуви, которую им выдавали. Она в отличие от купленных девушкой была бюджетным вариантом. Ее нужно было одевать, как самую обычную обувь. И даже атласные ленточки завязывать. Да, там внутри создавалось силовое поле, позволяющее стакану держать форму. Но это все равно было не то. Чтобы настроить их под свои параметры нужно полчаса убить. В то время как ее были оснащены интеллектуальной системой и сами настраивались под стопу и нагрузки.

Еще одним плюсом профессиональной обуви было то, что нано-волокно невозможно порвать или как-то испортить — хоть режь. Только вот резать, как раз силовой контур и не даст. А еще пуанты Дианы могут стать любого цвета. И испачкать их нереально. Даже при большом желании. Так что, по мнению многих, это была мечта, а не обувь.

Девушка поднялась и медленно не торопясь пошла к сцене. Сейчас зазвучат аккорды ее выхода.

— Дыши и ничего не бойся, — сказала она самой себе. — Все будет хорошо. Ты знаешь свою роль и станцуешь так, что зрители ахнут. Дыши и ничего не бойся.

Самовнушение отчего-то не помогало. Сердце ее все равно трепетало в груди, как будто бы желало выскочить, вырваться из клетки моего тела и расправиться белыми лебедиными крыльями у нее за спиной.

Ей было страшно. И в то же самое время, она ничего не хотела с той же неистовой силой, как выйти на сцену и танцевать, понимая: ее поведет музыка. И она будет следовать за ней, открывая зрителям свою душу, даря им совершенство линий — чудо под названием «классический балет».

Шаг из-за кулис. Второй. Третий. И на сцене уже не Диана Вирэн — студентка предпоследнего года обучения Танийской Академии Классического Балета, а Лоремина.

Даны больше нет. Есть только музыка и образ, который мне нужно раскрасить. В данном случае, в цвет вечерних сумерек.

Точность. Легкость. Стремительность. Грация. Движения на грани боли, на грани человеческих возможностей.

«Все это для того, чтобы вы увидели, и не смогли отвести взгляд. Поняли, что я хочу донести до вас, — кричат ее глаза. — Это сложно. И в то же самое время легко. Просто посмотрите на меня».

Выход, плавно переходящий в па-де-де.

Я — лесная фея Лоремина. Не свет, и не тьма. Дитя природы, способное любить и ненавидеть. Да, не принцесса, но не уступаю ни одной из них в красоте. Я легка, как летний

ветерок. Мои глаза сияют, как звезды. А улыбка может поспорить со светом солнца. И на нашем тайном месте меня ждет Тианис. Мы дружили в детстве и были неразлучны. И с тех самых пор я живу тобой, мой принц. Я все готова сделать для тебя. Отдать всю себя. Но ты, не желая замечать моих чувств и говоришь о своей любви к другой. Мне больно. Очень. Но ты хочешь, чтобы я радовалась за тебя. Но разве это возможно?

Па-де-труа.

К нам выбегает Офелия. Тианис пытаешься познакомить меня с ней. Принцесса бросается ко мне с изъявлениями нежных чувств. Я в ужасе отталкиваю ее так сильно, что она падает. После чего Офелия со слезами бросается к возлюбленному. Принц набрасывается на меня с обвинениями. Мы ссоримся.

Мы впервые ссоримся с ним. И я не понимаю, за что он так со мной? Почему любит ее, а не меня? Обида и ревность рождают злость. Так любовь становится ненавистью. Не захотел отдать свое сердце мне так, не достанется оно и ей. Оно станет кусочком льда. И никогда ты уже не сможешь любить, Тианис. Никогда. А ты, Офелия, почувствуешь, каково было мне. А я уйду. Уйду и забуду о вас, жалкие смертные!

И, наконец, сольная партия венцом которой должны стать фуэте, призванное изобразить темное колдовство. Шестьдесят четыре фуэтэ, вместо стандартных тридцати двух.

Кстати именно виртуозное исполнение этого элемента и подарило ей одну из главных ролей в постановке. Другие девочки даже не пытались соревноваться с ней в этом. Никто не мог похвастаться той же стремительной легкостью движений. И у тех, кто смотрел на нее, всегда закрадывалось подозрение, касается ли, девушка ногами земли или кружится в нескольких миллиметрах от пола? Остряк Дэн в шутку прозвал ее за это Маленьким Левитроном. Но Дана на него за это совершенно не обиделась. Даже наоборот — слегка возгордилась.

Итак, фуэте. Зал взорвался аплодисментами, но, вот несправедливость, ей даже поклониться зрителям нельзя было. А нужно быстро уйти. Чтобы всем было ясно: она в ужасе сбегает, осознав, что натворила.

Вот и все! Можно отдыхать. Недолго, конечно. До середины второго акта. Ее задействовали в «Метели». Конечно, не в качестве Лоремины. Там на сцену в одинаковых воздушных белых платьях и снежных коронах выйдут почти все юные балерины.

Девушка стремительно покинула сцену. За кулисами ее встретила мадам Желис. Пожилая дама удостоила воспитанницу легкого кивка и бросила:

— Вполне достойное исполнение, Вирэн.

А Диана гордо вздернула подбородок и прошла мимо, не соизволив хоть как-то отреагировать на похвалу. Слова Марго Желис и добрые и злые, если они не касались техники исполнения, девушка давно уже попускала словно бы сквозь себя.

Это не делало их отношения лучше, но мира с противной старухой Дана уже не хотела. Да любить Дана еще не умела. И взрослые страсти ей были совершенно чужды. Не испытывать глубокую неприязнь к человеку, который вот уже семь лет не упускал случая ее уколоть, у нее получалось отменно.

И тут внимание девушки привлекает дикий визг. Дана вздрогнула и испуганно заозиралась по сторонам. Нашла причину и скривилась.

Ну, конечно же... Евангелина! Главная истеричка класса. Не выдерживает ее тонкая натура столкновений с суровой действительностью, в связи с чем окружающие имеют

счастье наблюдать безобразные сцены с воплями, заламыванием рук и закатыванием глаз. Ирэн, конечно же, тоже не тихая голубка, но ведет себя не в пример адекватнее. Хотя это скорее от того, что у нее вокальные данные послабей будут.

Рядом с вопящей балериной уже одетой в костюм Доброй феи, которая помогает Офелии растопить сердце возлюбленного с несчастным видом стоял мальчик лет семи-восьми. Хорошенький такой голубоглазый с золотистыми кудряшками. Ангелочек просто. И плакал. А между ними лужа бурого цвета и смятый пластиковый стаканчик.

— Я не хотел, — всхлипывал малыш. — Простите, я не хотел. Правда!

— Мне плевать, чего ты хотел, а чего не хотел! — орала Ева. — Идиот! Ты мне пуанты испортил! Как я теперь на сцену выйду?! Они же мокрые! И грязные! Что тут, вообще делают маленькие недоумки!? Я буду жаловаться!

— Ева, заткнись, — грубо рявкнула на нее Диана.

И вовсе не потому, что дипломатия ей была чужда, просто эта истеричка по-другому не понимает. Если с ней ласково говорить, когда она в таком состоянии, ты сам рискуешь стать объектом ее недовольства. Сейчас ей уже все равно, на кого кричать. А Дэна — единственного человека, способного ее быстро утихомирить сейчас нет. Он на сцене и до конца первого акта там будет находиться.

— Запасная обувь есть?

— Нет, — снова взвизгивает она. — А из-за этого...

— Не ори, слушай! У меня в гримерке на столе лежит запасная пара. Обычные — те, к которым ты привыкла. Мне они сегодня не понадобятся. Пока время есть, советую подогнать их под себя, а не тратить его на истерики.

Ева поперхнулась воздухом, но сказать что-нибудь грубое не решилась. Ей ведь пуанты фактически подарили. Поступок более чем щедрый. По крайней мере, далеко не каждая балерина готова отдать подружке запасную пару в середине спектакля. Вдруг, самой понадобятся? От этого ведь никто не застрахован. А без обуви путь на сцену тебе заказан. Рисковать никому не хочется, в особенности из-за кого-то.

И если бы Дана передумала, ей бы и слова никто не сказал. Ни преподаватели, ни ребята. Балетная обувь — часть самих балерин. Ну, или, по крайней мере, основной их инструмент. Не позаботился о себе — сам виноват. Требовать, чтобы кто-то отдал тебе туфельки, вне зависимости от того, нужны они ему или нет, ты не имеешь права. А если кто-то проявил такое небывалое участие к тебе, то будь благодарен по гроб жизни. Потому как артисты балета не столько друзья, сколько соперники. А помогать конкуренту никто не обязан.

Девушки смерили друг друга неприязненными взглядами. Одна прекрасно понимала, что вторая отдала ей то, что ей, по большому счету, и не нужно вовсе, чтобы просто не слушать ее вопли. Ни о каком дружеском участии тут речи не шло.

Потом Диана взяла ребенка за руку и торопливо увела его из-за кулис. Малыш плакал. И ей стало жалко его. Наверное, материнский инстинкт разыграл. Она отвела мальчика в укромный уголок и присела на корточки, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

— Привет. Меня зовут Диана, но для друзей Дана. Ты тоже можешь звать так. Хочешь? Мальчик кивнул, а потом выдавил из себя все еще всхлипывая.

— А я — Эдмонд.

— Очень приятно, — улыбнулась девушка. — А как ты здесь оказался, Эдмонд?

— Я хотел посмотреть, как там за занавесом? Вы же оттуда приходите, а потом туда

возвращаетесь. Интересно же! Я своей учительнице сказал, что в туалет хочу. Она меня отпустила и...

— Ты решил обследовать мир закулисья?

— Угу. Только я не хотел пачкать ее туфельки. Я просто споткнулся. А сок вылился.

— Понятно.

— Мы с мамой уже смотрели этот спектакль в прошлом году. Мне так понравилось. А еще я думал, что она — добрая фея. А она злая. Очень злая! А так не должно быть! И ты не должна быть доброй.

— Это еще почему?

— Потому что ты — Лоремина! — выдало это чудо. — И принца заколдовала.

— Так это я на только сцене Лоремина, а так Дана Вирэн. Глупый, — девушка щелкнула мальчишку по носику. — Давай мы с тобой пойдем в туалет и умоемся. Ладно? А потом я отведу тебя к твоей учительнице и другим детям.

— А мы пойдем в туалет для актеров, да?

— Эм... — замялась она. — Думаю, все же не стоит.

— Почему?

— Ребята нервничают перед выступлением. Им лучше не мешать. Давай поднимемся на следующий этаж? Там тоже должен быть туалет. Для персонала.

— А что на том этаже?

— Не уверена, но, по-моему, производственные помещения. Костюмерная и художественная мастерская, где наши костюмы разрабатывают. Но мы только в туалет. В сами помещения заходить не будем. Это запрещено.

— Но интересно же!

— Хочешь, чтобы меня ругали?

— Нет.

— Вот так-то. Ладно, малыш, пойдем. А-то все самое интересное пропустишь.

— Не пропущу. Я уже этот спектакль смотрел. И, вообще, я бы хотел, чтобы принц в тебя влюбился. Потому что ты добрая. И красивая.

— Спасибо, — польщено улыбнулась она.

— А Тианис, который не на сцене, а настоящий, он хороший?

— Да. Очень. Его зовут Дэн. И он добрый и веселый. Самый замечательный, в общем.

— И он тебя любит?

— Нет.

— А почему?

— Не знаю, — девушка постаралась улыбнуться как можно более беззаботно. — Может быть потому, что я тоже не люблю его?

А на душе у нее вдруг стало так тоскливо. Потому что Дэн был, наверное, единственным человеком, в которого она могла бы влюбиться. Если бы он воспринимал ее не как младшую сестренку. С Дианой он танцевал, болтал о жизни и смеялся до колик в животе. А для свиданий и прочих удовольствиие у него всегда были другие.

С одной стороны, это не могло не радовать. Потому как парню исполнилось девятнадцать и область его интересов простирается довольно далеко от «за ручки подержаться». А она сама, будучи на два года младше, ни к чему подобному пока не готова. Но все равно, девочкам, даже тем, которые еще не доросли до любви, хочется, чтобы с ними рядом был принц. Красивый, добрый, умный. В идеале, конечно, еще и влюбленный в них до

звездочек в глазах.

Но почему-то хорошие парни, чаще всего достаются таким как Евангелина. Они ведь с Дэном уже год встречаются. И, несмотря на то, что Ева далеко не ангел, Даниил ее чуть ли ни на руках носит. Видимо, любовь, все же зла. Потому как ничем другим это объяснить было нельзя.

Эдмонд тем временем продолжил допытываться:

— А кого ты любишь?

— Никого.

— Вообще совсем?

— Вообще совсем.

— Тогда я хочу тебя с братом познакомить. Он тоже хороший. Правда, у него уже есть невеста. Но она такая противная! Честное слово. Я ее терпеть не могу.

— О, нет, никаких братьев, особенно если у них есть невесты!

— Почему?

— Потому! К тому же я еще маленькая и школу не закончила, а значит, ничьей невестой стать пока не могу.

— Жалко, — грустно вздохнул Эдмонд.

Девушка снова улыбнулась. Какой он все же милый. Но надо поскорей его вернуть в зал. А то учительница беспокоиться начнет. Но до антракта еще время есть. Так что сильно торопиться не надо.

Мальчик возился в туалете минут пятнадцать. Дана, довольно смутно себе представляла, что можно было там делать столько времени. Вышел Эдмонд только после того, как она пригрозила, что сейчас сама туда пойдет.

— Это мужской туалет, — укоризненно сообщили он ей.

— И что? Мне тут целый час торчать?

— Это мужской туалет, — ответил мальчик уже не так уверенно и с ноткой обиды в голосе.

— Пойдем скорее! Твоя учительница наверняка волнуется.

— Ладно. Но давай хоть заглянем, что в этих комнатах?

— Там все равно замкнуто.

— А если нет?

— Если не замкнута, то заглянем.

Мальш просиял и бросился к ближайшей двери. И та, конечно же, оказалась заперта. Как и восемь последующих. А вот девятая неожиданно для обоих ребят поддалась.

— Ой! — пискнул Эдмонд. — А тут открыто. И смотри, тут карточку в замке забыли.

— Да. Нужно будет сказать кому-нибудь из обслуживающего персонала. Главное — не забыть.

— Дана, а там что?

Девушка подошла ближе и заглянула в плохо освещенное помещение. Оно от пола практически до потолка было забито коробками с оранжевыми бирками

— Судя по всему, это склад костюмерной. Видишь ярлычки? Там указан артикул костюма и размер.

В этот момент гулко прогремел выстрел. Диана сразу и не поняла, что это, но Эдмонд изумленно уставился на нее.

— Стреляют, — сообщил он, и в следующий миг раздалось еще несколько выстрелов. —

Из пистолетов.

— Откуда ты знаешь? — вырвалось у нее.

— Так я с папой в тир ходил, — гордо заявил мальчик. — И стрелять умею. Я даже сам пистолет разобрать и собрать могу! Только разбирать у меня получается лучше. Но папа говорит, что это нормально, и я еще научусь.

Тем временем прогремело еще несколько выстрелов. Девушке показалось, что она слышит крики. Она почувствовала, как на нее накатывает волна паники. Объяснение всему этому могло быть только одно. За последнее время, было несколько захватов на разных планетах системы. Какая-то террористическая организация. Им нужна реакция общества, огласка и логично предположить, что лучший театр — лучшая реклама. Дана редко смотрела новости, но об этом часто говорили ее однокурсники. А недавно для них провели несколько уроков выживания при захвате заложников. Им долго, нудно и как-то до жути заумно рассказывали, как нужно себя вести, если они вдруг попадут в такую ситуацию.

— Это наверно террористы, — объявил Эдмонд, а затем дернул за руку, заглянув ей в лицо. — Террористы, да?

— Не знаю, — шепотом ответила она. — Не шуми пожалуйста...

Ребенок сразу кивнул и принял такой серьезный вид, что она едва удержалась от улыбки, хотя все происходящее к веселью явно не располагало. Удивительно, но, судя по всему, мальчик совсем не боялся. В отличие от нее. Но тут дело скорее было в том, что она понимала насколько это опасно. У них ведь есть все шансы остаться в этом театре навсегда. Но Эдмонд, видимо не думал об этом. Ну, и слава богу. Хотя... вдруг их и не заметят? Нужно просто спрятаться и подождать. Она, недолго думая, повернулась к мальчику и преувеличенно бодрым голосом спросила:

— Эдмонд, а ты любишь играть в прятки?

— Ты что, совсем глупая? — возмущенно заявил ее юный спутник. — Нам нельзя играть. Тут же террористы!

— Конечно, нельзя, — торопливо ответила она. — Нам нужно прятаться и сидеть тихо-тихо.

— Тогда давай спрячемся здесь? Это хорошее место. А в прятки я играть, и, правда, люблю. Меня никто никогда еще не находил. А раз ты со мной, то и тебя не найдут.

Мальчик потянул ее внутрь костюмерного склада. Дана захлопнула входную дверь, вытащив перед этим карточку-ключ. Несколько шагов и они с Эдмондом оказались, между стеной и стопками коробок оказался небольшой закуток, в который они и забились.

Они сели на и крепко обнялись. Пол был из термо-пластика, а значит достаточно теплый. Хотя, это не слишком помогло. Через несколько минут девушку начало трясти. Но скорее от страха, чем от холода. Эдмонд сел рядом, намертво вцепившись худенькими пальчиками в ее ладонь.

— Все будет хорошо, — прошептала девушка. — Только надо очень тихо себя вести.

— Знаю, — тихо отозвался Эдмонд. — Не маленький. Мне уже восемь. И, вообще, нас мой папа спасет.

— Да, конечно, — сказала она, поглаживая малыша по белокурым волосам. — Твой папа обязательно нас спасет.

Послышались еще выстрелы, затем крики. А Диана вдруг подумала о тех, кто остался там — наверху. Ведь всегда в терактах гибли заложники. Только количество жертв сильно варьировалось. От единиц, до сотен.

Тем временем по коридору загремели тяжелые шаги. Послышались мужские голоса. Потом тяжелый топот, пронесшихся по коридору людей. Они, громко переговариваясь, дергали ручки дверей. Дана старалась не дышать, прикрывая ладонью рот Эдмонда.

— Что вы копаетесь? — рявкнул кто-то. — Нет здесь никого! Это складские помещения. Быстро проверить другие этажи!

Шаги стали удаляться от их двери. И дети смогли немного перевести дух.

— Они ведь не вернуться? — прошептал мальчик прямо на ухо юной балерине.

— Не знаю. Если мы не будем шуметь, то, наверное, нет.

— Это хорошо. Мне папе надо позвонить. Хорошо, что я телефон всегда с собой ношу.

— Не надо. Давай подождем немного? Ну, пока они уйдут подальше.

— А как тогда мой папа будет нас спасать, если он знать не будет, где мы?

— Сообщение напиши.

— Ладно. Но ты мне поможешь? У меня совсем без ошибок писать не получается. А с ошибками я не хочу.

— Помогу.

Результатом их совместного творчества стало следующее послание:

«Театр захватили террористы. Были выстрелы. Мы спрятались на складе».

Отец Эдмонда ответил почти мгновенно:

«Эд, ты в порядке? Кто сейчас с тобой?»

«Все хорошо. Я с Дианой».

«Быстро. Включи на телефоне режим «Не беспокоить», оставив возможность получения сообщений».

«Сделал».

Дальше посыпался град вопросов. Мальчик лишь хлопал глазами, видимо, не имея ни малейшего понятия, что на это все ответить. Да и сделать это быстро он не мог, поэтому Диане пришлось взять инициативу в свои руки. Девушка забрала телефон и начала сама общаться с Филиппом Рое, как представил отца, пусть и заочно, Эдмонд. Но ничего полезного она сказать ему не смогла.

«Диана, кто вы? Преподаватель?»

«Я — балерина. Будущая. А что?»

«Вы хоть совершеннолетняя?»

«Почти».

«Понятно».

«Сидите тихо. Не высовывайтесь, что бы ни произошло. К окнам не подходите».

«Хорошо».

Девушка отложила телефон и перевела дух. Следующие семь часов прошли в каком-то мареве. Несколько раз присылал сообщения господин Рое. Спрашивал, все ли у них хорошо, просил немного подождать, говорил, что помощь скоро придет. Диана ему уже не верила. Но старалась не показывать этого. Ради Эдмонда, который был абсолютно уверен в том, что его отец их обязательно спасет. Может поэтому он был так спокоен.

Дана гнала от себя темные мысли и пыталась сосредоточить все свое внимание на мальчике. Разговаривала с ним. Пересказывала сюжеты любимых балетов, превращая их в волшебные сказки. Особенно хорошо удалась «Баядерка».

Но сейчас, когда малыш задремал, положив голову ей на колени, ее сердце ледяной иглой произал страх за тех, с кем Диана провела столько лет. Сама-то она хоть и в

относительной, но все же безопасности.

Сделать глубокий вдох. Унять дрожь и провести ладонью по его взъерошенным золотистым волосам. Медленно выдохнуть. И снова сделать глубокий вдох...

Это почти не помогало успокоиться. Но что еще ей оставалось? Просто сидеть вслушиваясь в дробь выстрелов и гул криков, намного тяжелей. А когда театр вдруг окутала тишина, ей стало по-настоящему жутко. И она, как заклинание начала шептать имена своих одноклассников: Дэн, Майк, Кэти, Альма, Ева...

«Мы все вернемся в Академию и забудем об этом, как о страшном сне, — пыталась убедить себя в невозможном девушка. — И никогда не станем об этом вспоминать».

Но вот по коридору вновь кто-то пробежал.

— Здесь! Открывай! — приказал уверенный мужской голос.

У Дианы замерло сердце. Неужели террористы узнали о них? Но как? Они же очень тихо вели себя. Разговаривали только шепотом. И что же сейчас делать?

Послышался глухой щелчок и дверь резко распахнулась и в помещение с криком: «Никому не двигаться» вбежали несколько человек.

Двигаться? Девушка забыла, как дышать. Она лишь сильнее вцепилась в рубашку Эдмонда и зажмурилась, не найдя в себе сил посмотреть на тех, кто скорее всего сейчас ее убьет.

— Мы их нашли! — сказал все тот же мужчина с ноткой облегчения в голосе, а потом обратился к ребятам. — Эдмонд, Диана, вы теперь в безопасности. Вставайте.

Мальчик подскочил на ноги сразу же, а его старшая подруга попыталась, но не смогла этого сделать. В ее ушах гулко зашумело, а перед глазами заплясали красно-черные всполохи.

И лишь краем затухающего сознания она уловила, как ее подхватили чьи-то сильные руки. А кто-то сказал:

— Бедный ребенок...

Вот только о ком говорил этот человек о ней или Эдмонде она так и не поняла.

Актеры очень часто бывают суеверны. Но актеры балета подчас могут переплюнуть в этом всех своих коллег. У них столько табу, что остальным и не снилось. И если ты воспитываешься в такой атмосфере всю свою жизнь, поневоле заражаешься подобными глупостями.

Хотя рациональное зерно можно найти почти во всем. И у многих «плохих» примет есть вполне логичное объяснение. Например, нельзя одалживать косметику. Мало ли какой сюрприз в ней может быть скрыт? Были прецеденты, когда вероломная подружка подмешивала в помаду сильнейший аллерген, и после этого несчастная жертва пропускала спектакль, отлеживаясь в больничном крыле. Но почему нельзя смотреться в зеркало и спать с распущенными волосами в ночь перед премьерой, Дана недоумевала до сих пор.

А еще по Танийской академии ходила страшилка о Проклятом классе. Юные студенты Академии пересказывали друг другу ночью и обязательно шепотом. Чтобы не накликасть беду.

Существовало поверье о том, что, если в классе учились две девочки с одинаковыми именами, одна из них обязательно умирала. Оканчивала жизнь самоубийством. А если этого не случалось умирал весь класс. Так около пятнадцати лет назад все ученики последнего года обучения заболели атипичной лихорадкой, последствия которое были просто кошмарны: поражение нервной системы, а это паралич, глухота и даже в некоторых случаях потеря зрения. Завершить обучение не смог никто из них. В классе было две Александры.

Через тринадцать лет произошла авария. Водитель автобуса, который вез ребят на экскурсию, не справился с управлением и куда-то врезался. Не выжил никто. В классе было две Марты.

И девушка с ужасом осознавала тот факт, что ее класс стал третьими в очереди жертв Проклятия. А ведь они так старались этого избежать. Несмотря на все уверения учителей в том, что это всего лишь страшная сказка, ребята упрямо называли одну Диану Диной, а вторую — Даной. А те в свою очередь отзывались только на сокращенные варианты своих имен, даже когда к ним обращались преподаватели.

Была лишь одна маленькая не состыковка. Умереть должны были все. Но она-то жива. Хотя, так ли трудно это исправить?

Девушка старалась гнать от себя дурные мысли, нагружала себя физическими тренировками и учебой. Потому как чем больше она думала о произошедшем, тем меньше ей хотелось жить.

В тот день из концертного зала Андорского театра живым не вышел ни один человек. Тридцать шесть начинающих актеров, пять преподавателей Танийской Академии, тридцать шесть представителей обслуживающего персонала, двадцать сопровождающих групп и триста три ребенка. Если бы Эдмонд не зашел за кулисы, то жертв теракта было бы четыреста две. Но, видимо, Фортуна имела некоторую слабость к круглым цифрам. Вот только на большее ее не хватило.

Диане было запрещено появляться в школе. Даже для того, чтобы просто собрать вещи и попрощаться. Ее багаж пришел по почте вместе с уведомлением об исключении.

О несколько часов просидела, всматриваясь в сухие строчки:

«Уважаемая мисс Вирэн, мы вынуждены сообщить Вам о том, что администрация Танийской Академии Классического Балета приняла решение о Вашем отчислении по причине дисциплинарного нарушения, предусмотренного ст. 14, 32.5 (прогул занятий и поведение порочащее честь академии, выраженное в задержании Вас полицией) без права восстановления.

Ваше лично дело передано в социальную службу, которая и определит место вашего дальнейшего проживания до совершеннолетия.

Заведующий учебной частью
Ричард Стоун».

Когда до девушки, наконец, дошло, что там было написано, она позавидовала мертвым. Потому что это был конец. Конец несостоявшейся еще карьеры и жизни, вообще. «Без права восстановления» — клеймо, которое тебе вряд ли удастся смыть. Какая уважающая себя школа возьмет ученика с такой записью в учебном деле? Потому что по традиции — это крайняя мера, которой всегда предшествовали более мягкие меры дисциплинарных взысканий.

Несправедливость произошедшего просто рвала ей душу. Потому что она не по своей воле провела пять дней в изоляторе для несовершеннолетних нарушителей. Просто какому-то идиоту показался, очень подозрительным тот факт, что все умерли, а двое мало того, что живы, так еще и здоровы. Но так как восьмилетнему ребенку он предъявить ничего не мог, то решил отыграться на семнадцатилетней Диане, разрабатывая версию о ее причастности к террористам. Но доказательств, даже косвенных у них не было. Нельзя же вменять человек в вину то, что он просто остался жив.

Так что ни о каком «поведении, порочащем честь академии» и речи быть не может. Де-факто. А де-юре... арест по подозрению в пособничестве террористам был должным образом запрототолирован. Уведомление, о чем, ее школа и получила. А то, что с девушки это самое подозрение было снято, уже никого не интересует. Оно ведь имело место быть. Значит решение администрации вполне законно. По крайней мере, оспорить его будет очень и очень сложно. Приютить Диану на ближайшее время, пока не будет решен вопрос о ее дальнейшем будущем, согласилась семья Эдмона.

Девушка ведь считается сейчас несовершеннолетней, оказавшейся без опекунов. Танийская академия сняла с себя всю ответственность за бывшую воспитанницу, оставив девушку не только без диплома, но и даже без крыши над головой.

И так как опротестовать решений администрации школы и потребовать сдачи итогового экзамена можно только будучи совершеннолетним, на ближайшие десять месяцев она оказывалась совершенно неприкаянной. На сорок три просьбы о переводе другие балетные школы вежливо ей отвечали, не могут ее принять и посоветовали обратиться не ранее, чем через год.

В общем, ей светило возвращение в тот самый интернат, который она покинула двенадцать лет назад. И это в лучшем случае. В худшем ее ждало учреждение для трудных подростков с упрощенной учебной программой, отсутствие свободного времени для тренировок, решетками на окнах и сверстниками-психопатами.

Что ей теперь делать, Дана не представляла совершенно. Ей нужно было как-то прожить ближайший год. И заниматься. Причем, по несколько часов в день, если она хочет получить диплом. Последнее было самой большой проблемой. И не только из-за отсутствия

рядом педагога. Просто для тренировок нужен зал и свободное время. А будет ли это у нее, она не знала.

Прошло уже больше двух недель. Но все равно девушка по несколько раз за ночь просыпалась от собственно крика. Вот только очнуться от всего этого кошмара почему-то не получается. Он крепко оплел ее щупальцами страха, боли и безысходности. А перед глазами то и дело у нее встает та самая видеозапись, любезно предоставленная мужчинами в форме. С того самого дня Диана ненавидела полицейских едва ли не больше чем террористов.

«Гениальная» идея, не правда ли? Заставить несостоявшуюся жертву смотреть, как хладнокровно по одному расстреливали людей, среди которых она выросла. Это они так пытались «подтолкнуть» ее к чистосердечному признанию. Примерно к середине девушка готова была признаться во всех смертных грехах, только бы они это выключили. У нее началась истерика, которую не гасили ни ледяная вода, ни пощечины, на которые парни из того ведомства не скупались.

Из воспоминаний ее вырвал стук в дверь.

— Войдите, — ответила она, сползая на край кровати, куда недавно забралась с ногами.

— Ты все время сидишь в этой комнате, — мягко упрекнул девушку господин Рое.

— Я много времени провожу в тренажерном зале. Он у вас чудесный.

— Да. Но мне все равно это не нравится. Ты должна выходить на улицу. Или хотя бы в сад. Там безопасно — охранные системы на каждом шагу.

— Я и не боюсь. Просто не хочу.

Диана тяжело вздохнула. Ну как объяснить этому человеку, сделавшему для нее столько добра, что ей уже бояться нечего? И, что его забота заставляет ее чувствовать себя виноватой. Ведь в том, что Эдмон остался жив нет ее заслуги. Скорей даже наоборот. Именно благодаря ему они оба остались живы.

А она пользуется добротой его семьи. Живет в их доме. Ей целую комнату выделили с телевизионной панелью во всю стену. Госпожа Рое также проявила заботу о гостье и забила ее гардероб совершенно новыми и жутко дорогими платьями.

— Дана, я хотел бы с тобой серьезно поговорить. О твоём будущем, — сказал мужчина, усаживаясь в кресло.

Девушка подняла глаза и тихо спросила:

— Плохие новости?

— В общем, да.

— Мне все же предъявили обвинение?

— Нет.

— А что тогда?

— Позволишь начать издалека? Мне просто хочется, чтобы ты поняла меня правильно.

Они помолчали минуту. Мужчина, собираясь с мыслями, а Диана просто оставляя за ним это право. Потому как ее мысли находились в таком хаосе, что их не то, что за минуту за год в порядок не приведешь.

— Ты же знаешь, я политик — и представляю интересы конгломерата планет сектора Рион. А ответственность за террористический акт в Андорском театре взяла на себя организация под названием «Белый путь». И они тоже с Риона. И многим показалось странным, что...

— Выжившим оказался именно Эдмон?

— Да. И родители других детей требуют более серьезного разбирательства. Твое

отчисление это их рук дело. Они надавили на администрацию академии.

— Но почему? Я же ничего не сделала. И никак не могла быть связана с этими...

— Горе подчас затмевает разум. А они хотят хоть с кем-то поквитаться, выместить собственную боль. Ты же самая удобная мишень. Точнее, единственная до кого можно дотянуться. Экстремисты мертвы. У меня дипломатическая неприкосновенность. Плюс мы с семьей решили вернуться домой. А ты... беззащитна. Твоя жизнь превратится в ад. Правительство, как мне кажется, просто решило пожертвовать тобой, как пешкой в шахматной партии. Твою жизнь отдали на откуп тем, кто хочет мести. Так что на защиту государства можешь не рассчитывать. Как и на справедливость. Они наоборот будут нагнетать обстановку и провоцировать скандалы. Чтобы отвлечь людей от факта собственного бездействия. Ты должна быть готова к тому, что тебя станут отчислить из всех более или менее приличных учебных заведений. С работой то же самое. А о карьере актрисы вообще лучше забыть. По крайней мере, на ближайшую пару-тройку лет. Деньги и связи в этом мире решают все.

— Знаете, лучше бы меня убили, — с усмешкой сказала она, проглатывая ставший в горле ком.

— Не говори ерунды!

— Минута и все. И не надо мучиться, не надо смотреть, как рушится твоя жизнь. Не будет боли и страха...

— Даже думать об этом не смей, глупая девчонка!

Диана послушно кивнула. Просто потому, что не хотела спорить. Но эти мысли никуда не ушли. А господин Рое тем временем подскочил на ноги и начал нервно расхаживать по комнате. Она тоже встала. Подошла к маленькому столику возле окна на котором стояли ваза с фруктами и графин с водой. Пить ей не хотелось. Но ей необходимо было хоть чем-нибудь занять руки.

Поэтому девушка наполнила стакан из голубого энтарского стекла до половины и сделала пару глотков. Поставила его на место и пробежала глазами по обстановке «своей» комнаты. Здесь было уютно. Стены, выкрашенные в бежево-золотистой гамме. Темно-синие шторы в стиле «ретро». Встроенный в стену шкаф с панелями «под дерево». Туалетный столик с прелестным зеркалом и горой косметики, которой он буквально заставлен.

— Я предлагаю тебе решение этой проблемы, — мужчина остановился и внимательно посмотрел на Дану. — Ты уедешь с нами. Мы с Элиной оформим опеку, и сможем на законных основаниях защитить тебя от этой грязи.

— Нет. Спасибо, конечно за ваше участие. Но вы и так слишком много для меня сделали. Я так просто не могу. Простите.

— Что ж... я ожидал и подобного ответа. Поэтому могу предложить тебе другой выход из ситуации. Надеюсь, он понравится тебе больше. Ты поступишь в Артенийскую Военную Академию.

— Что?

— Это единственное место, где ты будешь защищена от высокопоставленной семьей, жаждущих мести.

— Но Вы же сказали, правительство решило мной пожертвовать.

— Да.

— Так из военной академии я вылечу еще быстрее, чем из любой другой. Они придут туда и потребуют, чтобы меня исключили, если будет недостаточно простого звонка.

Филипп Рое зло усмехнулся:

— На то и расчет. Они начнут осаждать сначала Артенийцев, а потом адмиралтейство, которому академия подчиняется. А военные ой как не любят, когда гражданские пытаются на них давить. Так что тебя не выдадут просто из принципа.

— Допустим. Но как я там буду учиться?

— Хорошо ты будешь учиться. Я видел твой табель успеваемости. К тому же начальник этого учебного заведения хороший знакомый нашей семьи. И он очень любит, когда к нему приходят учиться «особые» дети. Поэтому проблем с поступлением у тебя не будет.

— Что значит «особые»?

— Обладающие талантами, которые не свойственны большинству. Лучшие в своем деле.

— Я ведь не умею ничего. Только танцевать. Вы думаете, его заинтересует балерина?

Мужчина весело улыбнулся:

— Ты умеешь многое, а не только танцевать. Просто никогда не задумывалась над этим. Скорее тебе не с кем было себя сравнивать. Подчас в курсанты берут таких недоумков... которые потом и заправляют в адмиралтействе.

— Но я не умею драться. Да и нельзя мне. Это же прямой путь к тому, что дорога в балет мне будет заказана. В оружии не разбираюсь совершенно и...

— Диана, я не собираюсь засовывать тебя к силовикам. Это было бы большой глупостью с моей стороны. Их обучают по определенной программе с двенадцати лет. Кадетские корпуса и все такое... а вот военный дипломатический корпус в данном случае — оптимальное решение. Ты поучила подготовку близкую к той, что дают будущим атташе.

— Мне кажется, я не совсем Вас понимаю.

— Ладно, попытаюсь объяснить. Чему учат балерин?

— Танцевать.

— А еще?

— Языкам. Чтобы мы могли беспрепятственно выступать везде.

— И вот мы подходим к сути. Как часто бывает такое, что балерины входят в высший свет?

— Чаще, чем другие артисты. Но я никогда не задумывалась, почему?

— Хочешь, я тебе расскажу? Вы умеете находить общий язык со всеми народностями, знаете их культуру, традиции и можете поддержать практически любую беседу. Вероятность того, что вы оконфузитесь перед представителем той или иной расы крайне мала. В отличие от тех же актеров кино и современного театра. Изысканные манеры вкупе с приятной внешностью делает вас прекрасными компаньонами и компаньонками для бизнесменов и политиков. Плюс, увлечение балетом вне моды. Это признак хорошего вкуса. Но вернемся к тому, что знают и умеют будущие атташе. Языки. Культура и традиции. Общий курс психологии и поведенческих характеристик народов расселения. Умение «держать лицо» и показывать лишь те эмоции, что необходимы. В требованиях к поступлению стоит еще и общая физическая подготовка. Но не думаю, что для человека, который привык заниматься по десять часов в сутки, это окажется проблемой.

— Да уж.

— Дана, если ты не хочешь туда ехать, мое первое предложение остается в силе. Мы можем забрать тебя с собой.

Девушка лишь покачала головой. Военная академия — это, конечно, не то, о чем она мечтала. Но это возможность получить независимость и шанс на будущее. Пусть, не такое,

как ей представлялось раньше. Но в любом случае лучше так, чем сидеть на шее у семьи Эдмонда.

А еще Диана понимала, что сойдет с ума, если не займет себя хоть чем-нибудь. Учеба в данном случае, не худший вариант. Крушение же собственных надежд и планов она сможет оплакать чуть позже. Если дверь в балет действительно закроется перед ней навсегда, а не на время.

Поэтому сейчас нужно сжать зубы и идти вперед, даже если дорогу ты почти видишь, а конец пути представляется тебе очень смутно. Пока есть шанс вернуть то, что у нее украли, нужно бороться. И в ее ближайших планах было: дождаться совершеннолетия, сохранив при этом форму. Дальше — по обстоятельствам.

Вадим с тоской посмотрел на старую, немного выцветшую фотографию, стоявшую в дорогой деревянной рамке на его письменном столе. Семь молодых парней в парадной форме Летной Академии задорно улыбались ему из глубин прошлого. Он вздохнул, взял со стола стакан с виски и сделал большой глоток. Напиток привычно обжег горло.

Судьба мальчишки, которому выпала удача (или неудача, это как посмотреть) появится на свет в семье потомственных офицеров, решена с первых минут жизни. Веселое беззаботное детство в кругу семьи. Потом десять лет в кадетском корпусе. А далее одна из Военных академий, коих насчитывается великое множество. И это единственное решение, которое будущий офицер принимает, не оглядываясь ни на кого. Потому что каждый взрослый человек должен выбирать свой путь в жизни. Следование по навязанному еще никого до добра не доводило.

Но вопрос: «Куда податься?» — перед юным Вадимом Авериним не стоял никогда. Насколько он помнил, все мужчины его семьи служили в Космическом флоте. Прадед был адмиралом. Один дед — полковником, другой — Ведущим звена истребителей. А отец трагически погиб на рядовом задании. Ничего героического. Просто несчастный случай. Вадиму тогда едва исполнилось пять лет, и заботу о воспитании внука взял на себя дед по отцовской линии.

Мама... его добрая милая, но слабая мама боялась сказать свекру и слово, поэтому в воспитательный процесс не вмешивалась, хоть и не всегда одобряла методы главы семьи. Но мальчик зла на нее никогда не держал. И пусть полковник Аверин (назвать этого нестигаемого человека дедушкой у него язык не поворачивался) был с ним жёсток, а иногда даже жесток, он все же воспитал в нем твердость и силу духа, научил бороться до конца. Но в полной мере оценить этот подарок Вадим смог только спустя много лет. Сейчас. Потому что несмотря ни на что он не сдался, не сломался под грузом свалившихся на него проблем.

Сегодня была годовщина того самого боя, который изменил его судьбу. И этот день, начальник Курса Артенийской Военной Академии, майор Вадим Аверин, обычно проводил один, запершись в своем кабинете. Его компанией всегда были бутылка виски, фотографии и конечно воспоминания о тех, кого уже не вернуть.

Вообще подобное не часто встречается в военных академиях. Все-таки слишком разные люди там учатся. Да и распределение обычно разбрасывает однокурсников по миру. Какой смысл привязываться к тем, кого ты возможно больше никогда не увидишь просто потому, что ваши пути разошлись?

Нет, конечно, дружба явление в военных академиях не редкое. А товарищество, вообще, свято. Но людям в основном достаточно одного-двух приятелей. А их было семеро. Шесть выпускников и один второкурсник, неведомо как к ним прибившийся. И они были настоящими друзьями. Можно даже сказать, братьями. И даже каким-то чудом попали в одну эскадрилью. Выпускники, разумеется. Майк в это время, слава Богу, еще учился.

Пятеро его друзей стали Ведущими звеньев, а он сам командиром их крыла. А потом разразился Верийский Конфликт. И что дернуло спокойных и достаточно мирных верийцев

объявить систему, граничащую с их империей, своей исконной территорией?

И в связи с этим Федерация Земных Миров должна была им ее отдать, да еще и извиниться. Вот только эти планеты более двух сотен лет не имеют к верийцам никакого отношения. На них живут граждане Федерации. И по прихоти имперцев жители должны были бросить свои дома и бежать из системы? Просто потому, что тем захотелось расширить зону влияния и отхватить целых десять планет, богатых полезными ископаемыми?

Их корабли появились у Фаэта — одной из пограничных планет неожиданно. То есть ультиматум-то люди получили заранее. Общий его смысл укладывался в одно единственное предложение: «Если не уберетесь из системы за пять дней, объявим войну». Но серьезно это не воспринял никто. Потому что та Верия в сравнении с Федерацией, как одиночный истребитель рядом с крейсером. Определенный риск, конечно же есть, но все равно как-то несерьезно.

Все, включая и Верховное адмиралтейство Федерации посчитали это политическим ходом, блефом с целью выторговать что-либо. Но оказалось, что все не так. Они действительно решили воевать, хоть это и было настоящим самоубийством.

В общем встречать вражеский флот довелось одной только Пятой Летной Дивизии, которая несла службу на границе. Место это считалось спокойным и безопасным. Ведь соседи за последние восемьдесят лет в конфликты с соседями не вступали.

В тот день, крыло Вадима несло дежурство. Привычная работа. Рутинная даже, можно сказать. Все, как всегда.

Вот только случилось непредвиденное. Их радары засекли приближение многочисленных кораблей. На глазах пораженных летчиков из гипер-пространства материализовался флот верийцев и нанес мощный удар по военной базе, располагавшейся на спутнике планеты.

Тому, кто хоть раз слышал, как шипят плазменные лучи, разрезающие камень и железо не забыть их никогда.

Удар Имперцы нанесли такой силы, что буквально за несколько минут их база превратилась в груды искореженного металла, погребая под собой тех, кто не успел выступить на боевые позиции. А это большая часть их гарнизона, в числе которого весь старший начальствующий состав. А Вадим неожиданно для себя самого оказался среди выживших одним из десяти старших офицеров.

Что может сделать восемьсот легких истребителей во главе с командиром неполных двадцати восьми лет против армады тяжелых крейсеров?

Многое. Особенно способствовало этому и то, что отступать им было некуда, а сдаться... им просто забыли или не захотели предложить.

Тот день для Вадима слился в бесконечный калейдоскоп бесчисленных вспышек на панели его истребителя, яростных криков в эфире и нечеловеческой усталости.

Каким-то чудом им удалось вывести из строя все три десантных корабля противника. В результате десант на ближайшую планету они высадить не смогли. И тогда вся мощь флота обрушилась на горстку наглецов, спутавших их планы.

Стоит ли говорить, что для горстки пограничников, заслонивших собой мирные планеты, начался настоящий ад? Вадим до сих пор не понимал, каким образом они смогли продержаться три часа до прихода подкрепления.

Несколько сотен «Крылатых» против массированного удара стационарных плазменных пушек и ионных излучателей, выстрел даже одного из которых был способен расщепить на

молекулы фрегат средних размеров. Но именно в этом и была их сила. Скорость и маневренность. Да, разбить вражеский флот для них являлось непосильной задачей, но отвлечь и при этом не попасться было вполне по силам. Вадим и его пилоты сами понимали, что обречены. Но они упрямо сражались и ждали помощи.

Спасало еще то, что хоть пилотами верийцы оказались неплохими, но прицельное наведение у них хромало на обе ноги.

Когда прибыла долгожданное подкрепление, и разбил вражеский флот Пятая Летная Дивизия потеряла почти весь свой личный состав. Из двух тысяч человек, несущих службу на их базе выжило двадцать четыре пилота и тридцать шесть человек обслуживающего персонала, которые случайно оказались вовремя атаки на нижних уровнях их Базы.

Вадим потерял все свое крыло, хотя в агонии битвы и не заметил, что друзья не отвечают на его позывные. Осознание, что их больше нет, пришло потом.

Но судьба оказалась к нему относительно благосклонна. Он был жив, хотя и тяжело ранен. Его искореженный истребитель попал в притяжение спасательных ботов, рыскающих среди обломков. За проявленный героизм ему всучили орден, дали внеочередное звание и попытались отправить в отставку, потому как ранения не позволяли ему больше летать. Это стало еще одним страшным ударом.

Четыре месяца лечения и реабилитации стали для него адом почище бойни у Фаэта. Но он все же добился того, чтобы его не стали списывать в запас. Пусть не во флоте, пусть хоть где-нибудь, но на службе. Потому что оказаться на пенсии в двадцать семь лет — это страшно.

Его признали годным к службе в условиях группы «Е» и отправили в почетную ссылку, ибо ничем иным Артенийская Военная академия для молодого человека быть не могла.

Он бы не продержался там долго. Может быть год или полтора. А потом бы сбежал. Куда угодно, только бы подальше от этого всего. Потому что все навалилось. Потеря друзей, любимой работы, отсутствие перспектив и безнадежность. Плюс ко всему нельзя было назвать Вадима педагогом от Бога. Ему тяжело давалось общение с подрастающим поколением. Просто не хватало терпения и, вероятно, такта.

Но в один прекрасный день на Артен высадился пассажирский корабль, который принес к новому месту службы Майкла Кейна — того самого второкурсника, прибывшегося в компании выпускников. Как он получил это распределение, до сих пор оставалось, тайной покрытой мраком. И делиться ей молодой офицер отказывался наотрез.

Вадим сначала обрадовался другу. Потом осознал, в какую дыру тот сам себя загнал и жутко разозлился. Даже потребовал, чтобы тот перестал дурить и подал прошение о переводе. Но генерал Дорга — начальник академии, сказал, что сам Вадим может проваливать хоть сейчас, а его друга он не отпустит. Потому как толкового инструктора для курсантов днем с огнем не сыщешь и упускать талантливого преподавателя ему не с руки. Так Майкл Кейн стал вести физподготовку у курсантов, а Вадим потихоньку оживать.

Общение с неунывающим Майком, который обожал свою работу и души не чаял в воспитанниках, помогли ему смириться и жить дальше. Он вдруг осознал, что в размеренной и спокойной жизни академии есть свои плюсы, и даже некоторые перспективы. По крайней мере, те пять лет, что он провел здесь дались ему не так уж и тяжело.

Майор с головой погрузился в работу, оставив прошлое в прошлом и лишь иногда возвращаясь мыслями к тем, кто ушел из жизни.

Семьи Вадим так и не завел. Он и сам не знал, почему. Пока служил во флоте, не решался. Потому что дело это такое... никто не даст никаких гарантий, что ты вернешься с задания, даже если твоя база находится в таком тихом месте, как Фаэт. Оставлять своего ребенка сиротой ему не хотелось. Он в свое время довольно хлебнул этой доли. Деду, он хоть и был благодарен за все, но собственных детей хотел воспитывать только сам.

Потом, когда его перевели на Артен, тоже как-то было не до устройства личной жизни. Все какие-то дела, работа. Да и привычка полагаться лишь на самого себя, этому не способствовала. Может, просто не было в его окружении женщины, способной стать с ним плечом к плечу? Он не желал видеть рядом с собой слабую женщину. А с сильными майор не умел находить общего языка.

Поэтому все вопросы о том, когда же он женится, предпочитал отшучиваться, отвечая: «Когда встречу ту, которая не спасует перед моим дедом». Но таких пока не находилось. Барышни не то, что перед старшим Авериным, перед Вадимом робели и тем самым падали в его глазах «ниже некуда».

Неожиданно в дверь постучали. Майор нахмурился, но все же встал со своего кресла и пошел открывать. Хотя настроение это ему не подняло. Ну, неужели он не мог побыть наедине с самим собой хотя бы один вечер?

И кому он мог понадобиться? Занятия давно кончились. Академия, вообще, должна быть пуста. Его курс благополучно выпустился еще месяц назад, а головная боль на следующие пять лет должна прибыть только завтра — на экзамены. Так что, кому он мог понадобиться в столь неурочный час, он не имел ни малейшего понятия.

— Здравия желаю, — вытянулся в струнку адъютант начальника Академии — молодой парнишка лет двадцати трех со смешной морковно-рыжей шевелюрой и россыпью веснушек на щеках.

— Что-то случилось? — Вадим резко подобрался.

— Нет. Все хорошо. Просто генерал просит Вас зайти к нему.

— А почему он тогда не объявил по громкой связи? Так ведь было бы быстрее.

— Сэр, — адъютант смутился. — Генерал просит Вас зайти к нему по личному вопросу. Это не приказ.

Вадим пожал плечами. Просьба или распоряжение... особого значения это не имело. Во-первых, начальству не отказывают. А во-вторых, он слишком уважал генерала, чтобы проигнорировать его, пусть и личную, но просьбу.

— Сейчас буду, — бросил он коротко, и адъютант исчез.

Вадим со вздохом вернулся к своему столу. Взял стакан. Задумчиво посмотрел на него. А потом выпив его одним глотком, взял со стола фуражку и вышел из кабинета.

Кабинет генерала располагался всего в пяти этажах от его собственного, поэтому он, махнув рукой на лифт, поднялся по лестнице.

Казалось, Академия совершенно пуста. Так же тихо было и перед кабинетом генерала. Адъютанат, видимо, уже ушел. А из приоткрытой двери пробивался луч света.

— Сэр, Вы меня вызывали?

На этот вопрос хозяин кабинета приветливо махнул рукой, приглашая его зайти. Вадим вошел и опустился на стул рядом с массивным столом начальника Академии, к которому относился с большим уважением. Полковник был честным воякой, справедливым руководителем, и просто хорошим человеком. И между ними давно уже установились доверительные — почти дружеские отношения. А без свидетелей они вообще обращались друг к другу по именам. К чему сам Вадим долго не мог привыкнуть. Все-таки между ними была солидная разница в возрасте. И называть генерала просто «Станиславом» ему было очень сложно. Но тот настаивал. Поэтому пришлось подчиниться.

Вадим посмотрел на прямое начальство и невольно позавидовал ему. Этот седой голубоглазый мужчина был счастлив. Потому что находился на своем месте. Он любил свою работу, души не чаял в жене и двух дочках и пользовался всеобщим уважением.

— Извини что оторвал, — Дорга мягко улыбнулся.

— Я ничем важным занят не был. Просто... отдыхал.

— Давай выпьем?

Генерал пододвинул ему бокал и плеснул бренди. Дорогущего, как невольно заметил Вадим. Мужчина поймал недоуменный взгляд подчиненного, весело рассмеялся.

— Не переживай. Не стал я миллионером. Старые друзья балуют, — он налил себе и взял бокал в руку. — Давай, за старых товарищей!

Вадим кивнул и залпом выпил.

— Итак, — генерал протянул ему планшет и весело объявил. — Наше пополнение. Здесь информация по твоим будущим подопечным.

— Так экзамены только завтра.

— Да. Но кое-кто уже зачислен. Они как бы идут вне конкурса, хоть и сами об этом не знают. Вот об этих ребятах я бы и хотел с тобой поговорить.

Майор удивленно посмотрел на него. Дела могли ему отдать завтра. Да и указания о том, на что необходимо обратить внимания при работе с тем или иным курсантом тоже. Ежегодный набор — это стандартная схема. Причем тут личный контроль начальника академии? Неужели он решился взять ребят, с которыми могут быть серьезные проблемы?

— В этих детях есть что-то особенное?

— Да. Они талантливы. Все трое. Но с каждым из них могут быть... сложности, — оправдал самые нехорошие подозрения Вадима генерал.

— А зачем их тогда, вообще брать?

— Потому что не сделать этого я не могу. Итак, начнем с самого простого. Вера Скольник. Девочка из уважаемой семьи и меня «попросили» проследить за тем, чтобы ее приняли. Отказать человеку, который когда-то давно спас мне жизнь я не смог. Но с ней будет сложно. Она, конечно, получила блестящее образование, но контролировать свой бешеный темперамент не умеет совершенно. Обожает быть в центре внимания. Агрессивно реагирует на критику. Самооценка зашкаливает. Ее придется активно перевоспитывать.

— Ничего. Обломаем. Пара лет и шелковой станет.

— Собственно, ее дед на это и надеется. Далее Джейсон Риз. Очень интересный мальчик. Но из-за конфликта с отцом наотрез отказался поступать в нашу академию. А тот, вместо того, чтобы ослабить давление, выставил ему ультиматум личного характера.

— То есть он начнет бунтовать?

— Скорее всего, нет. Не рискнет. Но сам понимаешь... учиться в полную силу скорее всего не станет. Просто чтобы хоть в чем-то отстоять себя.

— Могу я поинтересоваться, чем конкретно ему пригрозил отец? Это что-то серьезное?

— Более чем. Что разведется с женой и отнимет у той малолетнюю дочь. А Джейсон очень любит мать и сестру.

— Вот же сволочь!

— Не без этого. Вадим, я не хочу, чтобы мальчишка сломал себе жизнь. А именно это случится, если пустить все на самотек. Он ведь и, правда, талантливый.

— Ладно. Присмотрю за ним. Если что — Майка попрошу. Он удивительно легко находит общий язык даже с самыми сложными «детишками». Ну, а на десерт? Чует мое сердце, что третий курсант двум другим фору даст по части создания проблем.

— С чего ты взял?

— Интуиция.

— М-да... мне иногда хочется, чтобы ты был менее проницательным.

— Значит я прав. Ну же, Станислав, не томите.

Генерал вздохнул и начал издали:

— Ты слышал о теракте в Андорском театре?

— Пару месяцев назад? — Вадим кивнул. — Какие-то террористы с Риона напали на театр где одни детишки ставили спектакль для других, только помладше. Там вроде один мальчик выжил. Или девочка. Не помню.

— Мальчик восьми лет и девочка семнадцати. Вот эта.

Генерал коснулся экрана планшета, который Вадим продолжал держать в руках. И там появилась фотография девочки, похожей на фарфоровую куколку. Светло-русые немного вьющиеся волосы были небрежно сколоты в высокий хвост. На губах ее играла застенчивая улыбка. А необычайно яркие голубые глаза поблескивали любопытством. Ее хрупкая фигурка была затянута в короткое розовое платье с кружевами, а на стройных ножках красовались жемчужно-белые пуанты.

— Вадим, познакомься. Это Диана Вирэн — твоя будущая подопечная.

— Нет! Я знаю, о чем вы хотите меня попросить. И говорю: «Нет». Из этого ангелочка не получится сделать солдата. Даже атташе! Так что увольте меня от акта вашей благотворительности.

— Подожди. Девушка попала в серьезный переплет. Так как мальчик оказался с Риона, родители погибших детей, а их больше сотни, заподозрили что-то неладное. Один единственный выживший ребенок родом оттуда же, откуда и террористы. Подозрительно, не так ли?

— Ну, наверное.

— Спасла его эта девочка. По доброте душевной. А кое-кто решил, что, дело нечисто.

— Бред!

— Да. Но в этот бред поверили. Не все, конечно, но поверили. И на нее открыли настоящую охоту. Ей хотят жизнь сломать. Просто так. Не чтобы виновных наказать, а, чтобы хоть на ком-то отыграться. А наши доблестные власти решили, раз пострадавшим нужен козел отпущения, пусть им будет неизвестная и ненужная никому девочка, а не кто-то из них. Так что защитить ее некому, а защитить себя сама она не сможет. Диане семнадцать лет, и эта девочка круглая сирота.

— Ладно, — буркнул майор — Можете считать, что воззвали к моей совести. Мне ее тоже жалко. Но зачем эту красавицу на мой курс отдавать? Она же и трех недель не продержится. Вы же знаете, что я не делаю скидок своим курсантам. Они для меня все равны. И нянчиться с вашим ангелочком я не стану.

— Знаю, — генерал задумчиво посмотрел на него. — И, тем не менее, прошу взять ее к себе. Ты же понимаешь, что я мог бы определить ее к тебе, не спрашивая твоего мнения. Но тут дело щекотливое. Девочка столько пережила, сколько иным за всю жизнь не выпадает.

— Станислав, я все понимаю и ценю вашу откровенность. И все равно, не стану ей сопلي вытирать. Да, мне ее по-человечески жалко. Но...

— Вадим, а тебя кто-то просил с ней нянчиться? Сопли вытирать? — рывкнул генерал. — С нее будет такой же спрос, как и с остальных. Не больше — не меньше. Но ты сможешь ее защитить. Твои ребята травлю устраивать не будут. Ты этого им не позволишь.

— Будут. Почуют слабинку и устроят вашей протее «веселую» жизнь.

— Это мелочи. Не такая уж она и слабая. Выдержит.

— А чего тогда вы от меня хотите?

— Возможно, на тебя начнут давить родители погибших детей. Когда найдут ее. Сначала предлагать взятки. Потом угрожать. Я единственное, что я от тебя хочу, чтобы ты не

шел у них на поводу.

— Станислав, при всем моем к вам уважении... вы... переходите границы.

— Не кипятись, Вадим.

— Вы понимаете, ЧТО попросили у меня всего минуту назад? Чтобы я не брал взятки и не боялся угроз. Неужели вы столь низкого обо мне мнения?!

— Нет, конечно, — сморщился генерал. — Ты просто неправильно меня понял. Я лишь обозначил то, с чем ты столкнешься. А не идти у них на поводу я тебя попросил просто для того, чтобы ты, не дай Бог, не уверился в ее виновности.

— Я что на идиота похож? Девчонка семнадцати лет связана с террористами! Я столько не выпью, чтобы в такое поверить. И, тем не менее, мне все это не нравится, — майор поднялся. — У нас здесь Военная академия, а не институт благородных девиц! Так что я против!

— Ну, мы посмотрим, как пойдет, — усмехнулся генерал и Вадим вдруг понял, что именно такой реакции ректор и ожидал от своего подчиненного. — В общем, все трое зачислены на твой курс.

Вадим вздохнул и уныло выдохнул:

— Разрешите идти?

— Иди.

Майор козырнул, взял личные дела и направился к выходу. Уже открывая дверь, он услышал вкрадчивый голос полковника:

— Она славная девочка. Ты мне еще спасибо за нее скажешь. Вот помяни мое слово.

Спускаясь по лестнице, Вадим вполголоса ругался, а когда подошел к своему кабинету тихо сказал:

— Девочка! Нет у меня ни девочек, ни мальчиков. Есть курсанты обоих полов! И не получит этот изнеженный ангелочек у меня ни одной поблажки несмотря на всю протекцию генерала.

В самом кабинете его ждал сюрприз. В его кресле сидел Майкл. Он держал в руках наполненный до половины стакан с бренди.

— Привет, — сказал он с виноватой улыбкой. — Я тут пока тебя не было немного уменьшил твои запасы спиртного.

— Привет. Ты что ту делаешь?

— Да вот... немного раньше вернулся. А как у себя в квартире оказался, понял, что лучше бы не торопился из отпуска возвращаться. Такая тоска навалилась. Решил к тебе зайти. Ты ведь понимаешь?

— Понимаю. Сам такой.

— Я тоже по ним скучаю, — тихо отозвался Майк.

Вадим кивнул. Но развивать болезненную для них обоих тему не решился, поэтому спросил:

— Как прошел отпуск?

— Шикарно! — наигранно-весело начал его приятель. — Море. Солнце. Теплый песок. А по вечерам культурная программа.

— Бары и ночные клубы?

— Балет, опера и даже пара походов в театр. А ты чего такой хмурый?

— Генерал вызывал, — пожаловался Вадим

— И что?

— Обрадовал, что собирается повесить на мою шею троих «сложных» детишек

— Допустим, не в первый раз. И вряд ли тебя бы это расстроило. Давай, выкладывай.

Вадим поделился с другом последними новостями и налил себе еще виски. А Майкл лишь уныло протянул:

— Я тебя предупреждал, что так будет. Надо было со мной ехать. Развеелись бы, отдохнули.

— Во-первых, ты ехал не один, а с Антонией. А, во-вторых, думаешь, если бы я к вам все же присоединился бы, Вирэн определили бы к кому-то другому?

— Нет, конечно, — едко заметил его приятель. — Но психовать на пустом месте ты бы не стал. А так... нервы у тебя сдают. Подумаешь... девчонка какая-то. Не потянет программу — отчислят или сама уйдет. И, вообще, чего ты на нее взелся? Ты же даже не видел ее ни разу. Может она не ребенок, а золото? Ну, ты же знаешь... тихие, звезд с неба не хватают, но проблем не создают — исполнительны и очень стараются.

«Действительно. Чего это я?» — подумал Вадим.

— Да. Ты прав. Я поспешил с выводами и предположил худшее. А это неправильно. Спасибо, что одернул.

— Да не за что. Пошли лучше в спортзал? — вдруг предложил Майкл.

— А не поздно? Да и трезвыми нас не назовешь.

— Когда это нас останавливало? Нет уж! Собирайся и пошли. Дурь из твоей головы выбивать. Или боишься, что я тебе задницу начищу как в прошлый раз?

— Это мы посмотрим, кто кого, — хмыкнул майор. — Пошли, герой!

По счастливому стечению обстоятельств, насколько об этом можно было говорить в данных условиях, вступительные экзамены Артенийской Военной Академии начинались двадцатого августа. То есть ровно через два месяца после того дня, когда произошла трагедия в Андорском театре.

Девушке пришлось принять предложение родителей Эдмонда — остаться до этого времени в их доме. Хотя, их навязчивая забота ее и тяготила. Но дом семьи Рое было в любом случае лучше, чем интернат для сложных подростков. А это было единственное место, где ее соглашались принять. Она проверяла. Отправила около сотни запросов, но получала лишь вежливые отказы.

Поэтому Диана очень серьезно отнеслась к возможности поступления в Артенийскую военную академию. Потому как на сегодняшний день это было самое адекватное решение возникшей перед ней проблемы. Ведь если она не сможет попасть на сцену, то единственное, что у нее останется — это возможность танцевать хотя бы для себя. Пока ситуация не изменится, разумеется. О том, что она навсегда попрощается с балетом, девушка даже думать не могла.

Но для того, чтобы переждать бурю нужно безопасное место. И Артен был не самым плохим вариантом.

За прошедшее время девушке пришлось сделать многое. Ну, во-первых, свыкнуться с мыслью о том, что ее жизнь изменилась. Во-вторых, смириться с тем больше никогда не увидит тех, кто прожил с ней бок обок последние двенадцать лет. А в-третьих, подготовиться к вступительным экзаменам.

И если общеобразовательная программа не вызывала у нее особых трудностей, то все остальное... давалось тяжело.

Танцы... точнее, ее отношение к ним тоже изменилось. И если раньше они были любимым делом и целью ее жизни, то теперь стали ниточкой, привязывающей ее к миру живых. Только когда играла музыка, а тоненькая девичья фигурка застывала в немыслимых для обычных людей па, на ее душу снисходило некоторое подобие успокоения.

На Артен Дана прибыла в компании двух огромных чемоданов. Собственно, ей никогда не требовалось столько вещей, но госпожу Рое переспорить было невозможно. Она не представляла, как молодая девушка проживет без всяких милых женскому сердцу безделушек, вроде фена с двенадцатью насадками и двадцати платьев. Элина упрямо стояла на своем, не обращая никакого внимания на попытки своей подопечной умерить ее пыл.

Циферблат часов показывал десять минут шестого по местному времени. Так что добраться до академии вовремя — к девяти не составляло для девушки никакого труда, просто наняв такси. Кстати, заказала она его заранее — по сети. И за пару минут до высадки из корабля подтвердила, что такси ей все еще нужно.

На стоянке было многолюдно. Сновали туда-сюда люди, шумно переговариваясь, приезжали и отъезжали и машины. И найти в этом столпотворении «ее» такси было очень и очень сложно. Хоть девушке и дали координаты. Потому что все такси одинаковые. Компактные машинки ярко-оранжевого цвета. И их на одном только участке Б-7 десятка два

— не меньше. А Диане нужно было отыскать такси с номером 1242.

И пока она, встав на носочки пыталась разглядеть табличку на лобовом стекле очередного такси, в нее чуть не врезался встрепанный парень, который весьма эмоционально общался с кем-то по телефону:

— Я заказывал такси больше часа назад. И мне сказали, что машина будет. А теперь вы предлагаете мне подождать еще час. Поймите, я не могу. У меня через четыре часа начнутся вступительные экзамены. Мне нельзя опаздывать. Плевать я хотел на то, что в вашей базе произошел сбой. Это не мои проблемы! И ваши извинения мне ни к чему. Мне машина нужна.

Здраво рассудив, что таких совпадений не бывает. Вряд ли совпали бы число и время экзамена в разных учебных заведениях. Поэтому похлопала парня по плечу и спросила:

— Артенийская Военная Академия?

Он кивнул.

— Я туда же. И мое такси уже здесь. Если хочешь со мной, ищи номер 1242.

— Это шутка?

— Не хочешь — как хочешь, — нарочито-безразличным тоном заявила девушка. — Не навязываюсь.

— Прости, — смутился он. — Конечно, хочу.

Такси они нашли довольно быстро. Погрузили чемоданы в багажное отделение и сели на широкое заднее сиденье. Вообще-то оно рассчитано на одного человека. Но водитель им и слова не сказал, так как молодые люди вдвоем не превысили критической массы в сто сорок килограмм.

— Детки, вам куда? — спросил он с некой долей покровительственной иронии.

— К главному зданию Артенийской Военной Академии, — холодно отчеканил парень, видимо обидевшись на «деток».

— Хорошо. Часа через три будем.

Ребята устроились поудобнее и с интересом уставились друг на друга.

— Джейсон Риз, — представился молодой человек, протягивая ей руку. — Но можно просто Джейс.

Девушка едва сдержала брезгливую гримасу. Она терпеть не могла рукопожатия. Особенно с мужчинами. Слишком уж часто они, стремясь поставить акцент на равенстве полов забывают, что имеют дело с женщинами и сдавливают кисть изо всех сил. А Дана всю жизнь не армрестлингом занималась, а танцами. Поэтому пальчики у нее были достаточно нежными. Да и не принят этот жест в балетной среде. Можно сказать, люди искусства, стараются проявлять солидарность художникам и музыкантам.

— Диана Вирэн. Но можно просто Дана, — ответила она, нехотя протягивая ему руку ладонью вниз в надежде, что тот поймет намек.

Он понял. Видимо этикет, все же, изучал. И вместо того, чтобы схватить и грубо затрясти, поднес свои пальцы к губам. Девушка облегченно выдохнула. Поцелуи ей тоже не особо-то и нравились. Но, как известно, из двух зол выбирают меньшее. Это хотя бы не больно.

— Спасибо, что согласилась меня подбросить.

— Да не за что.

— Есть. Вот только зачем ты это сделала?

— Что «зачем»? — Дана посмотрела на него, как на сумасшедшего. — Ты же на

экзамен бы опоздал. А мне не трудно было.

— В Артене конкурс — пятеро на одно место. Чем меньше человек прибудет к экзаменам вовремя — тем выше шанс поступления у остальных. И ты сейчас на какой-то, пусть и маленький процент снизила вероятность собственного поступления.

Диана задумалась. Ведь этот парень был прав. Действительно, снизила. Теоретически. Еще не факт, что он окажется, лучше подготовлен. Но дело не в этом. Она даже не подумала о возможных проблемах, связанных с таким поступком. Просто в ее школе девочки никогда не видели в мальчиках соперников. Ведь женский и мужской балет — это совершенно разные категории. Майку или Дэну не могли дать партию Жизели. У них даже классы разные были. И девушка до сих пор не воспринимала мужчин, как конкурентов. Зря, наверное. Но сказать это вслух она постеснялась. И постаралась отделаться пространной фразой:

— Иногда нужно делать добрые дела, не задумываясь над процентами и вероятностями.

— Нужно, — кивнул он и еще раз оглядел свою спутницу.

Довольно высокая. Метр семьдесят, наверное, или около того. Настолько худенькая, что ключицы выпирают. На юном почти кукольном лице горят любопытством ярко-голубые глаза. Губы... по-детски пухленькие. Но именно по-детски. У нее не было ареола чувственности, свойственного хорошеньким девушкам. Она не кокетничала, не бросала на него жарких взглядов, обещающих все и ничего. Только какая-то не совсем понятная ему, но невероятно подкупающая искренность.

— Это правильно, — несколько смущенно ответил Джейсон. — Наверное. Я надеюсь, ты все же поступишь.

— Я тоже.

— А почему ты выбрала Артен? — спросил он через минуту.

Видимо тишина этого парня угнетала. Дана тяжело вздохнула. Вот и делай после этого добрые дела. Она ведь так хотела подремать пару часов. Ну, да ладно. Ей все равно нужно тренировать свою легенду, чтобы не проговориться случайно.

— Эту академию выбрал мой отчим. И мне кажется потому, что она находится очень далеко от Фарэи, где они сейчас живут с мамой.

— Знакомая ситуация, — горько усмехнулся Джейс. — А где ты до этого училась?

— В частной балетной школе на Терре-11. Это тоже было очень далеко от Фарэи.

— А что тогда тут делаешь?

— Отчислили.

— Из-за чего?

— Экзамены завалила. Из-за чего же еще отчисляют?

— Специально?

— Нет, конечно, — натянуто рассмеялась девушка. — Просто так получилось.

— Прости.

— Да нет, все нормально. Способности у меня так себе... средненькие. Так что классический балет не многое потерял. А ты? Где ты учился?

— Да, где я только не учился, — усмехнулся тот. — Мои предки решили, что я должен окончить солидное учебное заведение. А перед этим получить всестороннее образование. Я даже в школе одной отметился. Общеобразовательной. С утра и до обеда там сидел. А потом на дополнительные занятия шел. Чтобы от индивидуальной программы не отстать. Это была идея отца. По его мнению, мне полезно было общаться с обычными ребятами. Бесценная

возможность изучить надежды и чаяния простого народа. Изнутри, так сказать.

— И что?

— Да, ничего, — буркнул парень. — Паршиво мне там было.

— Почему?

— Как бы тебе объяснить? Разница в воспитании и видении мира. Там фраза: «Ну ты и б... эм... девушка легкого поведения» — считалась комплиментом, а драки являлись нормой жизни. Но вот в чем проблема. Мне драться нельзя. Я с семи лет занимаюсь единоборствами. У меня четвертый кю — синий пояс Сётокан. И если разозлюсь или немного не рассчитаю силу... все может кончиться травматологическим отделением. Не для меня, конечно. Мастер этого очень не любил. И из школы вполне мог выставить. А мне этого очень не хотелось. Все же это было единственным местом, я чувствовал себя хорошо. Там можно было не строить из себя, не пойми кого, и просто быть собой.

Джейс осекся и покосился на девушку. онвдруг понял, что слишком уж разоткровенничался с этой совершенно незнакомой ему девчонкой. Такого он не позволял себе даже с самыми близкими приятелями. А тут словно плотину прорвало. Но Дана сидела и смотрела на него с вежливым любопытством и какой-то понимающей усмешкой на губах.

— Тебе повезло, — сказала она тихо. — Ты хоть где-то мог быть собой. У некоторых и этого не было.

— А тебе значит, не повезло?

— Почему ты так подумал? Мне ничего не мешает, и сейчас быть самой собой.

Молодой человек скептически оглядел свою спутницу. Но увидеть на ее лице хотя бы тень фальши не смог. Хотя, нет. Живейший интерес, с которым она на него смотрела, был все же не слишком искренним. То есть ей вроде бы и было интересно, но на лице явно отражалась усталость и желание хоть немного отдохнуть. Да и голос был... тихим и каким-то вялым. А значит, она хочет спать, а не слушать его исповедь. Это нормальное желание психически здорового человека — отдохнуть, пока есть такая возможность. Из этого можно сделать простой и не слишком оптимистичный вывод. Девчонка виртуозно владеет собственным лицом. Ему до такого уровня еще расти и расти. А вот с голосом накладочка вышла. Хотя... если она действительно училась в балетной, то ничего удивительного. Ее этому просто не учили. А сам человек, насколько бы он не был талантлив, дойти до всего не может. Что-то, да и останется неохваченным.

— А сам-то ты почему выбрал Артен?

— Это не я выбрал. Отец настоял именно на этой академии. А если бы меня спросили... — и тут Джейс резко оборвал себя на середине предложения.

Черт. Он снова чуть не начал разбалтывать... не то, чтобы секреты, но что-то очень личное.

— А что бы ты выбрал? — спросила она, немного склонив голову вбок.

И Джейс решил. В конце концов, что ему терять? Если она не поступит. Что ж... весь этот разговор можно будет списать на синдром случайного попутчика. Если же поступит... все равно со временем пришлось бы обзаводиться друзьями. А эта малышка — не самый плохой кандидат на эту должность. По крайней мере, на первый взгляд.

— Я всю жизнь хотел летать, — мечтательно протянул тот.

Дана хмыкнула. Ей летать не нравилось совершенно. Полет до Артена показался мучением, несмотря на то, что семья Рое обеспечила ее местом в каюте первого класса. А путешествие от Тания до Тьерры, вообще представляло из себя нечто за гранью добра и зла.

Вибрация, перегрузки и прочие «радости жизни» не давали насладиться полетом.

- Но... для кадетского корпуса я староват, — тем временем продолжил Джейсон. — А без этого в летную академию просто не берут.

— Но есть же гражданская авиация. Школы пилотов и все такое, — с неожиданным жаром отозвалась девушка. — Если ты действительно хочешь, то...

— Не всегда мы можем получить то, чего мы хотим. Отец решил, что это дурно скажется на репутации семьи, если его единственный сын будет водить транспортники, или не дай Бог, грузовые суда. Так вот, чтобы дурь из моей головы выбить, он меня сюда и определил.

— И что? — скептически протянула Дана. — Помогло?

— Нет, — усмехнулся парень. — Слишком уж крепко она в моей голове сидит. Так что избавиться от нее можно будет только вместе с мозгом.

Дана прыснула:

— Тогда нужно радикальное решение проблемы.

— Угу.

— Но тебе, наверно, жалко будет его терять. Все-таки вы столько лет вместе.

Джейсон усмехнулся в ответ, отметив, что чувство юмора у нее все же есть. И ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы эту девчонку приняли в Артен.

Вадим не любил день вступительных испытаний. Слишком шумно. Слишком многолюдно. У него складывалось ощущение, что вся эта толпа, складывающаяся из невероятного количества юных, а от того совершенно бестолковых соискателей места в Артенийской Академии — живой организм который невозможно контролировать. А всего, что майор Аверин не мог контролировать, он старался избегать. Ну, или хотя бы держаться от этого на максимальном отдалении.

Зная эту особенность своего подчиненного, генерал старался занять его каким-нибудь, ну очень важным делом. Например, посадить в приемную комиссию. Или вовсе выслать куда-нибудь.

Сегодня же ему предстояло проводить собеседования на заключительном этапе. То есть с теми ребятами, которые показали достаточные для поступления результаты. Конвейер. Нудная, и по сути никому не нужная работа. Но как же... знакомство с собственным курсом. Святое действо с точки зрения начальства. А по мнению Вадима — пустая трата времени.

Что толку говорить? Человек познается в делах. Узнать кто из его будущих курсантов, на что способен, он сможет только после того как понаблюдает за ними в стрессовой ситуации.

Умением устраивать мини-учения, порой приближенные чуть ли не к боевым условиям майор славился на всю академию. Курсанты за глаза обзывали его Садистом, Извергом и Маньяком. Поначалу. А потом в основной своей массе проникались симпатией к этому непростому человеку. Нет, конечно, многие его побаивались. Но все без исключения уважали. За мужество, стойкость и честность.

Вадим Аверин тоскливо вздохнул. Как же он не хотел сейчас здесь находиться. Но ничего не поделаешь. Работа такая.

Поздороваться. Представиться. Поинтересоваться именем будущего курсанта. Поинтересоваться о том, с чего вдруг в его или в ее светлую голову пришла идея о поступлении в данное учебное заведение. Выслушать достаточно пространственный и местами путанный ответ. Задать еще пару вопросов, если ответ на предыдущий был хотя бы более или менее вразумительным. Выдать дежурную улыбку. Поздравить с поступлением и мягко намекнуть, что администрация Академии в лице куратора всегда готова помочь, если вдруг перед курсантом возникнет проблема, с которой сложно справиться в одиночку.

По случайному ли стечению обстоятельств или по указанию генерала, но все трое «проблемных» детишек попали к нему в числе первых. И он решил не терять времени зря.

Джейсон Риз произвел на него благоприятное впечатление. Достаточно обаятельный молодой человек. Красивый. За таким явно девушки бегают и штабелями у ног укладываются. Но в принципе это единственный откровенный недостаток. Хотя это еще вопрос: можно ли считать привлекательную внешность недостатком?

В остальном же... Сдержанный. Осторожный. Можно даже сказать, излишне недоверчивый. Характер чувствуется. Остроумен. Но настроен по отношению к преподавателям академии немного враждебно. Хотя и пытается это скрывать. В общем, неплохой парень. Толк из него выйдет. Но приручать его, вероятно, придется долго. Хотя...

если в ближайшее время заведет пару-тройку достаточной близких друзей, может это будет не так уж сложно?

Далее шли дамы. Хотя была бы его воля, ни одну девицу он бы даже на порог военной академии не пустил бы.

В женщине заложено природой быть матерью и хранительницей очага. Они должны ждать своих мужчин, которые на орбитальных станциях и рубках боевых кораблей хранят их мирную жизнь. А вот на передовой, да и вообще на военной службе им не место. Но это было личное мнение майора, и он его не афишировал. Чтобы не прослыть законченным шовинистом и ретроградом.

Так как, в Федерации существовало равноправие полов, никто не мог помешать прекрасной половине человечества выбирать армейскую стезю. А соответственно майору Вадиму Аверину приходилось каждый год возиться с курсантами женского пола. И это его тяготило.

Нет, он не был женоненавистником. Просто дамами у майора всегда складывались сложные взаимоотношения. Он их не понимал. И считал, что эти прелестные создания думают по-другому, живут чувствами, когда необходим трезвый расчет, А уж от логики они бесконечно далеки. Хотя и признавал за ними многие таланты, которых лишены мужчины. Например, распознавать эмоции, гасить их и провоцировать необходимые. Была на их базе у Фазта женщина-психолог. Вроде бы ничем непримечательная. Обычная. А казалось, одним только своим присутствием рядом успокаивает и внушает уверенность.

Вера Скольник ему не понравилась. Совсем. Хотя она была достаточно эффектной. Идеальная кожа. Красивые золотистые волосы. Фигура соответствует всем канонам современной моды. Средний рост. Пышная грудь. Узкая талия. И умение показать себя — подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки.

Вадим девочку оценил. И вынес неутешительный для нее вердикт: «Стоит недорого». Его отталкивали женщины, которые привыкли всегда получать то, что им хочется. А больше всего на свете он не любил людей неразборчивых в средствах обретения желаемого. Холеная, привыкшая нежиться в лучах мужского внимания. Она первым делом прощупала почву на предмет того, чтобы обратиться в случае чего именно к Вадиму. И даже как бы невзначай намекнула на благодарность. И на личную благодарность в том числе. Вадим дал понять зарвавшейся дуре, что он думает по этому поводу и, похоже, немного сбил спесь. По крайней мере, она покинула его кабинет слегка растерянной и даже смущенной, что для такого типа женщин нехарактерно.

И, наконец, третий «трудный ребенок». Еще одна женщина на его голову. Диана Вирэн. Та самая героиня истории с захватом заложников. Хотя какая она женщина? Пигалица мелкая, которой впору еще в куколок играть, а не в солдат.

Девочка явно не понимала, куда попала. Или не хотела понимать. Но он был совершенно уверен, что толка из нее не выйдет. По крайней мере, на военном поприще. Может там — в мире театра и балетных па ей и будет место, но здесь — нет. Судя по всему, она жила в своем собственном мире. В прошлой жизни. И не было у нее никакого желания учиться в Академии. Ее принудили к этому обстоятельства. Она с ними временно смирилась. И все! Помани ее сцена — уйдет и не обернется. В этом он почему-то был твердо уверен.

Если среди остальных ребят были и те, кто попал в Академию не по велению сердца, то они хотя бы в той или иной степени могли ассимилироваться с реалиями Военной Академии. А она — нет. И поэтому ей здесь не место.

Аверина захлестнула волна раздражения. Пришла. Заняла чье-то место. А ему придется возиться с бесперспективным курсантом.

Но это была всего лишь одна сторона медали. А другая... девчонка ему нравилась.

Она была чудо, как хороша. Одета достаточно скромно. Но со вкусом. С такой, в отличие от той же Скольник не стыдно появиться в приличном обществе.

Кукольное личико, не изуродованное тонной косметики, как нынче модно у молодежи. Гордая осанка. Не совсем понятное ему сочетание нежной чувственности и шарма без малейшего намека на сексуальность. Перед ним сидел красивый ребенок. Наивность и невинность в одном флаконе.

«Вот бы жениться на такой... ясноглазой», — пронеслось у него в голове. Но мужчина тут же одернул себя. Эта его подопечная. И он морального права не имеет смотреть на нее, как на девушку.

С остальными курсантами, поступавшие на общих основаниях, никаких сюрпризов не было. Обычные ребята. Были среди них и те, кто посильней, и те, кто послабей.

Вот, например, Рей Андерс. всю жизнь занимается карате. И к своим восемнадцати годам добился неплохих результатов. Спокойный. Уравновешенный. Пожалуй, еще и упертый. Если пойдет на принцип, звездолетом не отгатишь. Хороший мальчишка. А Пол Бурэ — посредственность. Абсолютная. Учебный бал средний. В спорте особых достижений нет. Увлечений — почти не имеет. Принципов, как это ни печально — тоже. Но над этим можно работать. И майор Аверин решил приложить все силы, чтобы воспитать из своих подопечных — гордость Федерации.

К концу дня Вадим чувствовал себя полностью измотанным. Усталость давала о себе знать, и меньше всего ему хотелось идти на торжественный прием в честь нового поколения курсантов. Но как начальник курса он там быть обязан. Все-таки его «детишки» развлекаются.

Единственное, что он себе позволил — это ОЧЕНЬ медленно переодеваться в парадный мундир. А потом неспешной походкой идти в зал Собраний. Как всегда, перед ежегодным традиционным приемом из него вынесли все стулья и аппаратуру и теперь это было огромное помещение в котором толпилось пять десятков курсантов в новой, только что выданной форме. По периметру зала тянулись столы, накрытые легкими закусками и безалкогольными напитками.

На широком постаменте возвышался длинный стол со стульями. На столе напротив каждого стула стояла табличка с именем и должностью.

Вадим хмыкнул. Как всегда, девяносто шесть. Начальник Академии, тридцать начальников курсов и преподаватели. Все места, кроме принадлежащего майору, были уже заняты.

Как раз к появлению Вадима наступил небольшой перерыв. Играла тихая музыка. По залу носились пьяные от счастья первокурсники, сталкиваясь друг с другом, смеясь и болтая. Ребята постарше вели себя чуть более сдержанно. Но бесшабашное веселье младших всегда заразительно.

С трудом протолкавшись сквозь эту толпу, он занял свое место рядом с Майком, поймав укориженный взгляд ректора.

— Где тебя носило? — весело поинтересовался приятель.

— Да так...

— Ты многое пропустил.

— Например? — мужчина иронично вздернул бровь. — Речь генерала не меняется год от года. Слышал я ее, дай бог памяти, раз пять. Могу наизусть рассказать.

— Да, нет. Я не о том. Твои ребята так зажигали! Верестов и Беров посинели от зависти. После того, как твои Риз и Вирэн показали на что способны, их воспитанники выглядели, скажем так... более чем посредственно. Хотя, тут все так смотрелись, даже выпускники наши. Ой, гляди, они снова в центр выходят.

— Кто?

— Вадим, не спи! Я тут перед тобой минут пять распинаюсь, а ты мимо ушей всю информацию пропускаешь. Риз и Вирэн, видимо танцами занимались. Да, причем, так, что иные профессионалы рядом с этой парочкой выглядят довольно блекло. В этом зале они всем нос утерли. Сейчас, видимо, грядет еще одно показательное выступление.

Курсанты торопливо расступились, освободив центр зала. Надо было отдать этой парочке должное. Они блистали. И вместе смотрелись просто отлично. Тоненькая и хрупкая Диана, которой удивительно шла парадная форма. И атлетически сложенный Джейсон, кажущийся на ее фоне особенно мужественным.

Грянула музыка и ребята с невероятной для простого смертного скоростью закружились в танце. Легко, непринужденно, с непередаваемым изяществом и грацией профессионалов.

Вадим покачал головой. Он тоже в свое время заканчивал военную академию. И в программу обучения были включены танцы. Он даже считался не самым плохим танцором среди сверстников. Но двигаться так бы не смог, даже если бы от этого зависела его жизнь. Эти двое, надо отдать им должное, действительно творили нечто невообразимое. Хотя глупо ждать от Вирэн чего-то другого. Ученица академии классического балета и должна быть в этом лучшей.

Вот только... разве это главное достоинство курсанта? Умение кружиться по залу? Танцы — это, кстати говоря, факультатив — предмет, который не влияет на итоговую оценку.

Ведь для военных есть гораздо более важные умения. Вадим почувствовал, что начинает злиться. Выругавшись про себя он постарался успокоиться. Да что такое с ним происходит?! Он повернулся к Майку. Тот как прикованный следил за Вирэн и Ризом, и на его лице застыла выражение совершеннейшего восторга.

«Надо же, — усмехнулся про себя Вадим. — Не знал, что он такой любитель танцев».

Но вот музыка смолкла и слово вновь взял ректор. Майкл наклонился к своему другу:

— Вадим, расслабься. Ты сидишь словно шест проглотил. Что случилось?

— Ничего. Скучно просто, — соврал он. — Танец как танец. И что ты в этом нашел?

— Эх, Вадим-Вадим. Где твое чувство прекрасного?

— Чувство прекрасного мне не нужно, — отрезал майор. — А у нас тут военная академия. И мы слава богам не оцениваем курсантов по их умению перебирать ножками.

— Ну, не скажи, — усмехнулся лейтенант. — Я так, очень даже оцениваю. У ребят неплохие задатки. Это я тебе как инструктор говорю. Шаг легкий, движения плавные. Растяжка, опять же. Отличный материал для будущих рукопашников.

— Риз — да. Но девчонка?! Издеваешься? — Вадим изумленно смотрел на друга. И тот похоже действительно говорил серьезно.

— Ну, это будет непросто. Я имею в виду, сделать из нее бойца. Но вбить навыки самообороны на среднем уровне — так... пара пустяков.

— Не смей меня. По мне так, это пустая трата времени. Из этой маленькой балерины

даже ты не сотворишь вторую Валькирию.

Майк внимательно посмотрел на него и, махнув рукой, отвернулся. Вадим пожал плечами и погрузился в привычное сонное оцепенение всегда охватывавшего его во время официальных приемов.

На следующий день, Вадим вошел в аудиторию где его разноголосым хором приветствовали новоиспеченные курсанты. Он внимательно оглядел сидевших перед ним. Похоже, мало кто выспался после вчерашнего вечера. Судя по виду некоторых курсантов, они уже успели отметить поступление. Несмотря на запрет употребления спиртных напитков в Академии. Но сегодня он был склонен смотреть на это небольшое нарушение устава сквозь пальцы.

Не начинать же свое первое настоящее знакомство с коллективом, руководить которым ему предстоит пять лет с репрессий? Да и если быть честным, он сам, когда поступил, так напился, что едва смог отсидеть все положенные лекции на следующий день. До сих пор вспоминать страшно. Так паршиво ему было.

— Итак, курсанты, — начал он — Я майор Вадим Аверин. Чтобы избавить от ненужных вопросов сразу сообщу. Да, я ветеран Верийского Конфликта и Кавалер Ордена Безысходной Доблести. Его еще называют «Серебряными крыльями». Потому что дают его только тем, кто совершил невозможное и уже никогда не сядет за штурвал. В знак того, что человек, хоть и не сможет больше летать, но для флота навсегда останется «Крылатым». Да, отлит он из чистого серебра. Нет, я не буду его никому показывать. Дотянете до выпуска, надену парадный мундир, тогда и насмотритесь. Но главное, что вы должны уяснить, я ваш начальник курса и ваш куратор. Надеюсь, вы знаете как надо обращаться к старшим по званию? Вы поступили в военную академию. Я надеюсь, что все сделали свой выбор осознанно. Лучший курсант, это курсант, который прикладывает все старания чтобы добиться наилучшего результата. Труд, труд и еще раз труд. Какую бы вы не выбрали специальность. Везде вам требуется сила духа, твердость, самоотверженность и верность Федерации. Для тех, кто успешно пройдет три курса, присяга должна стать гранитом, на котором держится вся ваша жизнь. Бывших офицеров не бывает. Даже те, кто ушел со службы. Они всегда остаются в наших рядах. Просто поверьте на слово.

Майор замолчал, переводя дух. Он очень не любил напыщенные речи, но сейчас курсанты ждали от него именно этого. Так зачем их разочаровывать?

— Вы — будущее Федерации. Поэтому спрашивать я с вас стану, как с будущих офицеров. Раз вы пришли сюда, значит, готовы к этому. Вам говорили об этом на первом собеседовании. Но повторю еще раз. Вы можете обратиться ко мне с любой проблемой. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ее преодолеть. И, да... об этом не принято говорить на вводной лекции, но, если кто-то из вас по той или иной причине совершил ошибку, поступив сюда... ведь всякое в жизни бывает. И в этом нет ничего постыдного. Если вы придете ко мне и просто расскажите об этом, возможно, мы сможем сгладить последствия данного промаха. Знайте, дурак не тот, кто ошибся, а тот, кто, понимая это, не желает ошибку исправлять. Подумайте над моими словами!

Вадим с трудом перевел дух. Программа «Минимум» выполнена. Пора сменить тему:

— Вся необходимая вам информация о преподавательском составе и учебные планы уже находятся на ваших планшетах. Внимательно ознакомьтесь с ней сегодня. А сейчас, я

предлагаю вам написать небольшое сочинение на тему: «Почему именно я должен стать старшиной группы». Времени у вас ровно час. После этого вы сдаете мне ваш шедевр эпистолярного жанра и идете в мед. кабинет. Там проверяют ваши карты и при необходимости делают недостающие прививки. Вопросы есть?

Дана подняла руку. Вадим через силу натянул на свое лицо доброжелательную улыбку.

— Да. Прошу вас представьтесь и спрашивайте.

— Курсант Диана Вирэн. А что если я не хочу становиться старшиной?

— Так пишите, почему вы этого не хотите, — резко отчеканил он, всеми силами пытаясь погасить волну раздражения, вздымающуюся в его душе. — Курсант Вирен, это же вполне логично. Учитесь хоть иногда думать. Это полезно.

На этом вопросы закончились, и курсанты погрузились в работу.

Разбираться в творчестве своих подопечных Вадим решил у себя. За чашечкой кофе с коньяком. Потому что на трезвую голову воспринимать этот бред было выше его сил. Бесило до ужаса. Он это понял, прочитав первое сочинение. Пол Бурэ написал два листа. А информации это дало — всего ничего. Что он — действительно посредственность с завышенной самооценкой. Причем не отягощенная интеллектом!

— К тебе можно? — заглянул Майк в кабинет друга.

Вадим, оторвался от очередного опуса и невольно поморщился, взглянув на часы. Семь часов вечера.

— Заходи — махнул рукой майор. — Надо же... всего полтора часа, а я уже готов убивать. Сам себе поражаюсь, хотя пора бы и привыкнуть.

С этими словами он вновь вернулся к чтению, а Майкл зашел в кабинет и улыбнувшись сел в кресло для посетителей.

Сколько раз он бывал здесь и ничего не менялось. Говорят, что помещение, в котором человек проводит свои ночи может много рассказать о своем хозяине. Но вряд ли это касалось комнаты Вадима. Сколько лет он знал майора все эти годы тот так и не раскрылся до конца. Хотя наверно именно Майк знал о майоре Аверине больше всех в академии. И похоже был его единственным близким другом.

Все скромно и строго. Единственной роскошью был стол из белого бука, который как он помнил подарил Вадиму на юбилей его дед. Древесина в век пластика и всевозможных более надежных и удобных заменителей традиционных материалов, стоила довольно деньги.

— Ну как твои ребята? — осведомился Майкл, кивая на стопку листов, возвышавшихся на краю стола.

— Паршиво, — буркнул тот в ответ, откладывая в стопку лист, который судя по всему оказался последним. — Сортирую их «шедевры» по стопкам. В первой: «Я дисциплинирован и ответственность — мое второе имя. Со мной группа добьется заоблачных высот». Так рассуждает большинство.

— Плохо.

— А я про что? Сплошные штампы и не одной собственные мысли. Еще шестеро сослались на то что умеют ладить с коллективом и улаживать конфликты. Пятеро указали на наличие опыта подобной работы. Четверо высказались на тему: «Вы правда думаете, что нам это надо?»

— Что-то новенькое, — рассмеялся Майк. — А с чего это они?

Вадим откинулся на спинку кресла.

— Да так... есть у меня один провокатор.

— Кто?

— Вирэн.

— Понятно. Но ты лучше скажи, кого назначишь на почетную должность «без вины виноватого» то есть старшины?

— Вот ее и назначу.

— Это шутка такая? — натянуто улыбнулся Майкл. — Она с ними не сладит. Спорить готов, девчонка была одной из тех, кто от этой чести усиленно отказывался.

— Угадал, — кивнул Вадим, — Ее сочинение лучшее. Она так обстоятельно разъясняла мне, что не справится. Полтора листа убедительнейших доводов. Поэтому я и решил дать ей шанс.

— Ее же съедят.

— Ее и так съедят. Какой из этого цветочка солдат? — майор поморщился. — Она в любом случае не справится. Так хоть на благо курса послужит.

— Ты же знаешь, как курсанты принимают назначенного командира.

— Вот именно!

— Вадим, это неразумно! — возмущенно заявил Майкл

— Почему же? У Вирэн очень высокий пропускной бал. Она неконфликтна, сдержана, и ее честолюбие простирается в несколько иной плоскости. Идеальный вариант.

— Козла отпущения?

— Можно и, так сказать.

— Ей всего семнадцать. Она самая младшая в твоей группе. Девочка и горя хлебнула...

— И что? — пожал плечами его собеседник, — Сочувствую, но тут военная академия, а не институт благородных девиц! Я ее, что ли поступать уговаривал? Золотые горы обещал? Нет. Это ее решение было. Вот пусть и расхлебывает.

Майкл осуждающе покачал головой, но развивать тему не стал, понимая, что друга не переубедить.

— Ладно, я пошел, — сообщил он Вадиму, поднимаясь. — Но ты не прав!

Вадим задумчиво проводил взглядом друга и откинулся в кресле. Может и не прав. Поживем — увидим.

О своем новом статусе, которым ее «осчастливил» Аверин Диана узнала после ужина, на второй день ее учебы в академии. И эта новость была для нее, как гром посреди ясного неба. Девушка даже в первую минуту подумала, что этот мужчина с ледяными глазами шутит. Хотя, такие, как он шутить не умеют в принципе. Им чувство юмора по должности не положено.

А ведь как все хорошо начиналось. Она поступила. И даже попала с Джейсом в одну группу.

Утром успела немного позаниматься. Благо, как оказалось, спортивные залы открыты. После общего подъема и зарядки по распорядку дня шел завтрак. Потом полтора часа свободного времени. Понятно, что после достаточно интенсивной тренировки мало кто решил отправиться в спортзал продолжить ее. На полный-то желудок. Дана решила, но с изумлением поняла, что оказалась не одна такая. В коридоре ей встретились сумрачный беловолосый парень, кажется из ее группы и Джейс. Все трое понимающе переглянулись. Эта встреча рассказала им друг о друге больше, чем тысячи слов. Назвать такое глубинное понимание сущности человека, стоящего сейчас рядом с тобой, родством душ было сложно, но... что-то лучше, чем ничего.

Ребята разошлись по разным сторонам зала и каждый начал выполнять свои вдолбленные до автоматизма упражнения. Потом вернулись к себе. Приняли душ. Переоделись и достаточно бодро отправились на занятия. О преподавателях или самих предметах пока она сказать ничего не могла. Все же сегодня было только знакомство и вводные лекции. Но, в целом, проходило это даже интересно.

Так что целый день она пребывала в отличном настроении. Условия проживания вполне приличные. Для занятий танцами есть время и, что немаловажно, место. Сокурсники признаков агрессии не проявляли. Все было прекрасно, но пока после занятий ее вызвал к себе начальник курса.

Вчера майор Аверин произвел на нее неизгладимое впечатление. Высокий. Широкоплечий. Не сказать, чтобы красивый, но, однозначно, привлекательный. И взгляд такой... честный и прямой. Такой у Дэна был. Только ее друг любил смеяться и шутить. А этот, вообще, неизвестно, умеет ли улыбаться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не сказать, чтобы куратор ее напугал. Маэстро Горский, пребывающий в раздражении, пострашнее будет, но она решила быть тише воды — ниже травы. На всякий случай.

Сюрприз же, который он ей преподнес, ее, вообще, убил. Дана объяснить, что на роль старшины она совершенно не годится возразить, но он не стал ее слушать. Лишь объявил: «Курсант Вирэн, вы свободны. Можете идти».

Зато поджидающий ее в коридоре Джейс мгновенно затащил Диану в один из пустых классов и начал допрос с пристрастием. А когда узнал все, расплылся в довольной улыбке.

— Хоть бы для приличия посочувствовал.

— А зачем? Тебя поздравлять впору. Он тебя заметил, выделил из основной массы.

Значит, он увидел в тебе что-то, что ты сама не видишь. И вообще он настоящий герой! Кумир миллионов! Представляешь...

Дана автоматически закивала, делая вид, что она слушает и ей безумно интересно. А на самом деле начала строить планы на остаток вечера. Нужно написать пару строчек господину Рое, рассказать о том, как она устроилась. И, наверное, спать лечь пораньше. А эту историю, в которой все сводилось к тому, что Вадим Аверин невероятно крут, она слышала уже несколько раз. Причем от Джейсона. Поэтому сейчас с чистой совестью пропустила ее мимо ушей.

— Разве это не подвиг?! — ворвался в ее собственные мысли голос приятеля.

— Да, подвиг, — кивнула Дана. — Да, он — герой. Но, я ему не нравлюсь. И назначение это — форменное издевательство. Хотя бы, потому что я не хочу быть старшиной.

— Да, нет, — отмахнулся парень. — Он в тебя верит. И ты справишься! Я даже тебе в этом помогу. Ты же в курсе, что тебе положен заместитель? Один или два. По ситуации.

Девушка покачала головой.

— Надеюсь, против моей кандидатуры возражений нет?

— Конечно, нет, — обрадовалась Диана.

— Отлично, — улыбнулся Джейс, — Одной проблемой меньше. А теперь давай решать, что мы будем с этим делать? У тебя хоть план есть?

— Джейс, какой план? — возмутилась девушка, — Я пять минут в должности. Да и зачем? Кстати, а это идея...

— Ну, чтобы завоевать авторитет группы. Не можешь же ты рассчитывать на то, что выплывешь просто так... на личном обаянии.

— Зачем мне это надо? Ну, побуду я И.О. старшины с недельку, пока все перезнакомятся, и ребята будут в состоянии выбрать себе лидера. А так как ты будешь моим замом, то они поймут, что ты чудесно подходишь для этой роли. Потом спокойно сложу полномочия и передам их тебе.

Джейсон демонстративно подкатил глаза и тяжело вздохнул.

— Диана, это ты меня не слушаешь. Тебе не дадут «спокойно» уйти. Не факт, что следующим старшиной стану я. А если нет? И этот самый выбранный лидер, скорее всего, попытается тебя раздавить. Чтобы избавиться от гипотетического конкурента. Половина парней считает это личным оскорблением. Мол, какая-то пигалица умнее и талантливее нас. Так что ждет тебя веселенькое времечко. Тебе этого не простят. Оправятся от шока и начнут прессовать. И даже если я стану старшиной, то при всем желании не смогу тебя защитить.

— Джейс, ну что за ужасами ты меня устраиваешь?! Не может же такого быть, чтобы вся группа поголовно жаждала моей крови.

— Не вся, — задумчиво произнес парень, — Есть парочка вполне адекватных личностей. И их срочно надо вербовать.

— Э?..

— Не будь идиоткой. Единственный способ для тебя выжить здесь — это остаться старшиной. Так с тобой просто побоятся связываться всякие придурки. Прости, но ты слегка не от мира сего. Ребенок. Наивный, светлый ребенок. Ты только не обижайся.

— На что? На правду? Ладно. Допустим, ты прав, и я попала в переплет. Идеи есть?

— Я собственно, их уже высказал. Нужно набирать в союзники адекватных ребят.

— Разумное решение. Только, ты мне скажи, зачем оно тебе надо? Я имею в виду,

помогать мне. Ты ведь рискуешь сам оказаться под прессом...

— Иногда нужно делать добрые дела, не задумываясь над процентами и вероятностями, — выпалил он с самодовольным видом. Судя по всему, фраза эта была заготовлена заранее и с нетерпением ждала своего часа.

— Так ты альтруист? — иронично переспросила Дана.

— Ни в коей мере, — покачал он головой, — Просто я могу тебе помочь. И это нисколько не затронет мои интересы. Даже, возможно, выведет меня на неплохую позицию. А раз так... почему бы и нет?

— Ладно, верю.

— Итак, с кого начнем? — деловым тоном осведомился Джейс

— Как тебе кандидатура Рэя Андерса?

— Думаешь?

— Мы, по крайней мере, с ним знакомы лучше, чем с остальными.

— Да, конечно, — Джейс просто сочился сарказмом. — Мы позавтракали за одним столиком.

— Но он производит впечатление нормального парня, — не желала сдаваться Дана. — Разве, нет?

— В принципе, ты права, — внезапно согласился с ней Джейс. — Он нормальный.

— Нет, я не настаиваю. Может, есть еще кандидатуры? Я кроме тебя, его и своей соседки не знаю никого.

— Ну, я успел еще кое с кем познакомиться. Итак, мои соседи по кубрику. Рей Андерс. Ну, о нем у тебя уже сложилось определенное мнение. Потом Вадим Талин. Приколист по жизни. Вроде и не злой, но не понимает, что его шутки людей обижают или раздражают. Хоть убей его. Снежный...

— Михаил? Правильно? Я как раз с его сестрой комнату делю.

— Ага. Тоже нормальный. Но общается по большей части с сестрой и Теодором Морье. Этот... тихий. Застенчивый немного. Из него слово лишнее не вытянешь. Но знаешь, какой у него проходной бал? Сто восемьдесят три! А IQ, вообще зашкаливает. Ладно. Кто так еще? Пол Бурэ. Станный тип. Ему, как будто бы все безразлично. Этаким пофигист в третьей степени. Смотрит на тебя, а глаза пустые. Мрак! Он меня даже больше чем Александр Польский раздражает. Кстати, о Польском. Редкостный придурок. Просто поверь. Даниил Рабле — не знаю. Но если судить по принципу: «Скажи мне, кто твой друг...» — тот еще тип. С Польским он не разлей вода. Теперь девчонки. Скольник — бл... бабочка ночная. По-другому и не скажешь. Подружка ее... ну, та, смугленькая. Кажется, ее Тара зовут. Типичная шестерка. Энн Спаркс — стерва, конечно, но, как мне кажется достаточно умная. Пока вроде все...

Девушка с подозрением посмотрела на приятеля.

— Ты, когда успел? Мы же тут два дня всего...

— Я же говорил, что много школ поменял. И далеко не во всех к новичкам было хорошее отношение. Так что... хочешь — не хочешь, а оценивать людей по принципу «С кем можно подружиться, а с кем лучше не связываться?» — учишься быстро. Ну, так что? К Андерсу мы идем?

— Конечно.

— Когда?

— Завтра, наверное. Не сейчас же. Ночь все-таки. Вдруг он спит?

— Какая ночь? — рассмеялся парень. — До отбоя еще час.

— А если его там нет? — возразила девушка.

— Вот и проверим! — заявил Джейс

— Не знаю... — Дана замялась, но ее деятельный заместитель схватил ее за руку и просто потащил за собой.

Спальные боксы курсантов находились не так уж и далеко. Здание академии было спроектировано так, чтобы каждый курс мог достаточно быстро добраться до классов и до столовой, так что с точки зрения планировки, — она была практически идеальной. Спустя двадцать минут они уже шли по длинному коридору.

Им повезло. В боксе находился всего один человек — Рей Андерс. Он лежал на кровати, уткнувшись в планшет, черкая по нему оранжевым стилусом.

Как уже поняла Дана, жилые блоки ничем не отличались друг от друга. Только мужские были рассчитаны на четверых, а женские на троих обитателей. И ей, кстати, повезло. Комнату приходилось делить всего с одной соседкой — Марией. Нормальной, кстати, девушкой. Тихой. Ненавязчивой. Она практически все свое время уделяла брату-близнецу, и ни к кому не лезла.

Четыре тумбочки. Четыре кровати. Встроенный в стену шкаф, разделенный на четыре секции. Обязательный головизор. Показывать он мог только несколько федеральных каналов, в основном новостных. Хотя Дана слышала, что находились умельцы, взламывавшие защиту и получавшие доступ в общую сеть. Совершенно бесплатно, разумеется.

— Привет! — произнес Джейс, садясь на свою кровать.

Дана опустилась рядом с ним.

— Привет, — ответил парень, откладывая в сторону планшет удивленно глядя на них. — А разве девушкам сюда можно?

— До отбоя все можно, — хмыкнул Джейс. — Особенно старшине.

— Тебя поздравить? — Рей посмотрел на Диану немного насмешливо, но в целом, вполне благосклонно.

— Если хочешь. — Девушка пожала плечами. — Но лучше посочувствуй.

— Сочувствую, — отозвался Рей лениво.

— А где остальные? — поинтересовался у соседа Джейс.

Рей прожал плечами.

— Снежный к сестре пошел. Они хотели родителям позвонить. Талин... понятия не имею. Но хорошо, что не здесь. Я с ним только познакомиться успел, а уже убить хочу. А вы по чью душу?

— По твою, конечно, — улыбнулся Джейс

— Очень интересно, — протянул Андерс, внимательно рассматривая их. — И чего вы хотите?

— От тебя — ничего! — заявил Джейс, глядя на него честными глазами. — А вот тебе мы бы хотели предложить дружбу.

— И должность заместителя старшины в комплекте с ней, — усмехнулась Дана.

— Это шутка такая? — натянуто улыбнулся парень.

— Нет. Мы серьезно.

— Я, конечно, польщен. Предложению дружбы я рад. А вот заместителем... увольте. Ребят, вы, правда, думаете, что оно мне надо? Ладно, если бы меня старшиной назначили. А

так... чего ради?

— Я хочу помочь Диане, — объяснил Джейс. — Ты же понимаешь, какую свинью подложил ей Аверин. Она одна не справится. Да, если честно с таким никто в одиночку не сладит. Да и нам подобный опыт всегда пригодится. В итоговом распределении, думаешь, это не будет учитываться?

— Не знаю, — Рей замылся и отвел глаза. — Мне надо подумать.

— Да чего тут думать? Соглашайся и все! — нахально заявил Джейс.

— Ладно, — кивнул парень. — Согласен. Но вы, ребята, сумасшедшие.

— Почему? — удивилась девушка.

— Мы же не знакомы толком. Вдруг характерами не сойдемся?

Дана и Джейсон переглянулись и в один голос выдали:

— Сойдемся. Ты не более нормальный, чем мы, раз согласился.

А их новый друг лишь головой покачал. Как есть, сумасшедшие. Но они ему пока нравились.

Он еще раз посмотрел на Диану и на этот раз, она почувствовала заинтересованный, оценивающий взгляд. Он прошелся по ее фигуре, задержался на груди, которой и не было, собственно. Потом метнулся к губам. И, признаться, это вызвало у нее легкое раздражение. Отчего? Она и сама понять не могла. Любая девушка, поймав такой взгляд от достаточно привлекательного парня должна смущаться или радоваться, но никак не злиться.

Диана еще раз оглядела своего предполагаемого заместителя. Но уже более внимательно, цепко отмечая детали. Мимика. Поза. Наклон головы. Положение рук. И едва не рассмеялась. Он играл! Причем, не слишком старательно. Видимо, просто решил посмотреть, как она отреагирует.

Неприятно. И Дана вдруг подумала, что, возможно, они поторопились. Если Рей любит провоцировать у окружающих эмоции, а потом смотреть на полученный результат, с ним будет сложно. И дружить, уж точно не получится. А потом она увидела фотографию, стоящую на прикроватной тумбочке. Маленькую. В модной металлической рамочке. На ней Рей, одетый в смокинг, обнимал чернокудрую красавицу в пышном лиловом платье.

— Твоя девушка? — спросила она.

Парень поймал направление ее взгляда и кивнул. Вот и разобрались. К взаимному облегчению.

— Кейтлин. А ты проницательна, — усмехнулся он.

— А ты — никудышный актер, — парировала Дана. — Мог бы и старательнее страсть изображать.

И все трое рассмеялись.

— О... какие гости! — раздался голос со стороны двери и в кубрик вошел, нет, скорее влетел, невысокий голубоглазый блондин. Симпатичный, но ехидная улыбочка на бескровных губах его несколько портила.

— Старшина собственной персоной! Спешу поздравить.

— Новости, как я вижу, разлетаются быстро, — усмехнулась Диана.

— Так сообщения же всем разослали. Или вы свои коммуникаторы еще не настроили? Хотя, о чем это я? Вы их даже надеть не удосужились.

Талин усмехнулся, а потом прошелся оценивающим взглядом по тоненькой фигурке девушки и многозначительно хмыкнул.

На лицах Джейсона и Рея появилось одинаковое выражение, которое просто кричало о

том, что они прямо-таки горят желанием использовать его в качестве боксерской груши. Но парень этого или не заметил, или счел возможным проигнорировать.

— Решила проверить, как мы отдыхаем? Кстати, я за! Обеими руками и не только! Можешь даже остаться. И у нас будет время познакомиться поближе.

Диана хмыкнула. Ей приходилось общаться и не с такими экземплярами. Вот только с теми ребятами она вместе выросла, а этого зала всего лишь второй день. Поэтому и церемониться с ним не сочла нужным.

— И зачем мне такое... счастье? — презрительно хмыкнула она, опередив Джейсона который явно хотел что-то сказать нелicenseприятное в адрес однокурсника. — Не представляю. Ладно, время позднее. Отбой скоро. Я пойду. До завтра, ребята.

Но вместо того, чтобы пойти к себе она побежала по длинному коридору в сторону спортивных залов. Первые два оказались заняты. Но на третьем удача ей улыбнулась. Там не было никого. И это было тем, что ей было нужно больше всего. Уединение и возможность танцевать. Сбросить с себя напряжение последних дней. Забыть о прожитых вне родных стен месяцах. И стать самой собой. Хотя бы на полчаса.

Утро добрым не бывает. Это знает каждый танцор. Или только актеры балета? Ответ на этот вопрос у Дианы не было. Для нее утро всегда было главным врагом. Потому что нужно вставать с мягкой теплой кровати, идти в класс и истязать себя до седьмого пота, до боли, от которой темнеет в глазах. Но это была неизбежная цена за право танцевать. И девушка готова была ее платить. Поэтому она, услышав звон будильника, волевым усилием выталкивала себя из постели и шла в душ. И благодарила судьбу за то, что у него есть функция массажа. Это позволяло немного разогреть мышцы перед занятием. А потом бегом в спортивный зал, который по привычке ей хотелось назвать классом.

Там уже разминались Джейсон, Рей и какой-то незнакомый парень — явно со старших курсов. Они все коротко кивнули ей и продолжили свое занятие. Диана кивнула в ответ, одела наушники и отправилась разминаться. А после подошла к станку. И под старую, сделанную еще в прошлой жизни аудиозапись, под счет мадам Желис начала заниматься.

Сначала у станка. Минут двадцать.

Потом экзерсис на середине зала. Здесь главное не забывать, что не стоит сосредотачивать все свое внимание на положении ног. Необходимо охватывать взглядом всю фигуру.

После адажио — та часть классического урока, которая состоит из различных поз, наклонов и перегибов корпуса, поворотов, вращений и других движений, различных поз, связно перетекающих из одной в другую.

Потом — аллегро. То, что Диана любила больше всего. Прыжки. Пируэты. Туры.

И, наконец упражнения на пальцах.

После душ. И небольшая пробежка, потому, что на общее построение она безнадежно опаздывала. Далее следовала зарядка, на которую у Даны почти не оставалось сил и завтрак.

Есть ей не хотелось совершенно. Но позволить себе такую роскошь, как пропущенный прием пищи, она не могла. Сейчас ей, как никогда нужны силы. Поэтому девушка взяла поднос и пошла к раздаточным окошкам.

Положив на поднос тарелку с тонко нарезанными кусочками отварного мяса, салат из свежей спаржи, стакан фруктового морса и яблоко на десерт, а потом направилась к столу. Ждать приятелей она не стала. А Джейс и Рей все никак не могли определиться, раздумывая, что безопаснее для желудка: разноцветное пюре, мультизлаковая каша или неоднородная коричневая масса? В отличие от Дианы они не привыкли к казенному меню, где все полезно, сбалансировано, иногда, даже вкусно, но всегда дешево. И вкус не является приоритетным. А уж о внешнем виде блюд, вообще, говорить нечего. Иногда ингредиенты блюд определить сложно. Даже примерно.

Девушка лениво оглядела столовую. Раньше ей было как-то не до интерьеров. Мысли металась вокруг новых людей, учебы и нежданно-негаданно свалившихся обязанностей. Было как-то не до бытовых мелочей. А сейчас словно пелена с глаз спала. И все вдруг показалось до боли знакомым. И холодный свет, проникающий сквозь толстое стекло многочисленных окон. И длинные столы, за которыми легко может уместиться человек

десять. Весело галдящая толпа с подносами. Смех. Шепот. Колкие фразы, брошенные словно невзначай. Любопытные взгляды. Жаркие споры. Небрежно пристроившиеся на столе планшеты тех, кто не может есть иначе, чем погрузившись в книгу. Музыка, льющаяся из динамиков все тех же планшетов, смешиваясь, превращающаяся, в жуткую какофонию.

Здесь легко. И не только потому, что преподаватели едят в другом зале. Хотя, это тоже немаловажно. Расслабиться, когда на тебя направлен орлиный взор майора Аверина или кого-то столь же милого, вряд ли получится. А если такое продолжается изо дня в день? Годами? Это же с ума сойти можно!

Дисциплина — это, конечно, хорошо. Куда без нее? Но не всегда. Минуты свободы так же необходимы. Чтобы сбросить напряжение, отдохнуть, в конце концов. Это нормально.

А еще Диане пришло в голову, что сама жизнь в Академии не слишком-то отличается от той, что она вела в школе. Наверное, все специализированные закрытые учебные заведения строятся по одному принципу. Давно выработанному штатом педагогов и психологов. Обеспечивающему оптимальные условия обучения. Ведь даже интерьеры столовой, классов и даже их комнат чем-то схожи. Светлые. Достаточно просторные — с высокими потолками. Стены выполнены в пастельной гамме. Это, кажется, благотворно влияет на психику, если она правильно помнит «Введение в психологию».

И ей иногда кажется, что она не в этой чертовой Артенийской Военной Академии, а дома — в Тание. Хотя, эти мысли она старается гнать прочь. Потому что у нее нет больше дома.

Погруженная в свои мысли она и не заметила, как к ней подсел Александр Польский — жилистый кареглазый парень.

Он сидел, откинувшись на спинку стула, и рассматривал ее слово какую-то диковинную зверюшку. Казалось Польский того и гляди, скажет удивленным голосом: «Не думал, что оно умеет разговаривать». К слову, смотрел он так не только на нее, но и на большую часть своих однокурсников. А уж если ему доводилось перебраться с кем-то хоть парой слов, то делал он это с таким выражением лица, будто величайшее одолжение делал, снисходя до простых смертных.

— Этот столик занят. Сейчас придут мои друзья, — раздраженно сообщила ему Дана, но потом, отвесив себе мысленную затрещину, более спокойным тоном продолжила. — Ты что-то хотел?

— Да, — ответил он, ничуть не смутившись ее вспышкой. — Я буквально на два слова.

— И?..

— Не все довольны тем, что тебя назначили старшиной.

— Ладно, задам вопрос по-другому, — устало пробормотала она. — Ты хотел сказать мне что-то, чего я не знаю?

— Это хорошо, что ты понимаешь реальное положение дел.

— И?..

— Зачем тебе это нужно? Ты же не справишься. К тому же тебя никто не станет слушать. Аверин, вообще, посмеялся, назначив тебя на эту должность. И когда ты допустишь какую-нибудь ошибку тебя с нее снимут. А нас ты уже настроишь против себя.

— Ближе к делу, Польский.

— Кто тебя защитит, когда ты лишишься нашивок? Не твои же, так называемые, друзья? Им самим несладко придется. Ты же всего лишь слабая девушка и...

— Польский, ты, часом, не заблудился? — лениво поинтересовался подошедший к столу

Рей. — Скольник, кажется, уже ревновать начала. Погляди. У нее аж лицо позеленело. И, вообще, непостоянный ты. Сначала одной девушке знаки внимания оказываешь, потом другой. Не хорошо это.

— Не пойти бы тебе... куда-нибудь? — почти ласково добавил Джейс.

Дождавшись пока Польский уйдет, он опустил на стул рядом с Дианой. Рей сел напросив.

— Чего этот придурок к тебе пристал? — осведомился Джейсон.

— Решил донести до меня прописные истины. Во-первых, слабая девушка с должностью старшины не справится. А во-вторых, если меня с нее снимут, нам придется туго, — хмыкнула девушка.

— Забудь! — уверенно заявил Рей. — Мы еще посмотрим кто кого!

— Не рано ли все начинается? — покачала головой Дана. — Мы еще учиться толком не начали, а у меня уже появляются враги.

— Прорвемся. — Улыбнулся Джейс. — Не переживай, мелкая. Прорвемся.

Больше ребята неприятных тем не касались и говорили о всяких пустяках. А после завтрака пошли на первое занятие. Им были «Основы силовой защиты». Нудная лекция, а потом практическое занятие.

Нет, наверное, лекция не была по-настоящему скучной. Лейтенант Корсак был весьма интересной личностью. Привлекательный мужчина средних лет с пепельными волосами и приятным голосом. Диана могла бы назвать его харизматичным. Потому что он не скупился на улыбки и в отличие от Аверина не метал глазами ледяных молний.

Но все, что он говорил, девушка уже знала. Причем уже лет семь, если не восемь. А преподносил он это, как великое откровение. Но, как ни странно для остальных это действительно было откровением. На перемене курсанты от восторга разве что не прыгали. Как же! Столько всего интересного про новейшие технологии узнали. Лишь застенчивый Тео Морье сказал, что читал про все это раньше.

А потом состоялась практика. Их согнали в тренировочный зал. А Корсак жизнерадостно объявил:

— Курсанты, у вас сорок минут на то, чтобы надеть силовой корсет, подогнав его под свою матрицу. Время пошло.

Диана скривилась, решив, что в пакетах, которые торжественно вручили курсантам перед началом занятия — старье, с которым надо долго возиться. Иначе, зачем давать столько времени на подготовку? Кстати, это было плохо. Ей уже доводилось носить старые модели. Ужасно неудобно. Мешает во время тренировок, движения сковывает. Не сильно, но ты это чувствуешь. А самое паршивое — полностью синхронизировать с собой невозможно. Ни за час, ни за два, ни за полные сутки.

Вообще силовые контуры, сейчас превратились не просто в средство защиты, а в нечто большее. Они позволяли выполнять любые упражнения и любые работы без риска получить травму. Мало того они настраивались на биоимпульсы человеческого тела, практически сливаясь с носителем. После полной настройки надеть такой контур кроме хозяина не мог никто без полной перезагрузки, которая занимала более суток.

Но когда Дана заглянула в пакет, то чуть не завопила от восторга. Там лежал силовые контуры нового поколения. Индекс G-3. Интеллектуальная система! А главное — они отлично ложатся на человеческую матрицу. Синхронизация при определенных навыках может занять всего несколько минут. Особенно если знаешь кое-какие хитрости. И возиться

сорок минут... это бред. Причем, полный.

Она быстро разобралась с предохранителями и через пять минут, силовой контур уже плотно слился с ее телом. Надо проверить теперь... Что она собственно и сделала. Встала. Прошла. Потянулась влево, затем вправо. Подпрыгнула пару раз. И только хотела сесть на шпагат, проверяя, не мешают ли этому силовые контуры, как столкнулась с раздраженным взглядом приятеля, который медленно настраивал свой контур, чего-то недовольно бормоча себе под нос.

— Дана, ты что творишь? — рыкнул на нее Джейс.

— Что?

— Ты что творишь, ненормальная?

— Контуры проверяю. Вроде не мешают.

— Ты проспала вводную лекцию что ли? Нельзя допускать физические нагрузки пока не прошла полная синхронизация. На больничную койку захотела? Или замечание в личное дело с головомойкой у Аверина? Да ты же шею себе можешь свернуть.

— Джейс, я похожа на идиотку?

— Да!

— Сам дурак! Полная синхронизация уже произошла. Это ты копаешься. А я такие корсеты с восьми лет ношу. Это техника безопасности любой балетной школы. И взламывать их я научилась давным-давно. Зачем мне надо почти час над настройками корпеть? Я просто перенесла сюда матрицу моей физиологической метрики, которая занесена на ID. Это экономит время, силы и нервы.

— Но это же небезопасно!

— Поучи меня жить, — фыркнула девушка. — Опасно, если метрика устарела, а я ее обновляю два раза в неделю. Мне ничего не грозит. Зря, что ли мне био-чип поставили? Он отображает полную информацию о моем здоровье и физическом состоянии.

— А если случится какой-нибудь сбой?

— Какой у G-3 может быть сбой? Это же мечта, а не экипировка! У моих пуант такой же индекс. Интеллектуальные системы не допускают сбоев при переброске информации. А вот первоначальная синхронизация всегда проходит со скрипом. Так что советую не отвлекаться на меня и заняться своим корсетом.

Но, успехи девушки заметили не только Джейс с Реем, бросавшие на нее завистливые взгляды но и инструктор.

— Курсант Вирэн, — обратился он к ней. — Вы уже сталкивались с подобными контурами?

— Да, лейтенант Корсак, — ответила девушка.

А смысл был отнекиваться? Маленькие хитрости работы с подобным оборудованием, не были тайной. Но, чаще всего, это мало что давало. Ну, знаешь ты, что так можно сделать. И что? Можно подумать, это так легко просто взять и сотворить. Без необходимых навыков. Нет, можно, конечно. Но времени это займет не меньше чем полная синхронизация с нуля. А может и больше. И только если эти действия отработаны до автоматизма, а метрики предельно точны, экономится довольно приличное время. И об это осведомлен любой профессионал, коим их инструктор, несомненно, являлся.

— Я так и понял. И судя по вашей скорости, не раз и не два. И так как вам в ближайший час будет совершенно нечем заняться, хочу спросить. Вы слышали о детерминированной силовой диффузии односоставных элементов?

— О «взломе»? — переспросила Дана, не имея полной уверенности в том, что правильно его поняла.

— Это жаргонное обозначение, — скривился мужчина. — Я бы попросил его более не употреблять. Но, по сути да.

— Это объединение двух элементов состоящих из силовых контуров с одинаковым индексом. Синхронизация их не только с владельцем, но и друг с другом. В результате, их совместные показатели начинают соответствовать элементу с более высоким индексом.

— Выполнять приходилось?

Девушка понуро кивнула. Приходилось. Без этих навыков учеба в ее бывшей школе давалась бы намного тяжелее. Во только дело это долгое, нудное, кропотливое и ограничиться копированием матриц, не получится. То есть, ограничиться только этим. Все равно придется настраивать вручную. И пытаться успеть сделать это за какой-то час — верх глупости. Только время терять.

— Вот и займитесь. Возьмите еще один комплект и попробуйте их объединить. Вы должны вытянуть общий индекс до G-4.5. Не успеете до конца занятия, это станет вашим домашним заданием к следующему уроку.

Дана выдавила кислую улыбку. Вот и зачем она так подставилась. Надо было сделать вид, будто бы действует строго по инструкции. И никаких бы вопросов никто не задавал. И не пришлось бы дополнительно заниматься.

Хотя... это должна быть интересная головоломка. Вдруг и правда получится? Девушку так вдохновила эта идея, что она справилась с заданием всего за сорок минут. Но на вопрос лейтенанта: «Как вы это сделали?» — она ответила честно: «Понятия не имею, и повторить, наверное, не смогу».

Занятия до и после обеда — историю и этнологию вел убуеленный сединами сухопарый мужчина лет пятидесяти — Даниил Беров. Своих учеников он попросил называть себя профессором, а не майором. Далее шла этика с лейтенантом Верстовым. Общая психология с доктором Элизой Браун. Пожилая дама, как оказалось, временно замещала преподавателя, который не смог приступить к выполнению своих обязанностей из-за проблем со здоровьем.

А напоследок у них была «Общая физическая подготовка». Ее должен был вести Майкл Кейн. И это был единственный преподаватель, который, казалось, светился изнутри. Его нельзя было назвать красивым. Отнюдь. Обычный мужчина с ничем непримечательной внешностью. Серые глаза. Светло-русые волосы. Бледная кожа. Тонкие губы. Нос с горбинкой. Но когда он улыбался, то становился похож на прекрасного принца из сказки. В нем было столько света, что, казалось, еще немного, и он начнет слепить глаза.

Диане даже показалось, что Кейн чем-то похож на ее старого преподавателя — маэстро Горского. Только этот был лет на пятьдесят младше и не опирался на трость.

Урок проходил в спортивном зале на пятом этаже. Джейс увидев тренажеры, которыми зал был, буквально, заставлен застонал.

— Мы здесь умрем, — проявил солидарность Рей.

— Да ладно тебе, — фыркнула Диана.

— Нет, я тебе точно говорю, — не сдавался парень. — Мы умрем. Полтора часа здесь — это нечто за гранью добра и зла. Я немало залов повидал за всю свою жизнь. Здесь такие тренажеры стоят!

— И что?

— Сама поймешь.

Девушка пожалала плечами, не желая продолжать этот бессмысленный диалог.

Тем временем инструктор, выстроил всех курсантов в шеренгу и произвел своеобразный отсев. Джейсон и Рей были отправлены на лавки, тянувшиеся вдоль стен. А вскоре к ним присоединились близнецы Снежные и Пол Бурэ.

— Как ты думаешь, почему он нас выгнал? — прошептала она Джейсу на ухо.

— Понятия не имею, — ответил он.

— Итак, курсанты, — весело начал Кейн. — Сегодня у нас тесты. Данные ваши у меня, конечно есть. Но лучше их перепроверить. Это нужно для того чтобы подготовить индивидуальные программы. Для чего это нужно? Во-первых, мы хотим, чтобы вы могли максимально раскрыться, при этом не теряя навыков, полученных ранее. Во-вторых, устранить некоторые пробелы в вашем образовании. Так что постарайтесь показать все, на что вы способны. Выше головы прыгать вас никто не просит. Пожалейте свои связки. И если не садились раньше на шпагат, сегодня этого делать тоже не стоит. Всем все ясно? Да, курсант Скольник.

Все лица обернулись к Вере. Диана окинула ее взглядом и тяжело вздохнула. Красивая. Да, этого не отнять. Модная нынче с не слишком узкой талией и полной грудью. И девушке вдруг стало интересно: от природы у ее сокурсницы такая внешность или пластическая хирургия сотворила очередное чудо? Длинные золотистые волосы, собранные в высокий хвост. Темно-зеленые глаза с поволокой. Манеры раскованной, уверенной в своих силах хищницы. И желание всегда и везде быть в центре внимания, написанное на холемом породистом личике. В общем, это вторая Евангелина. Импульсивная. Несдержанная. И ревнивая до ужаса. И по идее мужчины от таких должны бежать, как от огня. Но нет... чем-то они сильный пол привлекают. Вот только Еву она с десяти лет знает, а эту лебедь белую три дня.

— Почему они сидят, когда мы занимаемся? — спросила Вера, томно растягивая гласные.

— Потому, что они почти профессионально занимались спортом. Уровень каждого из них довольно высокий. В этом и проблема. Им общефизическая подготовка не подходит. Мы же не хотим загубить все то, к чему они шли много лет. Риз и Андерс занимаются единоборствами больше десяти лет. У одного четвертый кю, у второго пятый. Я сам — занимаюсь около восьми лет. У меня тоже пятый. Можно сказать, в этом плане мы находимся практически на одном уровне. Так что прежде чем начать работу с ними мне необходимо иметь на руках программу, составленную с учетом их возможностей. К счастью, майор Аверин у которого второй кю согласился уделить своим подопечным немного времени. То же касается остальных.

— И Вирэн? Но ведь она не занимается боевыми искусствами, — поддержал подружку Польский, бросив недовольный взгляд в сторону Даны.

— Да, — с воодушевлением сказала Вера. — Индивидуальная программа нужна, когда есть необходимость сохранить навыки, полученные ранее. Но она же танцами занималась. А какая польза в этих ее па-де-де? Зачем эти навыки сохранять?

— Возможно, немалая, — спокойно ответил лейтенант.

— Всего лишь «возможно»? — не смог удержаться от шпильки Польский.

— Да.

— Но я тоже занималась танцами, — набравшись смелости, вставила Тара Мэй.

— Так, мне это надоело! — насмешливо произнес Кейн. — Вирэн, иди сюда. Будем

показывать, раз на слово не верят.

Девушка несмело подошла и остановилась в нескольких шагах от инструктора.

— А теперь просто разминайся. Если хочешь, можешь к палке стать.

Диана покачала головой и начала медленно разогревать мышцы и связки. Вращения. Махи. Приседания. И лишь потом эффектные стойки, мостики и шпагаты. От простого к сложному. Тут даже думать не нужно. Последовательность упражнений вбита до автоматизма. Но это и не удивительно. За столько-то лет.

— Все, кто сомневается в уровне подготовки Вирэн, становятся рядом и в точности повторяют упражнения. А потом дружной толпой ползут в медпункт. Потому что среди вас гимнастов нет. И растяжки у вас такой нет. И выносливости тоже нет. Ребята, ну неужели вы думаете, что тут идиоты работают? Ну, так что? Сомневающиеся остались или осознали всю глубину своего заблуждения? Осознали. Вот и хорошо. Значит, не безнадежны. Еще глупые вопросы будут?

Вопросов не было.

Майклу Кейну нравились трудные задачи и он всегда старался докопаться до сути. А еще этот человек любил упертых и самоотверженных детишек. Тех, кто мог встать в пять утра и пойти заниматься. Как эта неразлучная тройца, например. Утренние самоистязания первокурсников не остались незамеченными. Даже Аверин, когда Майк ему за завтраком об этом рассказал, проникся. Правда, не сразу поверил, что к «жаворонкам» и его старшина примкнула. Запись у системы видеонаблюдения затребовал.

Диану Вирэн, кстати, лейтенант приберег для себя, как самый интересный экземпляр. А двух ее приятелей пришлось отдать Аверину, который уже подошел и даже успел перекинуться парой слов с парнями. Но Вадим, действительно, мог дать им больше. Так что жалеть не о чем, хотя было немного обидно, что другу достанутся целых два перспективных подопечных, а ему только одна. Снежных и Бурэ, которые с детства занимались плаванием достались Эмилю Солову. А остальные... нужно еще посмотреть, на что они способны. Может и среди них кто-нибудь стоящий отыщется.

Когда лейтенант в последний раз проверил исправность сенсоров, которыми буквально с ног до головы окутал свою новую подопечную, и отступил на пару шагов назад девушка, наконец, получила возможность разглядеть его глаза. Они были голубыми, почти серыми, но отчего-то не казались холодными. В них светилось любопытство пополам с азартом. А на лице было написано такое предвкушение, что и описать сложно. И он вдруг показался ей ребенком, получившим в подарок занимательнейшую головоломку. Видимо прочитав что-то на ее лице, Майкл ободряюще улыбнулся и сказал:

— Приступим?

— Да.

— Но для начала, давай договоримся. Ты держишь ситуацию под контролем. Я не знаю твоих возможностей. И даже более того, никогда не работал с гимнастками. Ведь если перевести твою подготовку в спортивный ряд, ты ближе всего станешь к этой категории. Но, к сожалению, у нас нет специалистов в этой области. Так что придется сначала провести одно-два индивидуальных занятия в сенсорном корсете и прогнать данные по компьютеру. И уже потом импровизировать с индивидуальной программой. Поэтому говори, если поймешь, что я даю тебе непосильную нагрузку. Или же если задание для тебя слишком легкое. Это сэкономит нам время и нервы. Хорошо?

Девушка кивнула. В принципе, это являлось оптимальным вариантом. Все же ей не хотелось прописаться в больничном крыле.

— Ты мышцы хорошо разогрела?

— Да.

— Хорошо. Тогда я попрошу тебя выполнить комплекс гимнастических упражнений. Ну, тех, что ты выполняла в своей школе. Гибкость, растяжка и все такое. На меня не обращай внимание.

Не обращать внимания на человека, который жадно ловит каждое твое движение цепким взглядом садиста-любителя достаточно сложно. Ведь по всему выходило, что она с каждой минутой все больше в его глазах из Человека превращается в Материал. А это... нет,

с одной стороны это хорошо. Не даст расслабиться и будет пинками гнать ее в сторону недостижимого совершенства. Но с другой... совершенство-то будет не балетное, а спортивное. И это в лучшем случае. А значит, ей придется тяжело.

И, казалось бы, к боли ей давно уже стоило привыкнуть. Смириться с ней, как с вечной спутницей. За двенадцать лет, пока ее учителя раздвигали рамки возможностей человеческого тела, чего она только не пережила. Поэтому и не боялась. Вряд ли работа с лейтенантом будет страшнее уроков мадам Желис. Но все равно, ничего кроме тоскливой обреченности она пока не испытывала.

— Вирэн, у тебя кости, вообще, есть? — весело поинтересовался Майкл, когда она закончила.

— Есть. Я просто от природы очень гибкая. Все то же самое я могла проделать лет в восемь-девять. Причем, особо не напрягаясь.

— А совесть?

Девушка недоуменно вздернула бровь. Но лейтенант последнюю свою фразу пояснить не стал, и лишь многозначительно покачал головой.

— Теперь иди на тренажеры, — скомандовал он. — А завтра утром встретимся в этом же зале. В шесть. Ты ведь именно это время выбрала для собственных тренировок.

Девушка с ужасом посмотрела на него. И Майкл все понял без слов.

— Нет, не бойся. Тебе никто не станет мешать прямо или косвенно. Здесь не тюрьма и вы имеете право на личную жизнь и увлечения, не связанные с учебой. Это твоё время, и ты можешь тратить его так, как сочтешь нужным. Я просто хочу проследить динамику и интенсивность всех твоих тренировок за сутки. Надену на тебя сенсор и посижу себе тихонечко в уголке. Идет?

— Да, — ответила Дана, несмело улыбнувшись. — Конечно.

В результате следующие полчаса Дана провела на каких-то странного вида тренажерах. К ее удивлению это оказалось непросто. Когда все закончилась она чувствовала себя изрядно измотанной.

— Непривычно? — улыбнулся Майк, снимая сенсор. — Считывание биоритмов в таком режиме — тяжелая штука. Иди к себе отдохни немного, а потом у вас ужин. И не смей его пропускать.

— Да я не очень голодна.

— Не смей его пропускать! Ясно? Тебе силы нужны.

Дана понуро кивнула. Подумав про себя, что лейтенант, конечно невероятно обаятелен, но при этом явно деспот и тиран. А ужин она и не планировала пропускать.

Прямо из зала она отправилась в душ. Простояла под теплыми струями воды минут десять, а потом пошла к себе, оккупировав мягкую постель на целый час. Хорошо, что Кейн отпустил ее немного пораньше. И этого времени оказалось достаточно, чтобы полностью восстановить силы. Не такую уж и большую нагрузку дал ей инструктор, если быть совсем уж честной. В Тание от них требовали на порядок больше. Просто немного непривычно и все.

И она в приподнятом настроении пошла на ужин, выловив по дороге Джейса и Рея. Они, кстати, уже успели неплохо поладить и воодушевленно спорили о том, какой из стилей единоборств дает больше преимуществ в реальном бою.

Лейтенант Кейн посмотрел вслед удаляющейся троице и улыбнулся. Тогда, как остальные первокурсники едва ползли в сторону столовой с кислыми минами, эти вовсе

болтали и улыбались.

Спустя неделю за завтраком Майк заливался соловьем, а его лучший друг терпеливо выслушивал дифирамбы в честь Дианы Вирэн. От этого Вадиму хотелось лезть на стенку. Потому, что он уже начал задумываться над тем, не было ли назначение Вирэн на должность старшины перстом судьбы? Потому что она со своими обязанностями справлялась. И, неплохо справлялась. И даже последняя надежда на то, что ее не примет группа, развеялась пеплом. Девчонка взяла себе двух заместителей, скинув на них вопросы дисциплины, а сама работала с документацией.

Нет, это было, безусловно, мудрое решение. Сделать из двух потенциальных лидеров, а значит конкурентов — соратников, это дорогого стоило. Почему Риз и Андерс согласились? Этого майор понять не мог.

Иногда нам слишком тяжело признавать собственные ошибки. В особенности, если существуют зрители, которые в будущем не раз и не два напомнят об этом досадном происшествии.

Вполне возможно, если бы Майк с первого дня не защищал свою любимицу, от его нападков а генерал менее пристально следил за успехами своей протее, все было бы проще. Тогда Вадим мог бы пойти на компромисс с собственной совестью. Признать, что она не совсем бестолковая и забыть о ней, соответственно, перестав цепляться. Так нет же! Ему о ней забыть не дают. Приятель не упускает повода, чтобы рассказать какая она умница. Остальные преподаватели от него не отстают. Все же одна из лучших учеников курса. «Золотой ребенок с незамутненным разумом. Умеет находить нестандартные решения. Показывает положительный пример. Прекрасный характер. Удивительная работоспособность» — говорили ему по несколько раз на дню.

Но больше всего Вадима бесила ее маска нейтральной доброжелательности. Безмятежный взгляд и намек на улыбку. Он не разу не видел, чтобы она даже просто хмурилась. Тогда как остальные краснели, бледнели и изображали предсмертные конвульсии, она отвечала на его нападки спокойным, добрым голосом врача-психиатра, разговаривающего с буйным пациентом. Выражение лица всегда было нейтрально-благожелательным. А все эти ее: «Да, сэр», «Нет, сэр», «Так точно. Разрешите исполнять?» — смотрелись форменным издевательством.

И хотя и он чувствовал, что девушка его слегка побаивается, это не приносило никакого морального удовлетворения. Потому что его многие пятикурсники боятся до одури. А эта...

Вадим ощущал себя полным идиотом когда пытался добиться от нее желанной реакции. Даже пару раз отчитал, выискав-таки для этого повод. Так она абсолютно спокойно ему отвечала, что все немедленно исправить что в дальнейшем такого не повторится. А потом майор долго гнал от себя чувство вины. Почему? Потому, что понимал. Он хотел бы увидеть ее слабой и ни на что негодной. Чтобы самодовольно заявить: «Ничего другого я от нее и не ожидал». А Вирэн оказалась сильной и стойкой. Как оказалось, у его старшины внутри оказался стальной стержень. И это не могло не восхищать.

Но все равно ему порой хотелось стереть это выражение безмятежности с ее лица. Чтобы на нем проявились хоть какие-нибудь, но, черт побери, настоящие эмоции. Растерянность, удивление, ну, или хотя бы злость. Но так как перед ним стояла девушка, он не мог даже в своей голове прокрутить как сжимает кулак и бьет изо всех сил. Чаще всего такая терапия помогала выпустить пар, не причинив никому вреда. А что? Представил, как врезал доставшему тебя курсанту. Получил моральное удовлетворение. Успокоился. И

можно жить дальше.

Но с этой пигалицей это не прокатывало. Потому что ударить девчонку, которая весит в килограмм сорок-сорок пять, и достает тебе до плеча, исключительно в прыжке... это может прийти в голову только садисту, к коим майор себя не относил. А вот представить, как делаешь шаг навстречу, притягиваешь ее к себе и вливаешься в губы жарким поцелуем... это, да.

По крайней мере, такое желание вполне объяснимо. Хотя бы с точки зрения Матушки-Природы. А вот с точки зрения уголовного законодательства... не очень. Все же Диана была еще несовершеннолетней, да еще и находилась у него в подчинении.

Но она ему нравилась. По-настоящему. Во всяком случае, выбросить ее из головы или убедить себя, что она его внимания не стоит, не получалось.

И это было странно. Потому как она относилась к тому типу женщин, от которых Вадим старался держаться как можно дальше. Тоненькая, хрупкая... такую даже обнять страшно. Того и гляди переломиться, как стеклянная фигурка. А еще, он терпеть не мог изнуренных всевозможными диетами моделей, называя их «ходячими анатомическими пособиями». Балерины от данных образчиков красоты ушли не далеко. У них лишним весом считается все, за вычетом скелета. А посему наблюдается драматическое отсутствие, так называемых женских округлостей. Хотя, ножки у Вирэн, надо признать, очень даже ничего. Да и личико вполне себе симпатичное. Кукольное. Детское. И это тоже проблема. По документам ей до совершеннолетия всего ничего. А посмотришь на нее и больше пятнадцати лет не дашь. Поневоле себя извращенцем чувствовать начинаешь.

Столовая для офицерского состава располагалась на втором этаже и представляла собой уютный зал, отделанный, в бежево-золотистых тонах. Строго, но со вкусом. С мягкими креслами и небольшими столиками вокруг которых бодро носились официанты. Они, как остальной обслуживающий персонал, являлись гражданскими служащими, получающими неплохую зарплату, а не проштрафившимися курсантами, что существенно улучшало уровень жизни в Академии. Ведь лучше, когда работу, пусть и не самую квалифицированную, выполняют те, кто умеет и хочет это делать, а не те, для кого она — кара за дисциплинарные нарушения. На порядок качественней выходит. А наказывать можно и по-другому. Лишний час в спортивном зале под руководством опытного инструктора кого угодно заставит задуматься. Да и на всякие каверзы сил больше не останется. Так что сплошная польза.

— Вадим, она — нечто невероятное, — в очередной раз выпалил Майк.

— Да?

— Да! Я и представить себе не мог, что... у меня слов нет! Вадим, она...

— Майк, а не влюбился ли ты часом? — лениво поинтересовался майор, бросая на друга насмешливый взгляд.

— Что? — задохнулся от возмущения тот. — С чего это тебе в голову взбрело?

— А что? Она достаточно хорошенькая. Этого у нее не отнять. Да и как человек, в принципе... небезнадежна. Нет, буду справедлив. Девочка она хорошая. Не злая, Не распущенная. Подлости в ней нет. Умненькая. Собранная. Наивная немного, но так для ребенка семнадцати лет, всю жизнь прожившего в закрытой школе — это не порок. Солдата из нее, конечно, не выйдет. Что ты с ней не делай. Но, именно, как личность, она мне даже симпатию внушает. Но, сам понимаешь, тебе на ней придется жениться. Иначе вылетишь из Артена в мгновение ока. Отношения курсантов и преподавателей у нас не приветствуются. Ты же знаешь. А вот, если у вас все будет официально, тут уже никак не подкопаешься.

— Вадим! Я тебя убью когда-нибудь! Нет, она мне нравится, конечно. Ты все правильно сказал. И умненькая, и собранная, и подлости в ней я не заметил. Хороший ребенок. Но где общечеловеческая симпатия, а где влюбленность? И, вообще, у меня Тони есть.

— О том какая Диана потрясающая, ты рассказываешь мне уже минут пять. Причем весь твой монолог строится на одних драматических паузах.

— Просто...

— Вот! Именно об этом я и говорил.

— Понимаешь, я не думал, что для того, чтобы просто танцевать, нужно так изнасиловать собственное тело. Мне казалось, что балетные тренировки проходят легко. Что те девочки, порхающие по сцене, и не устают вовсе. И танец для них одно и сплошное удовольствие. А оказалось...

— Что?

— Я на Вирэн сенсорный корсет вчера одел. Попросил до вечера не снимать. Так вот, когда она утром занималась, датчики лишь иногда зашкаливать начинали. На ряде упражнений. Когда она делала что-то, что обычные ребята не смогут повторить даже под угрозой пистолета. Прыжки, вращения и так далее. Днем, на занятиях абсолютную норму показывали. А вот вечером... она по вечерам находит тихий зал и танцует. Как говорит, для души. Красиво так. Легко. Кажется, едва ногами пола касается, словно бы и не весит ничего. Улыбается. А датчики с ума сходят. Выдают такой коэффициент нагрузки, как при двадцатикилометровом марш-броске по пересеченной местности в полном боевом оснащении. Нам с тобой такое дай, так мы дня два потом едва ходить будем, а она в шесть утра встает, проспав едва ли часов восемь.

— Все с тобой ясно, — усмехнулся Вадим. — Ты нашел удивительную игрушку. Вроде бы и простую, а понять, как она работает, не можешь. И даже более того, понимаешь: наблюдать за ней со стороны будет самым разумным. Потому что сделать ее лучше ты не сможешь. Она ведь и так... совершенство, эталон мира балетных па. А вот сломать — запросто. Но гордость не позволяет отступить.

— Как у тебя получается?

— Что?

— Мысли мои читать?

— За столько лет научился.

— И что мне делать?

— Ничего. Майк, не трать на нее время. Она все равно уйдет. Через год или два. Не важно. Может даже три отучится, а потом все равно уйдет.

— Почему? С первого дня твердишь, что ничего из нее не выйдет.

— Я так не говорил. Из нее не выйдет военного. Да! И от слов своих не отказываюсь.

— Но почему? Почему ты так думаешь?

— Ты представляешь свою жизнь вне службы? Представляешь свою жизнь без всего того, что дает нам наша работа?

— Нет, конечно.

— Правильно! Служба — наш внутренний стержень. Уж такими нас воспитали. И заметь, воспитывали нас с восьми лет, осторожно отрезая другие дороги, чтобы к восемнадцати годам мы видели перед собой только одну. А, потом, не сворачивая, шли по ней всю оставшуюся жизнь. Теперь представь себе ее. Из своих семнадцати лет она двенадцать провела в балетной школе. Причем, готовили ее, как будущую приму, звезду

мирового класса. Я тут на досуге про ее школу в сети почитал. Так вот, это одно из престижнейших учебных заведений. Лучшие театры в очередь выстраиваются, чтобы кого-нибудь из выпускников получить. В ее личном деле... да-да и такое имеется. И мне, кстати, было не так уж просто его достать. Сорок два поощрения за особые достижения и отличную учебу. Значит ее преподаватели, и мысли не допускали, что она из балета может уйти. Да и она об этом не думала никогда. Спорить готов. Просто мы предполагаем, а жизнь располагает. Вот и попала маленькая звездочка в Артен, а не в труппу театра. И оказалась Диана Вирэн запертой в серебряной клетке. Отметь, даже не золотой.

— Друг, а что ей остается? В данной ситуации только смириться и жить дальше. Пусть не той жизнью, что она для себя ждала, но жить. Это не так уж и мало. Ты-то должен понимать.

— Ты еще речь про стойкость и смирение толкни. Девчонке, у которой одни сволочи убили всех...ты понимаешь? Всех тех, с кем она выросла, с кем дружила. Другие несправедливо обвинили во всех смертных грехах. А третьи решили за них же покарать. У нее жизнь украли. И она попытается ее вернуть. Не может не попытаться. Иначе не тратила бы все свое свободное время на тренировки. Так что мой тебе совет: оставь. Проку все равно не будет. Ну, хочешь, дай ей несколько уроков самообороны. Если уж тебе совсем нейдет. Это дело хорошее. По крайней мере, не навредит. А может даже и пригодится. Но учить ее новым трюкам — дело бессмысленное. Лучше время удели тем, кому ты можешь что-то дать. А Диану возьми в ассистенты. Практика это обычная. Пусть тебе помогает. Сам же понимаешь, она в акробатике смыслит на порядок больше тебя и меня вместе взятых. Так что, если у кого с гибкостью проблемы, можешь спокойно скидывать этих ребят на нее. А сам в это время заниматься с другими.

— Нет, ты все же не хочешь, чтобы я с ней занимался, — покачал головой Майкл.

— Да мне все равно, — вздохнул Вадим, доставая из кармана портативный планшет. — Это, вообще, не мое дело. Хочешь — занимайся. Вот только, лучше будет, если ты ограничишься курсом самообороны. Плавать научи. Судя то ее анкете, она не умеет. Ладно, что-то мы с тобой заболтались. Завтрак почти остыл. Давай есть. А эту интереснейшую дискуссию перенесем на другой раз. У тебя через пятнадцать минут занятие с третьим курсом. Да и у меня работы непечатый край.

Майкл тяжело вздохнул, но все же, кивнул, признавая правоту друга.

Утро второй субботы первого семестра было ознаменовано ревом сирены учебной тревоги. И если второй и последующий курсы сохраняли хоть какое-то подобие собранности и дисциплины, то первый представлял собой жалкое зрелище. Кстати, еще и потому, что курсанты не совсем понимали, что происходит и что им надо при этом делать. Диану радовало одно. Сигнал «Тревога» застал ее не в постели, а уже одетой и даже умытой. Так что на фоне остальных она смотрелась вполне прилично. Почти, как ребята со старших курсов. Опрятный вид и маска совершеннейшей невозмутимости. В общем, образец того, как должно выглядеть старшине группы. Только в глубине глаз легкая паника.

Потом их куда-то вели, заставляли одевать и сразу же снимать индивидуальные средства защиты, снова куда-то вели. Концом их путешествия стало огромное поле, под стеклянной крышей, оснащенное угрожающего вида конструкциями. То, что это полоса препятствий было понятно даже балерине-недоучке. И на это девушка смотрела она на нее с явной опаской.

— Да не переживай ты так, — шепнул Джейс, наклонившись к ее уху. — Подумаешь полоса препятствий.

— Выше нос, Мелкая, — мягко улыбнулся Рей. Кстати, прозвище она получила именно с его легкой руки. — Прорвемся.

За две недели, прошедшие с поступления, эти трое успели по-настоящему сблизиться. И, как ни странно, девушка дружбе двух парней совершенно не мешала. Скорее, наоборот. Она была той силой, что связывала их еще сильнее. Без нее все было бы не так.

Еще ребята вполне сносно общались с близнецами Снежными и Тео Морье А вот с Польским и его компанией дружбы не получилось. И, хотя до открытой конфронтации еще не дошло, все понимали, что войны им не избежать. Остальные однокурсники сохраняли пока нейтралитет. Хотя, формально и принимали лидерскую позицию Дианы. Во всяком случае, бунтовать они не пытались.

Сейчас их группа стояла в шеренгу, обозревая необъятные просторы полосы препятствий. «Малый ад» так курсанты называли длинное поле, уставленное всевозможными сооружениями, самые высокие из которых достигали высоты трехэтажного дома. Из названия явственно следовало, что есть и «Большой». Но мысли об этом ребята старались гнать от себя подальше. Этот бы пережить.

— Я вообще не понимаю: зачем нашему факультету ТАКАЯ полоса препятствий? Мы все же не десант, — робко возмутилась Диана.

— По программе положено, — хмыкнул Джейс. — Для общего развития, так сказать. Я тут читал, что...

— Тихо! — гаркнул Аверин, заставил их испуганно вздрогнуть. — Итак, курсанты, это — полоса препятствий. Ее длина около километра. Дорожек пять. Они абсолютно идентичны. Я делю вас на группы по пять человек. Ваша цель — преодолеть все препятствия за максимально короткое время. Правил два. Нельзя сходить со своей дорожки. Она помечена желтым цветом. Нельзя приступать к следующему заданию, не выполнив предыдущее. Остальное — на ваше усмотрение. Времени вам дается ровно час. Этого больше

чем достаточно. В ваших рюкзаках иметься все необходимое, и даже больше. И обратите внимание, здесь есть препятствия, которые нужно преодолеть, работая головой, а не другими частями тела. Кто не уложится в это время, получит первое предупреждение. Попрошу это запомнить. И первое, и второе предупреждение не будет иметь последствий. Все же, для многих из вас такие сложные упражнения в новинку. А значит, ошибки неизбежны. А вот третье предупреждение означает дополнительные занятия... со мной лично в качестве тренера. Уяснили? Итак, первая дорожка: Вирен, Риз, Снежный, Морье, Талин. Вторая: Польский, Андерс, Бурэ, Рабле, Скольник, Третья: Снежная, Легран, Брес Антонов, Ивлер. Четвертая: Спаркс, Браун, Велас, Рид, Астория. Пятая: Мей, Брукс, Трой Мельник, Лисин.

Рей громко застонал. Оказаться во «вражеском» лагере — было не совсем то, о чем он мечтал. Зато Джейсон был более, чем доволен. Хотя он и попытался скрыть это, бросив на приятеля сочувственный взгляд. А Диана прошептала: «Все будет хорошо. Мы справимся». Но друзья прекрасно понимали, что успокаивает она, скорее саму себя, нежели их. Но поддержки с ее стороны они и не ждали. Так уж сложилось, но именно они всячески опекали ее, а не наоборот.

Прозвучал свисток, и курсанты побежали вперед. Точнее, Джейс побежал, схватив Дану за запястье. Девушка едва поспевала за ним. Даже споткнулась пару раз. Но приятель помог ей удержаться на ногах.

С первыми двумя препятствиями они справились достаточно легко. Горизонтальное бревно и лабиринт-змейка не вызвали проблем. Ребята даже не заметили, как прошли их.

Третье, состоявшее из десяти-пятнадцати невысоких барьеров, которые надо было перепрыгивать, показалось Диане простым до безобразия. Но остальные с ней были категорически не согласны. Продвижение группы существенно замедлилось. И девушка не сразу даже и поняла: почему так выходит? Болотная кочка тоже не вызвала никаких затруднений. Все же балерина, пусть и будущая проблем с точностью движений испытывать не должна. Прыжкам на уроках по классике в их школе последние четыре года уделялось особое внимание. Парни начали смотреть на нее, как на «врага № 1». Потому что она имела наглость даже не запыхаться.

А вот «низкая колючая проволока» и «рукоход» существенно затормозили уже ее. Ну, и Джейсона, заодно, потому что он решил подругу подождать. Остальные его порыва не разделили и пошли вперед.

— Ди, ну что ты так копаешься? Давай, быстреей.

— Стараюсь, — раздраженно бросила она. — И не называй меня так.

— Почему?

— Я — Дана. Можешь Мелкой звать. Только не «Ди». Пожалуйста.

— Не буду. Не надо так нервничать. Но объясни, почему?

— У нас в классе было две Дианы. Ди — это Дина. Не хочу, чтобы меня звали ее именем.

— Хорошо.

— Спасибо.

— Да ладно. Чего уж там? Но ты бы все же поторопилась бы. Наши уже далеко. Только мы с тобой тут торчим. Кстати, ты альпинизмом не увлекалась?

— Нет, конечно!

— Грустно. Значит и на «стенке» застрянем.

— Джейс, иди вперед. Один.

— Нет. Ты меня ждала.

— Это было не самым умным моим поступком. Компенсировала эту свою задержку. А так получается, я тебя торможу.

— Мелкая, помолчи. Побереги дыхание. Давай уже, ползи! Я тебя не брошу. Мы с тобой с первого дня вместе. И на выпуске будем рядом стоять. Плечом к плечу. Как лучшие ученики курса. На меньшее я не согласен.

— До выпуска еще дожить надо.

— Доживем. Никуда не денемся. Так, руку давай. Я тебя вытащу. Да, умничка. А теперь побежали.

И вот они уже перед следующим препятствием — отвесной стеной высотой в метров в шесть, имитирующей скальную поверхность.

— Я высоты боюсь, — простонала девушка.

— Да какая тут высота? Ерунда это. Ты, главное, вниз не смотри. Ладно, я первый лезу. Потом ты. Смотри на меня и повторяй то, что я делаю. Руками хватаешься за выступы. Ноги ставишь в расщелины. Поняла?

Потом он, пробормотав: «На всякий случай», — связал их страховочным тросом, который также отыскал в рюкзаке.

Девушка с легкой завистью смотрела, как Джейсон двигается. Уверенно. Плавно. Без лишней спешки, но и не слишком медленно. Пара минут, и он наверху — ободряюще улыбается ей и ждет, когда она решится последовать за ним. Что ей еще оставалось делать? Только идти вперед.

Диана и не поняла толком, как оказалась наверху, ни разу ни сорвавшись. Произошло это, скорее всего, совершенно случайно. Новичкам часто везет. А новичкам, которым попадают толковые инструкторы, везет почти всегда. Единственное, что она запомнила, это как она по совету друга старалась не смотреть вниз и упрямо карабкалась по стене, правда, мысленно уже попрощавшись с этим светом. И опять Джейс буквально втащил ее к себе.

— Если переживем этот день, — едва переведя дух, сказал он ей. — Я сам твоей физ. подготовкой займусь. Не отстану, пока подтягиваться научу. И Рея к этому благому делу подключу. Так и знай.

Диана обреченно кивнула, не став пояснять, что подтягиваться она умеет. Просто лезть было страшно.

С остальной частью их группы они встретились уже на следующем препятствии. Ребята застряли на «мостике». Им нужно было пройти по пластиковой дорожке шириной всего семь сантиметров. Осложнялось это тем, что «мостик» этот проходил примерно в метре от земли. Максимум на середине дорожки курсанты падали на мягкие маты, теряя равновесие.

Первая попытка Джейсона перемахнуть через это препятствие, закончилась полным провалом уже на десятом шаге. А вторую попытку подруга ему совершить не дала.

— Стой. Ты не пройдешь.

— Почему это?

— Вниз смотришь. Двигаешься или слишком быстро, или слишком медленно. Делаешь резкие движения.

— А ты пройдешь?

— Конечно.

— Это радует, но мне что делать?

— Потанцуем? Как на счет танго?

— Издеваешься?

— Нет. Я буду держать тебя за руки.

— Как это?

— Ну, мне придется идти спиной вперед. Но это для меня не проблема. А ты должен будешь просто смотреть мне в глаза. Ты преследуешь. Я ускользаю.

И тут уже Джейсон не понял, как оказался на противоположной стороне. А Талин тут же заорал:

— Эй, так не честно!

— А мы? — робко поинтересовался Михаил.

— А их бы я бросил, — склонившись к уху девушки сказал Джейс. — Они-то и не думали нам помогать. Но, к сожалению, мы этого себе позволить не можем. Союзниками разбрасываться нельзя. Вдруг еще решат переметнуться к Польскому.

— Ты слишком циничен.

— Я? Нисколько! Просто здраво смотрю на вещи. Сможешь провести сюда Снежного и Морье? Талина оставляем. Он и так в компании Польского.

— Но живет он с тобой в одном блоке.

— Ладно. Уговорила. Забирай и Талина.

— Я боюсь, что вытянуть Тео у меня не получится. У него координация движений — хуже не придумаешь.

— Но ты попробуешь?

— Куда я денусь? — ответила девушка, скидывая с плеч рюкзак.

Но к удивлению Дианы, больше всего хлопот доставил ей Михаил. Тео при всей своей неуклюжести, ни капельки не боялся и полностью доверился своей старшине. Он двигался хоть и медленно, но вполне уверенно. Тезка майора Аверина прошел через мостик довольно быстро. Лишь пару раз запнулся. Но девушка помогла ему удержать равновесие. А вот Снежный падал три раза, увлекая за собой и Дану.

— Ты зачем начал руками размахивать? — закричала она на него, потирая ушибленное плечо.

— Я падал!

— Падать ты начал уже после. Джейс, это безнадежно! Он паниковать начинает на третьем шаге.

— Вижу. Но не бросать же его. Стоп! А у меня идея. Давай сделаем ему перила?

— Как?

— Я с одной стороны держу страховочный трос, а ты с другой.

— Может сработать.

Диана кивнула и легко пробежала туда и обратно. Талин завистливо вздохнул. Она ведь даже под ноги себе не смотрела. И вот трос был натянут. Снежный пробирался вперед бочком, обеими руками держась за импровизированные перила.

— Не торопись! — повторяла Диана. — Медленнее. Да. Вот так. Не торопись. Ну, куда ты мчишься? Если ты сейчас упадешь, я тебя убью! Медленнее. Кому говорю?

Когда парень оказался на другой стороне, все вздохнули с явным облегчением.

С «лесенкой» ребята справились достаточно легко. С «горкой» не сразу, но все же сладили. А вот перед «цветной дорожкой» остановились в недоумении. Перед этим препятствием стоял стенд с описанием задания:

«Ваша дорожка желтая. Она проходит ровно по центру. Плитки загораются тремя цветами. Они горят десять секунд. После цвета меняются.

Возможные цветовые комбинации:

Белый, зеленый, желтый.

Красный, синий, зеленый.

Фиолетовый, желтый, красный,

Зеленый, красный, белый.

Оранжевый, зеленый, желтый.

Зеленый, желтый, красный

Голубой, синий, зеленый.

Синий, оранжевый, зеленый

Белый, фиолетовый, оранжевый.

Красный, белый, зеленый.

Вы не имеете право идти вперед, когда остальные плитки загораются в следующих комбинациях:

Красный — зеленый.

Белый — красный.

Желтый — зеленый.

Желтый — красный.

Белый — оранжевый.

Синий — голубой.

Удачи, курсанты».

— Кто-нибудь что-нибудь понял? — насмешливо поинтересовался Джейсон через пару минут.

— Лично я перестал понимать что-либо уже на второй комбинации, — озадаченно протянул Талин.

— А я не поняла ничего, — сказала девушка, нахмурившись. — Ну не может же такого быть, чтобы решения не было. Мы же только в середине «Ада».

— Признание отсутствия решения — и есть решение задачи, — ответил Тео. — Логика. Интересно, кто это придумал? Хотя, Аверин же говорил, что не все задания силовые. Надо иногда и головой думать.

— Но остальные это задание как-то прошли. Вон! Посмотрите. Они уже к канатам подошли.

Джейсон, наблюдая, как Польский резво забирается на канат, захохотал. Снежный и Морье последовали его примеру.

— Что? — спросила Диана. — Что такого смешного вы увидели?

— Глупость человеческую, — отдуваясь, ответил Джейс. — Вот же стадо! Куда один, туда и остальные.

— Почему?

— А потому, что им эти задания все равно не засчитают. Аверин что сказал? Что нельзя приступать к следующему заданию, не выполнив предыдущее. А они не выполнили. Точнее выполнили неправильно, что эквивалентно невыполнению.

— И что?

— Дана, ну не тормози. Зачем выполнять задания, надрываться, если тебе их все равно не засчитают? И это в лучшем случае. Могут ведь и штрафные очки приплюсовать.

— Да, ты прав.

— Кстати, лично я хочу отдохнуть, пока остальные развлекаются. У нас еще минут двадцать есть. Так что предлагаю провести их с пользой.

Через двадцать минут прозвучала сирена и следом за ней команда Аверина: «Всем вернуться на исходную позицию. Препятствия обходить».

— Он что думает, мы совсем идиоты? — возмущенно фыркнул Талин.

— Не удивлюсь, — фыркнула девушка. С него станется считать нас умственно отсталыми.

— Группа, стройся! — раздался звучный голос майора, когда все курсанты собрались возле него.

И мгновенно полуживое сборище, устилающее пол зала превратилось в стройную шеренгу курсантов — красу и гордость Федерации.

— Курсанты, пока что все свободны. Приводите себя в порядок, отдыхайте. В одиннадцать часов жду вас в аудитории 1-14 на разбор полетов.

Через три группа уже позавтракавшая и даже немного отдохнувшая после утренних событий предстала перед своим куратором.

— Курсанты, — начал Аверин строго. — Я вами не доволен. Мы вправе были ожидать от вас других результатов. Справились с поставленной задачей всего десять человек из двадцати пяти.

Эта обличительная речь была заготовлена майором заранее. И даже опробована им несколько раз. Результат, как правило, не заставлял себя ждать. Детишки сначала бледнели от его слов, потом дружно устыдившись того, что не оправдали надежд, обещали исправиться. Встряска в первую неделю прямо перед выходными шла им только на пользу. Этакая шоковая терапия. Она не имела цели проверить их способности или выработать какие-либо навыки. Все это придет со временем. Главное сейчас донести до них мысль о том, что в единстве — сила, что вместе они смогут преодолеть то, с чем не справятся в одиночку.

Хотя, если уж быть честным, полосу они прошли неплохо. Особенно первая пятерка. И лучших результатов преподаватели от них уж точно не ждали. Но зачем ребятам об этом знать? Уж курсантам необходима завышенная планка, к которой можно стремиться, а не заниженная и понимание, что можно расслабиться.

— Надеюсь, вы впредь будете собраны, внимательны и сдержаны. Спешка у большинства из вас оборачивалась ошибками. В результате вы наоборот проигрывали в скорости. Но, что самое неприятное, перед вами не стояло задачи как можно быстрее пройти всю полосу препятствий. Перед вами не стояло даже задачи, пройти ее полностью. Вашей конечной точкой была «цветная дорожка». Так нет же! Девять человек решило, количеством, можно заменить качество, не справившись с задачкой для маленьких детей. Итак, первое предупреждение не получают: первая пятерка в полном составе. Это Диана Вирэн, Джейнон Риз, Михаил Снежный, Теодор Морье, Вадим Талин. А так же, Рей Андерс Мария Снежная, Дмитрий Антонов, Энн Спаркс, Кайл Астория. И раз первая пятерка та отличилась, их работу мы и разберем сегодня. Все внимание на экран. Смотрите внимательно. Запоминайте. После я буду задавать вопросы.

Это были сложные сорок минут. Для Дианы во всяком случае. Потому что любой ее промах неизменно сопровождался ехидными смешками Польского, Скольник и Мей. Талин, видимо сказалось то, что он сегодня был в одной команде с девушкой, вел себя очень тихо.

Запись оборвалась на фразе Джейсона: «Зачем выполнять задания, надрываться, если тебе их все равно не засчитают».

— Верно подмечено, Риз. Надрываться было незачем. Но давайте приступим к обсуждению ваших ошибок. Итак, какая главная ошибка Джейсона Риза? Что, неужели ни у кого нет даже предположения, что бы это могло быть?

Вверх взлетела рука Польского.

— Да, прошу вас.

Александр поднялся и, не сдержав злорадной ухмылки произнес:

— Главная ошибка Джейсона Риза — Диана Вирэн.

— Обоснуйте.

— Он фактически тащил ее на себе большую часть пути. Из-за этого ошибался и терял время. Без нее пройти полосу препятствий у него получилось бы быстрее и легче. Однако он поставил в приоритет не выполнение задания, а личные отношения.

— Риз, вы согласны с этим утверждением?

— Нет, сэр, — ответил Джейсон вставая.

— Почему?

— Я ошибался из-за того, что торопился и был невнимателен.

— Но курсант Польский был прав. Вы фактически тащили старшину на себе, по крайней мере, часть времени. Вирэн застряла бы где-то на середине. Правильно ли вы поступили, приняв решение в ущерб себе помогать ей?

— Да, сэр. Взаимопомощь — ключ к успеху. Я не смог бы пройти «мостик» без нее.

— Спорное утверждение. Вы попробовали пройти его всего один раз и добрались до середины. Я полагаю, вам необходимо было сделать несколько попыток. Хотя, исключать неудачу мы тоже не можем. Вирэн, а как вы думаете, какова главная ошибка Джейсона Росса? Она, кстати, и ваша тоже.

— То, что он в одиночку это делал, — ответила Диана, поднимаясь со своего стула. — Нам нужно было с самого начала взаимодействовать со всей пятеркой, а не только друг с другом. Было бы легче.

Вадим удивленно посмотрел на девушку. Он и подумать не мог, что кто-то догадается. И спрашивал скорее, для проформы. Чтобы потом предъявить это, как прописную истину, лежащую на поверхности и еще раз укорить за нежелание думать головой. А тут такой сюрприз.

— Да, вы правы. Именно это. Если бы вы были отрядом, выполняющим задание, а не сборищем индивидуалистов, то смогли бы пройти его за гораздо меньшее время. В целом, решение проблемы было вами найдено. Пусть и с запозданием.

Взаимопомощь, как верно подметил курсант Риз действительно — ключ к успеху. Но подойти к этому нужно было по-другому. Но даже такое, неполное взаимодействие принесло свои плоды. Первое звено прошло полосу в полном составе. А теперь приступим к техническим ошибкам и слабым местам. Вирен, Брес, Спаркс, Мей, Брукс, у вас слабые руки. Необходимо уделить этому внимание. Морье, Трой, Ивлер — упражнения на координацию. Рид, Астория, Снежная, Лисин — проблемы с дыханием. Спаркс, Бурэ, Легран, Антонов Скольник, Талин, Польский — растяжка никуда не годится. Снежный, Браун, Мельник проблема с концентрацией внимания. К остальным пока претензий не имею.

Остаток дня прошел достаточно спокойно. Группа Дианы, а заодно с ней и вся академия после веселой побудки ходила, как пришибленная. Даже некоторые преподаватели всем своим видом показывали, что не хотят ничего, кроме того, чтобы вернуться в свои комнаты и поспать пару часов. Самые умные именно так и поступили. Безмерно радовало всех то, что была суббота, а значит, на занятиях сидеть не нужно.

Джейсон и Рей куда-то умчались сразу после «разбора полетов» у Аверина. Дана же оккупировала спортивный зал. Ввиду того, как прошло сегодняшнее утро, до завтрашнего дня курсантов туда можно было загнать только под угрозой пистолета, да и то не факт. А это значит, никто не будет ей мешать. И раз такое дело, она собиралась заниматься пока ее держат ноги и еще немного.

Сначала классика. У станка. На середине. Адажио. Аллегро. Потом небольшой отдых. За это время нужно успеть прочитать заданный на выходные параграф по истории. И снова к станку. Но теперь нужно одолеть народно-характерные экзерсисы.

Следующим пунктом плана был обед. Девушка второпях перекусила, стараясь при этом дочитать злосчастную историю. И бегом в зал. Разучивать новую партию. У нее все никак руки не доходили до «Сильфиды». Вот самое время устранить этот досадный пробел в образовании.

Все достаточно просто. Вытащить из личных файлов видео. Просмотреть три лучшие вариации Сильфиды в исполнении Марии Браяр, Дарьи Вешской и Ким Мин Ан. Отметить что у них можно позаимствовать. И вперед!

Начало было, скажем так, не впечатляющим. Может, сказывалась усталость. А может, просто, не было настроения. Но ничего не получалось. Ни улыбаться таинственно и лукаво, как Ким Мин Ан, ни порхать легко и невесомо, как Дарья Вешская. О филигранном исполнении каждого без исключения па, прославившим Марию Браяр и говорить не стоило. Диана чувствовала себя гадким утенком, невесть с чего вообразившим себя лебедем, но от это не поменявшим свою природу.

— Умри, но сделай, — сказала она сама себе уже в который раз, включая музыку.

И она сделает! Да, рядом нет педагога, который бы помог, подсказал, исправил. Но есть зеркало. Есть опыт многих лет обучения. И есть желание. Остальное не так уж важно. Оно вряд ли сможет ей помешать.

— Я буду прямой. Я буду прямой! Чего бы мне это не стоило, — повторяла она как молитву. — Я вернусь в балет. Я смогу!

— Ах, вот ты где! — завопил Джейс, вваливаясь в спортивный зал. — А мы тебя везде ищем. Дана, тут такое дело...

— Не соглашайся! — влетел за приятелем Рей.

— На что?

— Ни на что не соглашайся! Этот ненормальный решил пойти на танцы.

— Какие танцы?

— Обычные, — ответил Джейс. — Их здесь проводят раз в две недели. Ну, чтобы мы

могли отвлечься, пар выпустить, просто пообщаться и отдохнуть. Увольнительные ведь только раз в месяц дают, да и то, всего на десять часов. Вот сегодня первые в этом году танцы.

— Ну, не последние же, Джейс, — отмахнулась девушка. — В следующий раз сходим.

— Да, как же вы не понимаете?! В следующий раз бы будем просто первокурсниками. Ребята, в академии на пятерых парней приходится по одной девчонке. Да нас прибьют, если мы попробуем кого-то на танцы пригласить. А если произведем впечатление сегодня, то связываться не рискнут. Да и...

— Не слушай его, — перебил Рей. — Его просто симпатичная третьекурсница на «слабо» взяла. Он как ее увидел, так стойку сделал. А она его послала. Вежливо. Но кажется наш Ромео этого даже не заметил. Потом послала его не очень вежливо. Ему хоть бы что. После сказала: «Ладно. Схожу я с тобой на свидание, но только если ты меня удивишь. Приходи вечером на танцы. Сможешь зажечь весь зал — все тебе будет. Не сможешь — твои проблемы. Шанс тебе давался». И если до этого она ему просто нравилась, то теперь его уже спасать поздно. Влип по полной программе.

— Что тут принято одевать на танцы? — тяжело вздохнув, спросила девушка.

— Ди, ты серьезно? — простонал Рей.

— Во-первых, не называй меня «Ди». А во-вторых, сам же говорил, что он, — девушка кивнула в сторону сияющего Джейсона. — Влип по полной программе. Не бросать же его. Так что тут принято одевать.

— Платья.

— Какие?

— Ну, не знаю. Красивые, наверное.

— Джейс, кому это надо? Мне или тебе?

— Но я правда, не знаю. Наверное, такие, в которых танцевать удобно.

— Мне в пачке удобно. Но думаешь оценят?

— Сомневаюсь.

— Вот и я о том же! Ладно. Что-нибудь придумаю. Благо, тряпок у меня полный шкаф. Рей, ты с нами?

— Вы, ребята, сумасшедшие, но я с вами.

— Это хорошо. Во сколько начинается данное культурное мероприятие?

— В семь, — отозвался довольный Джейсон. — После ужина.

— Значит у нас еще в запасе три часа? Хорошо. Буду. А теперь уматывайте. Я должна еще хоть немного позаниматься.

— А успеешь привести себя в порядок? — с недоверием протянул Рей. — Помню, Кейт часа за четыре к выходу в свет готовится начинала и все равно постоянно опаздывала.

— Я, если очень надо и за двадцать минут собраться могу. А крашусь, как настоящий профи. Любое личико за десять минут нарисовать могу. Так что полчаса мне хватит с головой. Ребят, время мое не тратьте. Говорю же: «Позаниматься хочу».

— На ужин придешь?

— Издеваешься? Нет, конечно. Я еще пока жить хочу. Так, как надо танцевать я на полный желудок не смогу.

— Ладно, — виновато улыбнулся Джейс. — Тогда я за тобой зайду без десяти семь. Идет.

— Идет.

Еще час девушка отчаянно пыталась тренироваться. Но получалось из рук вон плохо. Настроение ушло совсем. Мысли постоянно убегали в какие-то неведомые дали. Плюс ко всему вечер обещал быть бурным. А она уже сейчас чувствовала себя невероятно уставшей. Поэтому самым разумным было бы сейчас пойти в свою комнату и немного отдохнуть.

Контрастный душ и получасовое свидание с подушкой сделали свое дело. К шести часам Диана была готова ко всему, и к танцам, и к еще одной учебной тревоге. Правда, особого удовольствия она от этого мероприятия не ждала.

Нет, танцевать с Джейсом здорово. Но если бы они просто танцевали... а им придется поражать и удивлять. Проще говоря, прыгать выше головы. С новым партнером это чревато большими неприятностями. Травмы, даже легкие — вещь неприятная. Ох, если бы у них было время потренироваться хоть пару дней. Ну, да ладно. Что толку убиваться о невозможном? Лучше платье выбрать.

Девушка встала с постели и подошла к своему шкафу. Отрыла дверцу. И с сомнением оглядела свой гардероб. Благодаря Эллине Рое он был доверху заполнен модными брендами. Так они и лежали аккуратными стопками на полках в герметичных вакуумных упаковках. Многие из них девушка, кстати, только один раз и примерила. В модном бутике. Да и то, по настоянию своей опекуни. А потом и не вспоминала про них.

Мелькнула крамольная мысль пойти на танцы как есть — в форме. Но она была мгновенно выдворена из сознания гордостью и женским тщеславием. Ведь какая девушка в глубине души не мечтает быть ослепительной красавицей? Те, кто делает вид, будто им плевать на то, как они выглядят, просто врут. Себе или другие — не важно. Но, ни одна женщина не хотела бы показаться окружающим дурнушкой, если есть возможность быть звездой.

Поэтому Дана со вздохом вытащила с самой высокой полки несколько вакуумных пакетов и бросила на кровать. Вернулась за следующей партией. И так четыре раза. Теперь бы еще вспомнить, где что лежит.

— Так, это не то, — начала она бубнить себе под нос. — Это совсем не то. О! Вот! Или нет? Хотя, сейчас же модно носить такие платья.

А потом ее взгляд упал на серый полиэтиленовый сверток почему-то опечатанный. Она присмотрелась внимательней и увидела на оттиске надпись: «Танийская Академия Классического Балета». Девушка нахмурилась. Ей казалось, что она распаковала все, что ей прислали. Благо пакетов было не так уж много. Три или четыре. Видимо этот пропустила. А предусмотрительная госпожа Рое положила в ее багаж, рассудив, что выбросить ненужную вещь ее подопечная всегда успеет, а вот о забытой будет долго сокрушаться.

— Что же там такое? — произнесла Диана, разрывая не слишком толстую пленку. На постель упало амрантово-розовое шелковое платье и коробочка с бижутерией. Подарок из прошлой жизни сделанный «на вырост». Она про него и забыла давно. А он вот... ждал своего часа.

Примерив, девушка кивнула своему отражению в зеркале. Отлично смотрится. Даже создает иллюзию, того, что у нее грудь есть.

Плюс ко всему, в этом ей уж точно будет удобно. То, что оно короткое, так это в данном случае даже плюс. А что? Аудитория-то в основном мужская. Оценят красивые ножки первокурсницы. Но ничего «свыше положенного» они не увидят. Максимум — кружево нижней юбки. Куплено-то это платьице в специализированном магазине как танцевальный костюм. А-то, что оно очень похоже на шедевр знаменитого Франко Лерри, венцом

творения которого стала серия «La ballet». Но что бы никто не увидел ничего сверх допустимого, все же придется надеть легинсы.

Коробочка с бижутерией пришлась как нельзя кстати. Длинные серьги из горного хрусталя и такой же браслет. Даже пуанты смотрелись с этим платьем органично. Была мысль одеть туфли на каблуке, подаренные Эллиной. Но девушка отмела ее, как неразумную. Зачем рисковать? Пуанты, которые можно трансформировать в танцевальные туфельки вполне способны уберечь ее от травмы при падении и никогда не позволят ноге подвернуться.

— Классный прикид, — усмехнулся Джейсон.

— Дорогой друг, тебя стучаться не учили?

— А смысл? Дверь все равно приоткрыта была. Прекрасно выглядишь.

— Спасибо.

— Где ты откопала это чудо? И еще... сколько оно стоило? Винтажные вещи, как правило, недешевы.

- Не помню уже. Это почти три года назад было. И, вообще, это подарок.

— От таинственного поклонника сраженного твоей красотой, но запутавшегося в размерах?

— От друга — на вырост и в благодарность за помощь.

— Какую?

— Да, так... ерунда.

— Рассказывай! — потребовал подоспевший буквально минуту назад Рей.

— Да, нечего там рассказывать. У нас был осенний конкурс-смотр. Очень важное мероприятие для выпускников. А я тогда только в девятом классе училась. И собиралась показать вариацию Китри из «Дон Кихота». А Рита и Пьер считались лучшими в своем выпуске и готовили «Смерть Ромео и Джульетты». Им особенно важно было показать хороший результат. От этого во многом завесила их будущая карьера.

Они оба ждали приглашений из лучших театров. И не просто так. Я глаз оторвать не могла, настолько красиво танцевали. Вообще, мешать старшим, когда они репетировали, нам запретили. Но мне так хотелось посмотреть. Я в щелочку приоткрытой двери за ними подглядывала. Рита, когда меня заметила, очень разозлилась. Даже сказала, что нажалуется на меня. Но Пьер заступился. И даже разрешил посмотреть, как они репетируют. Егс партнерше это, конечно не понравилось, но спорить она с ним не стала. А когда Рита ушла, сказав, что устала и не хочет больше развлекать глупую малолетку, Пьер попросил меня прорепетировать с ним. Я была на седьмом небе от счастья. Это же так здорово танцевать с выпускником! Ему понравилось. Он даже, видимо, решив мне польстить, сказал, что с удовольствием поменял бы Риту на меня. И даже предложил позаниматься еще раз.

Мне все девчонки с моего курса завидовали. Да и не только с моего. А однажды о наших внеклассных занятиях узнал маэстро Горский. Пришел в зал. Посмотрел немного. А потом принялся так нас муштровать, будто бы нам действительно предстояло выступить на смотре. Основное внимание он, конечно, уделял своему ученику, но и обо мне маэстро не забывал. В итоге Пьер настолько отточил все движения и танцевал так чисто, что Рита на его фоне стала смотреться очень бледно. Ох, как же она злилась! Причем не на своего партнера, а почему-то на меня. И знаете, что? Эта идиотка не придумала ничего умней, кроме как отомстить мне. Когда мы спускались по лестнице, она попыталась, как бы случайно наступить на мою юбку. Представьте. Рита отвлеклась на разговор с одноклассницей и не

заметила, как моя юбка попала под ее туфельку. Ткань рвется. Защить ее я не успею. А я иду вторым номером. Итог: мне придется выходить на сцену в рваном платье. А главное, она ни в чем не виновата. Это же случайно вышло. Но эта дура просчиталась. Точнее, она поскользнулась и полетела вниз по лестнице. Я — следом. Но мне, в отличие от нее, повезло. Смогла уцепиться за перила и замедлить падение. Как результат, вывих лодыжки. У Риты, разумеется. Как же ругалась мадам Ливьер! А маэстро Горский сказал: «Не нервничайте, Амалия. Ваша воспитанница и так себя достаточно наказала. А за Пьера не беспокойтесь. Он и с малышкой Даной чудесно выступит». Я чуть в обморок не упала. Но что мне оставалось делать?

— Вы победили? — весело поинтересовался Джейсон.

— Смеешься? Нет, конечно! Но Пьер в этот же день получил приглашение после окончания учебы поступить в театр Рудольфа Кардена. А это дорого стоит. Осенний смотр, как правило, скуп на такие подарки. В основном представители театров просто присматриваются к конкурсантам. Делают пометки на будущее, но решение принимают на весеннем смотре или, вообще, отчетном концерте.

— А потом он подарил тебе это платье?

— Да. Мы гуляли, и он сказал, что я не вернусь в академию без подарка. Я решила, что хочу платье. Настоящее платье. Мое. Понимаете?

— Нет, — отозвался Рей. — У тебя, что платьев не было?

— Были, конечно. Но их нам выдавали. Всему курсу одинаковые. Это формой называлось. А сценические мы, вообще, получали только на время, необходимое для выступления. Мадам Вейская — заведующая костюмерной даже на генеральную репетицию отпускала нам их со скандалом.

Ребят, пошли уже, — протянул Рей. — А-то мы что-то заболтались.

То, что последовало дальше, было одним и сплошным адом. Потому что чем красивее что-либо смотрится со стороны, тем сложнее это сделать. Рей с сочувствием поглядывал на друзей. А они улыбались. Танцевали и не останавливались ни на минуту. Даже темп не снижали, удивляя не только «симпатичную старшекурсницу», но и всех присутствующих.

Кстати, у тех, кто имел счастье наблюдать данное представление о старшине и ее заместителе, сложилось одинаковое впечатление. И все сходились во мнении, что эти двое абсолютно ненормальные, но утереть им нос не сможет никто и никогда. Потому что если они после сегодняшней веселой побудки такое вытворяют, то предугадать какой сюрприз от них еще можно ждать, довольно сложно.

А еще все с интересом поглядывали на Каролину Дрейк, которая и была причиной этому безобразию. Девушка хмурилась, но отрицать того, что проспорила свидание, не могла. Только это Джейсона и радовало. Диана же... ей было не привыкать к запредельным нагрузкам. Да, больно. Ноги словно огнем горят. Мышцы сводит. Но сцена и восхищенные взгляды всегда были для нее лучшей анестезией.

В воскресенье случилось Великое Переселение Народов. Точнее, не случилось. Чему Диана была, признаться, рада. Рано утром ее разбудил вызов от майора. Аверин вызвал ее к себе после чего потребовал, чтобы через два часа список курсантов с пометкой, кто в какой комнате живет, лежал у него на столе. И предупредил, что сегодня — последний день, когда можно будет тихо сменить место жительства. А не успеют, придется писать мотивированный рапорт на имя начальника Академии. Причем, действительно, мотивированный, а не «мне так захотелось». После чего приказном порядке попросил довести это до каждого человека в группе и сказал, что будет ждать ее с докладом. Опаздывать не рекомендовал.

Диана едва не застонала. Ну что за варварство?! Этот список можно было и по сети сбросить. Так ему еще и доклад подавай!

Новость эта вызвала у курсантов нездоровый ажиотаж. Все начали бестолково носиться взад-вперед, изображая бурную деятельность. Проку от которой не было совершенно. То тут, то там вспыхивали ссоры, выказывалось недовольство и, вообще, творился совершеннейший беспредел.

Эти беспорядочные метания вызывали в ней лишь глухое раздражение. Особенно усугублял тот факт, что у нее начинала болеть голова, но вместо того, чтобы сходить в медицинское крыло и попросить какой-нибудь анальгетик, а потом полежать полчаса в тишине она была вынуждена разбираться со всем этим детским садом.

Все же в бытовом плане закрытые учебные заведения не сильно друг от друга отличаются. Те же проблемы. Те же ошибки. Ведь внезапно буквально всех перестало устраивать текущее положение дел. Хотя еще вчера никто об этом даже не задумывался. Поэтому пришлось воспользоваться опытом прошлых лет. Она вывела свою группу в коридор, построила их в одну шеренгу. Причем, не стандартную, а как бы по звеньям. Рядом, как можно было догадаться, и оказались соседи по комнатам.

— Группа, смирно! — неожиданно громко рявкнула она.

Ребята, мгновенно замолчав, вытянулись в струнку. Скорее от шока, чем в страстном стремлении выполнять приказы старшины.

— Итак, мы занимаем жилые блоки с шестнадцатого по двадцать первый, — продолжила она, чеканя каждое слово. — Пожалуй, начнем с конца. Двадцать первый блок. Девушки, вы всем довольны? Никто переехать не хочет?

Вера Скольник ошалело покачала головой. Ее соседки последовали примеру и тоже не выказали желаний что-либо менять.

— Хорошо подумали? Чудесно! Двадцатый? Мария?

— Меня все устраивает, — испуганно пролепетала Снежная.

— Вот и замечательно. Так как меня тоже все устраивает. Теперь вопрос к вам, молодые люди.

Но, ни девятнадцатый, ни восемнадцатый энтузиазма не выказали. Видимо решили с мечущей молнии старшиной не связываться.

— Семнадцатый?

— Нас не устраивает Вадим Талин, — высказался Джейсон, а Рей с Михаилом горячо его поддержали.

— Талин, выйти из строя!

— А почему сразу я? — возмутился парень. — Может они тоже меня не устраивают. У них чувства юмора нет.

— Потому что их большинство. Вышел из строя и стал рядом со мной! Шестнадцатый?

Вперед вышел Теодор Морье — невысокий худощавый паренек, который выглядел несколько моложе своих лет. Застенчивый гений с запредельным IQ.

— Я хочу переехать в семнадцатый блок.

Девушка кивнула. Это было ожидаемо, если учесть, что Тео и так большую часть времени проводил в компании Михаила и Марии.

— Вышел из строя и стал рядом со Снежным. Семнадцатый блок, теперь вас все устраивает?

— Так точно, — гаркнули все четверо в один голос, а потом улыбнулись.

Да так слаженно у них это вышло, будто бы они весь день репетировали. Диана едва улыбку сдержала, но нацепив на лицо самое суровое выражение, чему немало способствовала пульсирующая боль в висках, тихо, но с непередаваемой интонацией раздражения спросила:

— Шестнадцатый блок, кандидатура Вадима Талина вас устраивает?

Польский пожал плечами, не удостоив старшину ответом. Даниил Рабле в точности повторил жест приятеля. А Пол Бурэ не выказал даже намека на эмоции. У Даны даже сложилось впечатление, что он ее и не слушал вовсе.

— Морье, Талин, на сборы и переезд у вас ровно час. Не успеете, к Аверину пойдем вместе, и вы уже ему будете объяснять причины, побудившие вас сменить дислокацию, и что именно помешали вам это сделать в отведенный срок. Теперь все свободны. Разойдись!

— Что это с ней? — спросил рыжий паренек, имя которого Диана все время забывала, у Рея. — Ведь такая тихая всегда была. А теперь фурия просто.

Девушка обернулась и увидела, как ее светловолосый друг пожал плечами. А неугомонный Джейсон с самым невинным выражением лица спросил:

— Дана, а ты чего не в духе?

— Голова у меня болит, — рявкнула она в ответ.

А этот ее... друг лишь вздохнул тяжело и выдал с неподдельной грустью в голосе:

— Ну, да... это серьезно. Так что, ребята, сами понимаете. Ближайшую неделю лучше ее не злить. Иначе жертвы будут. Если у девушки болит голова, а ее в это время достают...

У Дианы едва челюсть не отвисла, когда до нее дошло, о чем намекал Джейс. Но она сдержалась от того, чтобы ответить какой-нибудь колкостью. В ряде случаев лучше молчать. Особенно, когда оказываешься в глупом положении, но любая попытка как-то из него выпутаться, неизбежно сделает его идиотским. Поэтому девушка лишь проггла его злым взглядом, и, развернувшись на каблуках, отправилась в больничное крыло.

Там ее встретила медсестра, которая забила в своем планшете ее имя и характер жалобы, а потом проводила к доктору. Немолодому грузному мужчине в белом халате. Он неторопливо ее осмотрел, расспрашивая о том, когда головные боли у нее начались, как часто они у нее случаются, как долго длятся приступы и как она боролась с ними ранее.

Девушка отвечала, что начались они лет в восемь или девять. Точно она не помнила. Что случаются приступы примерно один-два раза в месяц, длятся больше суток, если ничего

не предпринимать. А боролась она с ними просто — принимая обезболивающее.

— М-да... — протянул доктор. — Боль резкая, пульсирующая. Идет по нарастающей. Вас тошнит. Не сильно, но ощутимо. В глазах слегка рябит. Свет и резкие звуки раздражают. Девушка кивнула, и сморщилась. Резкие движения сейчас были тоже неприятны.

— У вас мигрень, милочка, — хмыкнул он. — Угрозы для жизни не вызывает, но к моему глубочайшему сожалению, не лечится. Можно только боль убрать. Беспокоит сильно?

— Уже да, — не стала отпираться девушка.

— Надо было сразу сюда идти.

— Не получилось. Куратор дал указание, которое нужно было выполнить... быстро.

— Понимаю. Рукав до локтя закатите. Я вам обезболивающее вколю. Быстрее подействует. Но спать советую лечь пораньше. Любое лекарство, каким бы современным оно ни было, просто так для организма не проходит. И в обед хорошо поешьте. Иначе голова кружится будет. А еще я вам таблетки дам. Почувствуете, что голова болеть начинает — сразу пейте, не надо себя мучить. Оно того не стоит.

Диана вежливо поблагодарила фельдшера и ушла. Вернувшись к себе в комнату, она упала на кровать и с наслаждением зарылась лицом в подушку. Сейчас подействует препарат, боль отступит, и она сможет, наконец, вздохнуть спокойно. А пока нужно немного подождать. Благо тут тихо, а свет она не включала.

Через полчаса ей действительно стало легче, и девушка была морально готова к подвигу. Иначе ведь доклад куратору не назовешь. Аверин вызывал у нее смущение, растерянность и желание оказаться от него как можно дальше. Рядом с ним она чувствовала себя ребенком. А это не очень приятно. Со снисходительным или насмешливым любопытством на нее перестали взирать еще в младшей школе. А он... он именно так на нее и смотрел.

И все же этот мужчина ей, наверное, нравился. Не так, как Джейс или Рей. И даже не так, как лейтенант Кейн. Возможно, сыграли свою роль рассказы о его героическом поступке. Но наверное, хотя она ни за что бы в этом ни призналась никому на свете, девушку очаровали его глаза. Удивительные цвета каштанового меда.

Это было глупо и лишено всякой логики. Как кому бы то ни было может нравиться человек, успешно изображающий бесчувственную ледышку? Да, она его немного побаивалась. И в то же самое время не могла не восхищаться его силой духа и желанием жить наперекор всему.

С раннего детства им внушали, что способности — ничто, если они не подкреплены железной волей и готовностью прыгнуть выше головы.

«Через боль и слезы, страх и неуверенность, через себя переступи, — говорил часто маэстро Горский. — Иначе никак. Умри, но сделай! Иного пути для тебя отныне нет». Диана верила ему и шла вперед.

В майоре она видела, пусть не родственную душу, но человека способного встать и идти, даже если ему плохо, даже если у него нет уже не осталось сил. Он, правда, умрет, но сделает то, что должен. И Вадим Аверин дважды это доказал. Один раз, когда стал одним из тех, кто живым щитом стал между мирной планетой и врагом. А во второй, когда не позволил списать себя со счетов. Он зубами вцепился в свою жизнь и выздоровел, встал на ноги, хотя врачи и прочили ему инвалидное кресло.

Правда, восхищаться им девушка предпочла бы на расстоянии. Причем, максимально от него отдаленном. Но если ты — старшина, а он — твой куратор, это невозможно.

Приходится одевать на лицо нейтрально-благожелательное выражение и надеяться, что не замерзнешь под хмурым взглядом Ледяного Адмирала. Так курсанты называли его уже очень давно. Наверное, с первых его дней в Артене. За глаза, разумеется. Но для самого майора прозвище это было скорее поводом для гордости, чем сигналом о том, что он неправильно себя с ним ведет.

Диана нехотя встала и поплелась проверять, как прошло переселение. Но в дверях ее встретил Рей, в шутливой манере доложив, что ее указание выполнено. Парни благополучно поменялись комнатами. И теперь везде царят мир, спокойствие и взаимопонимание. То есть везде, кроме шестнадцатого блока. Но там, где живет Талин, мира и покоя не может быть просто по определению.

— Ладно. Пошла я тогда к Аверину. А Джейсону передай, что как только освобожусь, приду его убивать.

— Приходи. Посмотрим что-нибудь. Тео взломал головизор. В общем, теперь он показывает не только новости. Как это сделал наш гений, я не знаю, но мы в восторге. Две сотни каналов! Представляешь?

— Нет, — честно призналась она.

— Это лишний повод заглянуть к нам и посмотреть. Мы ждем тебя отмечать новоселье Морье и наше счастливое избавление от Талина.

— Как отмечать?

— Не знаю. Придумаем что-нибудь. Не задерживайся.

Девушка кивнула и пошла к майору, докладывая, что его подопечные расселены окончательно и бесповоротно. Переездов не планируется. И все всем довольны.

Куратор выслушал доклад подопечной после чего милостиво предложил ей присесть. Диана отказываться не стала и опустилась на край стула. Аверин удивленно вскинул бровь. Видимо он ожидал, что подопечная начнет уверять его, что хочет постоять, так как совершенно не устала.

— Простите, сэр, — сказала девушка мягко. — Я сделала что-то не так?

— Да нет. Вы все сделали правильно. Не люблю обсуждать, что-либо с человеком, на которого нужно смотреть снизу вверх. Не люблю повторять свои просьбы дважды. Я думал, вы начнете со мной спорить, — насмешливо протянул Вадим. — И усадить вас на стул станет настоящей проблемой.

— Мне жаль, — ответила Диана напряженно. — Что у вас сложилось обо мне такое мнение.

— Вы можете его изменить. Но оставим лирику. Нам с вами нужно решить кое-какие организационные вопросы. Итак, объявите вашему курсу, что к списку ваших занятий прибавится два факультативных предмета. Первый — «Психология мимики и жестов». Вести ее будет приглашенный специалист — профессор Антонов. Ранее эта дисциплина давалась лишь на третьем году обучения. Но начальник академии решил расширить этот курс. Второй — «Основы хореографии». Они должны были начаться во втором семестре, но по объективным причинам мы вынуждены были перенести данные занятия на первый. Оба этих предмета, хоть и числятся факультативными, являются обязательными для посещения и изучения. И тому, кто отнесется к ним несерьезно, предстоит очень неприятный разговор со мной лично. Вы меня понимаете?

— Да, сэр.

— Хорошо. Донесите эту мысль и до остальных. Далее у меня к вам личная просьба,

если можно, так сказать. Лейтенант Кейл в курсе и полностью поддержал мою идею. На его занятиях вы с завтрашнего дня первую половину урока сможете проводить по своему усмотрению. А вот вторую обязаны будете ассистировать вашему преподавателю. Вы должны будете три дня в неделю заниматься растяжкой с курсантами, которых за вами закрепят. Оставшиеся три дня — упражнениями на координацию движений и ними же. На этом все. Можете быть свободны.

— Есть, — спокойно ответила девушка, поднимаясь со стула, после чего поспешила покинуть кабинет своего куратора.

В понедельник сразу после завтрака после у них должен был состояться первый урок «Основ хореографии». И он оказался самым большим разочарованием, которое постигло курсанта Вирэн в Артенийской Военной академии. Нет, она ожидала, что уровень преподавания здесь ниже, чем в Тание, и что сам зал будет хуже, и что им будут давать действительно лишь основы. Она ожидала чего угодно, но не того, что предстало перед ее глазами в этот понедельник.

Такого ужаса она себе даже вообразить не могла. Самые страшные кошмары, вроде учебной тревоги, меркли по сравнению с этим. Ведь там, где есть сама возможность, полностью отдавшись музыке, плести кружево изящных па, рассказывая в них волшебную историю любви и ненависти, смирения и дерзости, жизни и смерти, нельзя оставаться чем-то недовольной. По крайней мере, не сейчас, когда на вес золота каждое мгновение, подаренное танцу.

Консуэлла Энхарт — их преподаватель вызывала у Дианы, да и, наверное, не только у нее, шок. Тонна косметики на лице, превращающего его в маску, пусть и безупречную. Фальшивая улыбка и манера растягивать гласные были не слишком приятным, но вполне терпимыми. А вот зашкаливающий нарциссизм не вызывал ничего кроме брезгливого недоумения. Сержант Энхарт показала им, как эталон и вершину к которой они вряд ли смогут даже приблизиться запись собственного выступления. С ним она, сама, еще будучи курсантом победила на каком-то конкурсе.

По мнению Даны, а судя по выражениям лиц, с ней были согласна почти половина группы, мастерство данной особы оставляло желать лучшего, как, собственно, и мастерство ее партнера. Движения резкие, смазанные, подчас совершенно неуклюжие, ошибок уйма. Поддержки, вообще, за гранью добра и зла. Как они умудрились не свернуть себе шеи, оставалось для девушки большим вопросом. И к ЭТОМУ им предстояло стремиться! Девушке так и хотелось, схватившись за голову, закричать: «Боже, куда я попала?»

Но это, как оказалось еще полбеды. Им предстояло ближайшие четыре месяца изучать танцы в ТЕОРИИ! А к практике, которая должна была длиться месяц, курсанты допускались только после сдачи зачета. И, нет, ни в коем случае, сдать зачет раньше, нельзя. И, вообще, с первого раза его у нее не сдал еще никто.

— Вы же пришли сюда учиться. А если не желаете, или считаете, что все уже знаете, можете забирать документы из Артена и идти в другую академию, — резко бросила она Джейсону, просто поинтересовавшись, можно ли получить вопросы к зачету заранее. — Но какого бы высокого мнения о своих умственных способностях вы ни были, лично я, вообще не уверена, что вам под силу будет сдать зачет даже на неделю раньше установленного времени.

Дальше было одно и сплошное издевательство. Потому что изучение теории в понимании сержанта Энхарт должно было происходить следующим образом. В своих планшетах стилусом, а никак не с помощью сенсорной клавиатуры они записывали под диктовку нечто очень похожее на методическое пособие по хореографии для преподавателей средней школы. А на следующем уроке им предстояло дословное воспроизведение данного

текста. О том, что курсанты должны выучить лекцию наизусть, она не поленилась сказать дважды. После чего объявила, что не потерпит от учеников никакой отсебятины.

А на перемене этот с позволения сказать преподаватель, сделал комплимент Вере Скольник, которая «весьма изящно» двигалась по классу и отчитал Диану за то, что та слишком прямо держит спину. Такая нарочито-правильная осанка... это, видите ли, моветон.

— В каком дремучем захолустье ее учили? — выдохнула девушка, выходя в коридор. — Причем, не только танцевать. Методика преподавания у нее также на уровне позапрошлого века.

— Даже представить себе не могу, — усмехнулся Джейсон, приобнимая подругу за плечи.

— У меня идеальная осанка!

— Успокойся.

— Да, как тут можно успокоиться?! У меня идеальная осанка!

— Не кипятись, мелкая, — улыбнулся Джейсон. — Ты — совершенство, а она просто дура. Одно радуется, мы будем не так часто ее видеть.

— О, да... — подкатил глаза к потолку Рей. — Всего два академических часа в неделю на протяжении шести месяцев. Я застрелюсь! Причем, еще на теории.

- Почему? — спросил Тео.

Морье недоуменно посмотрел на троицу друзей и смущенно улыбнулся, увидев на их лицах одинаковое возмущенно-недоверчивое выражение.

— Ты на уроки танцев ходил когда-нибудь? — спросил у него Джейс.

— Давно. В начальной школе еще. Но не сложилось. У меня слуха нет. Вообще. Ритм, хоть убей, не улавливаю. А что?

— Ничего. Ты, возможно, эти полгода переживешь. А вот мы... вряд ли. Потому что изучали танцы с детского сада. И я сильно сомневаюсь, что эта... сможет научить меня чему-то новому. Потому что мои учителя были, ни в пример, лучше. По крайней мере, они не заставляли нас практиковаться в письме под диктовку и заучивать наизусть пособия сомнительного содержания. И как она попала в преподавательский состав академии?!

Стоявшие рядом близнецы Снежные, дружно кивнули, выражая абсолютную солидарность.

— Да ладно вам, — влез вездесущий Вадим Талин. — Не такой уж это и ад. Развлечение и только. В сравнении с той же физ. подготовкой. Или историей.

Его поддержала пара ребят, но как-то вяло, без энтузиазма. Да, мол, физ. подготовка штука тяжелая, но и это не сахар. Только Вера Скольник сияла. В последнее время ей доставалось слишком мало внимания от преподавателей. А она к такому не привыкла. Да и тот факт, что выскочку, наконец, поставили на место, не мог не греть душу.

Диана хмурилась недолго, неунывающий Джейсон принялся рассказывать байки из своей школьной жизни. Рей заразительно смеялся и вставлял ехидные комментарии. Так что настроение девушке они подняли за несколько минут. И в целом день прошел нормально. Они посидели на истории, чудом не заснув. Затаив дыхание слушали лекцию по тактике эскадренного боя. И даже с удовольствием помчались на физ. подготовку. Сегодня у них было плавание. То есть с удовольствием помчались все кроме Даны и Тео. Они оба плавать не умели совершенно и предстоящего урока немного побаивались.

Но все обошлось. У самого входа их перехватил Майк и потащил в самый дальний угол

огромного бассейна. А потом бдительно следил, чтобы они правильно выполняли упражнения. Так что к концу занятия они хоть и плохо, но на воде, все же, держаться начали.

Потом был обед. И снова лекции. За два часа до ужина занятия на сегодня закончились. И большинство ребят, включая ее приятелей село за учебники. А Диана опять оккупировала спортивный зал. Надела наушники, включила аудио-воспроизведение заданного параграфа по этике и начала разминаться, потом стала к станку. Ей давно уже не нужна была музыка. Тело помнило само, что и как нужно делать. Через сорок пять минут с этикой было покончено и пришла пора культурологи. А после девушка позволила себе отдых — всего пять минут. На большее времени не было. Сегодня еще необходимо было сделать письменное задание по логике и сесть за грамматику Вернийского. Вряд ли сегодня удастся вырваться в зал до сна.

Но пока она здесь и готова приложить все силы. И пока на повестке дня вариация Китри из «Дон Кихота». Нужно не просто станцевать. Необходимо добиться филигранного исполнения, и при этом вжиться в роль. Ведь балет — не гимнастика, где необходимо просто выполнить ряд акробатических этюдов без помарок и попадая в ритм. Балет — это искусство. Здесь за каждым движением, каждым взглядом, каждым вдохом стоит мысль, которую нужно донести до зрителя.

Танец — ежевечерняя награда за то, что она нашла в себе силы прожить этот день. Танец — сама жизнь. Но в полной мере это дано ощутить лишь тем, кого поцеловала Терпсихора.

Музыка... есть в ней, наверное, какая-то магия. Потому, как стоит ей зазвучать, мир исчезает, а на смену ему приходит сказочная история. И вот уже нет в зале Дианы Вирэн — упрямой девочки, изо всех сил цепляющейся за осколки собственной жизни. Дамы и господа, перед вами озорница Китри. Дерзкая красавица, влюбленная в своего Базиля.

Из волшебного мира грез ее выдернули тихие аплодисменты. В дверях стоял Александр Польский. Диана беззвучно выругалась, но все же нашла в себе силы нацепить на лицо дружелюбное выражение.

— Ты прекрасна, — сказал он с самой обворожительной улыбкой, скользя оценивающим взглядом по ее фигурке.

— Спасибо, — ответила девушка осторожно. Интуиция просто кричала: это не к добру, что бы он ни задумал.

— Нет, я серьезно. Ты очень красива. А двигаешься... глаз не отвести.

— Вера будет ревновать.

— И что? Я ей ничего не обещал. Не говорил даже, что она мне симпатична.

— А мне выходит, говоришь?

— Да.

— Спасибо за комплимент, конечно. Я польщена. Правда, — усмехнулась девушка. — А теперь на чистоту. Чего ты хочешь, Польский?

— Зови меня Алексом.

— Ладно. И чего же ты хочешь, Алекс?

— Всего и сразу. Должность старшины. Видишь ли, иначе мне не интересно — скучно. Тут же совершенно нечем заняться.

— А как же лекции? Ты же сюда учиться пришел.

— Лекции... не смей меня, малышка Ди. У меня были хороши репетиторы. Лучшие, я бы сказал. Родители никогда не скупались на моем образовании. Хотя и спрос с меня был

соответствующий. И это принесло свои плоды. Я хоть сейчас готов сдать все экзамены вплоть до третьего курса.

— Займись физической подготовкой.

— Займусь. Куда деваться? Свободного времени у меня останется слишком много. Но я все равно стану старшиной. Ваша троица продержится недолго. Максимум пару месяцев. И то, если Аверин будет к вам более чем лоялен. Но вероятность того, что Ледяной Адмирал начнет вас прикрывать, крайне мала. Хотя, идея создать альянс была недурна. Гениальна, я бы даже сказал.

— Ты нас недооцениваешь. Но даже если меня снимут с должности... как видишь, я иллюзий не строю. Что с того? Ну, назначат Джейсона или Рея.

— Нет. И ты скоро поймешь, что я прав.

— Ладно. Допустим. Ты — старшина, а нас ждут репрессии. Но мы можем заслужить твою благосклонность, сдавшись прямо сейчас. Я права?

— Ты нечто невероятное, — он растянул губы в снисходительной улыбке. — Такая маленькая и такая колючая. Мне это нравится.

— А иди ты куда подальше, Польский.

— Не дури, Ди, — почти ласково сказал он. — Тебе лучше со мной дружить.

— А ты только дружить хочешь? — наигранно изумилась она. — Не знала, что теперь это так называется. И хватит на меня пялиться. Нет у меня груди. Нет!

Парень засмеялся.

— Ты забавная. Рядом с тобой хочется улыбаться. И, конечно, я хочу не только дружить.

— Очень мило, но вернемся к вопросу наших взаимоотношений. У тебя уже есть девушка. А я второй не буду. Это же себя не уважать. Алекс, очнись! Мы в Артене. Здесь две трети — курсанты мужского пола. Нет резона соперничать за внимание парня с кем-то вроде Скольник. Проще другого найти.

— Мое внимание будет всецело отдано тебе. А Вера... как бы помягче выразиться? Никак, наверное. Она... шлюха. Причем, дешевая. Готова быть с любым, кто может ей хоть что-то предложить. Сначала ее целью был Аверин. Но он на ее симпатичное личико не повелся, после чего красотка переметнулась ко мне. Я хоть и не такая выгодная партия, как Адмирал, но тоже ничего.

— Ты так спокойно об этом говоришь.

— Не она первая, не она последняя. Знаешь, сколько я за свою жизнь таких повидал? Много. Но что поделаешь? Я единственный наследник всего состояния своей семьи. В общем, бедность мне не грозит. И знаешь, что? Ты об этом не знала. Тебя не интересовало, сколько денег уже лежит на моем счету, и сколько из них я могу потратить на женские капризы. К тому же тебя можно и родителям показать. Отцу ты понравишься. Да и с мамой, думаю, вы найдете общий язык. Она пианистка.

— Очень мило, Алекс, но есть одна проблема. Ты мне не нравишься.

— Это ерунда. Познакомимся поближе — понравлюсь. Тебе будет со мной хорошо.

И видимо, чтобы доказать это он шагнул к ней. Девушка вздрогнула и в ее глазах загорелся огонек страха. Здоровый парень и девчонка, которая раза в два меньше его. И отбиться у нее нет ни единого шанса, если он решит применить силу. А в голове всплыл тихий голос Дэна, который однажды решил дать ей пару уроков самообороны. Ей тогда лет пятнадцать было. Или даже меньше. К ней пристал какой-то мальчишка, когда она гуляла в городе. Одноклассник это увидел и пришел на помощь. А потом долго объяснял, в чем была

ее ошибка.

«Снежинка, — говорил он. — Ты очень хорошенькая. Вырастишь, совсем красавицей станешь. А мужчины не всегда слышат отказ той, которую они хотят. Поэтому любая девушка должна помнить. Если оказалась в ситуации, когда тебя фактически прижали к стенке, не паникуй. Проку от этого не будет. Не плачь. Слезы редко останавливали насильников. Не пытайся вырваться. Сил, скорее всего не хватит. Но и ледяной статуей не застывай. Кричи. Громко. Чтобы привлечь внимание. И бей. Пах. Солнечное сплетение. Основание шеи».

Вот только меры эти очень уж радикальные. Сначала нужно попробовать решить это миром. Ну, или хотя бы до скандала не доводить. А Польский тем временем приблизился практически вплотную и провел ледяными пальцами по ее щеке. И хотя прикосновение его было почти невесомым, можно даже сказать, нежным, Диану передернуло, и она непроизвольно сделала шаг назад.

— Очень глупо с твоей стороны. Если мне захочется, твоя жизнь превратится в ад. Пять лет ада. Как тебе?

— Не страшно.

— А вот это ложь, моя маленькая.

— Во-первых, Польский, я не твоя и твоей не буду. Даже не мечтай. А во-вторых, я уже ничего не боюсь. Ни жизни. Ни смерти. А бояться тебя — это вообще смешно. Но если ты еще раз подойдешь ко мне со своими сомнительными предложениями, тебе несдобровать.

— Или что ты сделаешь? Побьешь меня?

— Рапорт напишу. Обвинение в сексуальном домогательстве — не то, что сможет прибавить тебе баллов в погоне за должностью старшины.

— Возможно. Но где доказательства? Твое слово против моего. Мне ничего не будет. В самом крайнем случае, ждет меня «мужской» разговор с Авериным, где он в вежливой форме посоветует с истеричками не общаться. А вот ты после этого необдуманного шага в глазах группы упадешь ниже некуда.

— Испугал! Польский, очнись. Мне плевать на мнение группы. И я буду даже рада скинуть обязанности старшины на Рея. Джейс менее серьезный и роль заместителя ему подходит больше. Но тебя будут ждать настоящие проблемы. Самое меньшее из которых — замечание, занесенное в личное дело. А теперь, шел бы ты куда подальше.

— Это глупо. Воевать со мной.

— Польский, ты не понял? Отвали!

— Ты или будешь моей, или вылетишь из Артэна.

— А не много ли ты на себя берешь?

— Нет. В самый раз. И, так уж и быть, я проявлю щедрость и дам тебе время подумать. Я, наверное, был недостаточно деликатен. Слишком прям и напорист. Это моя ошибка. Признаю. Поэтому я готов пойти на маленькую уступку тебе. Не принимай опрометчивых решений. Подумай. У тебя неделя, малышка Ди. Но если я не получу согласия на свое предложение, ты об этом пожалеешь.

— Сомневаюсь.

— Посмотрим, моя прелесть, — улыбка парня вдруг показалась девушке похожей на оскал хищника. — Посмотрим.

После чего он развернулся и вышел из зала. А Диана обессилено опустилась на пол. В ее голове бешено пульсировала одна единственная мысль: «Что же делать? Что же мне

делать?»

Девушка закусила губу. Еще одна проблема. Как будто бы всего того что уже с ней случилось, судьбе было мало. А ведь единственного, чего она хочет сейчас — это покоя. Так нет же неприятности все льются и льются на ее голову.

Теперь вот поклонник нарисовался.

В то, что Польский по мере сил и возможностей, начнет портить ей жизнь, она почти не сомневалась. Такие как он не прощают пренебрежения и отказов. Но не соглашаться же было на его «щедрое» предложение. Он не Джейс или Рей. Ребята действительно согласны с ней просто дружить. Этот же будет играть в «отношения». И требовать всех причитающихся ему бонусов от поцелуев, до постели.

И если первое еще можно было пережить, то второе вызывало стойкое отторжение. Те так. Не с ним. Возможно, девушка и могла бы сделать этот шаг, если бы руку ей протягивал Джейсон, ставший за то короткое время, что они провели в Артене почти родным. И хоть Диана и не была в него влюблена, но отказать ему она бы не смогла. Не посмела бы. Просто боясь потерять самого близкого ей человека.

И пусть это было бы скорее в благодарность за поддержку, а не по велению сердца, так сказать. Но только ли любовь сводит людей вместе? Ведь нет. Довольно часто их толкает друг к другу одиночество и желание согреться в чьих-то объятиях. Любовь приходит потом, стирая в нашей памяти первопричину нашей влюбленности.

Проблема же Даны(или Польского, который столь необдуманно заявил о своих притязаниях) заключалась в том, что девушка ничего не могла получить от этих отношений. Да и, признаться, не хотела получать. Во-первых, друзья, у нее уже есть. И они готовы ее самозабвенно опекать. Значит, в защите она не нуждается. Помощь в учебе ей также не требуется. А Польский, хоть и был симпатичным, умным и даже обаятельным, когда сам того желал, но при всех своих достоинствах, не будил нежных чувств. Да и, вообще, шантаж и угрозы стоят последними в списке способов понравиться девушке.

Но если уж на то пошло, нежных чувств в ней никто не будил. Почти что сестринская привязанность к двум ее приятелям не в счет. Нет, она, разумеется, мечтала иногда, что встретит кого-то, кто ей очень понравится. И у них будут настоящие отношения. Со всеми вытекающими в виде жарких взглядов и не менее жарких ночей. Но это будет когда-нибудь. Не сейчас.

Да и что такое влечение Диана Вирэн понимала смутно. Ее единственной страстью был балет, а единственным любовником — танец. Наверное, именно из-за этого ей и не давались романтические персонажи. Мадам Желис однажды вышла из себя и закричала на воспитанницу:

— Колода ты бесчувственная! Дура! Ну, неужели ты не можешь хоть каплю чувства вложить в свой танец? Жизель его любит. Понимаешь ты? Любит! Всем сердцем, всей душой. Вопреки даже его предательству. И любовь эта в каждом ее движении, в каждом взгляде. Да что стоит вся твоя техника, если ты не можешь подарить зрителю волшебство, ради которого он и приходит в театр? Гнать тебя надо из академии! Гнать!

Тогда за маленькую балерину, которую от истерики отделял один только шаг, в который уж раз, заступился маэстро Горский. Он был в два раза старше мадам Желис и поэтому счел возможным сделать своей более молодой коллеге замечание:

— Марго, вы перегибаете палку. Прекратите обвинять ребенка в том, в чем она не виновата. Чтобы принести на сцену волшебство любви, в ее пламени нужно сгореть хотя бы

однажды. Но всему свое время. Вы же не станете требовать, от младенца, который едва научился ходить, чтобы он умел танцевать на пальцах. Вот и от нее не требуйте огня, который еще не успел разгореться. Время этой девочки еще не пришло. Но придет.

— Когда? — раздраженно прошипела мадам Желис. — Хотела бы я знать. И что мне делать с ней сейчас. Скоро Смотр, а она совершенно не готова.

— Для Смотра, если он так вас беспокоит, я бы рекомендовал поменять номер. Время еще есть. И если с «Жизель» ваша ученица не справляется, пусть попытает удачу с «Лебединым озером». Думаю, вариация Одиллии подойдет ей как нельзя лучше. А по поводу любви и способности дарить свои эмоции зрителям... все приходит со временем. Сейчас вы должны научить танцевать ее тело. Душа ее научится всему без вашего участия. Все же не забывайте, что Вирэн на год, а то и на два младше своих одноклассниц. Значит, время у нее есть.

Диана была согласна с мнением учителя. Со временем все должно было прийти. У других ведь так и происходило. А чем она отличается от остальных девочек? Ничем. Вот только предсказание маэстро отчего-то не спешило сбываться. Дана и не думала терять голову или сгорать от страсти. А будить ее чувственность никто не спешил. Те, к кому она испытывала хоть отголосок симпатии, были влюблены в других. Рей в свою Кейт. Джейс сейчас бредил недоступной Каролиной. Тео не замечал никого кроме Марии Снежной. А Михаил... он шел в комплекте с Мари и никаких особых эмоций у Дианы сам по себе не вызывал. Искать же свой идеал девушка не спешила. На это у нее просто не оставалось ни времени, ни сил.

Но через какое-то время самообладание вернулось к девушке, и нашла в себе силы подняться на ноги. Все же нежеланный поклонник — не самое страшное, что может случиться в жизни. Да и что он может ей сделать? Пакостить по-мелочи. И все. А уж это — сушая ерунда. Но ребят предупредить надо. Лучше уж быть готовым к неприятностям. После чего она тряхнула головой и зло пробормотала:

— Вот же придурок этот Польский. Все настроение испоганил. Но это же не повод сворачивать занятие? Нет, не повод!

Коммуникатор, настроенный на общую линию запиликал, когда Вадим уже собирался уходить на обед. К слову, звонил он достаточно редко. Один-два раза в месяц. Потому что сослуживцы предпочитали внутреннюю линию, начальство — громкую связь, а приятелей, которые могли ему позвонить, было не так уж много. Поэтому чаще всего такой звонок означал, что дед или мама успели по нему соскучиться. Еще пару раз в год звонила тетушка Нэн. Кем ему приходилась эта очаровательная дама, он представлял себе смутно. То ли троюродной сестрой, то ли золовкой его давным-давно почившей бабушки. Но она всегда была с ним мила. И каждый год на день рождения присылала большую пластиковую коробку домашних конфет. И именно эти, не слишком красивые, а иногда и вовсе бесформенные комочки казались ему вкуснее, чем те, что продавались в самых дорогих кондитерских.

Еще был Станислав. Он приходился Вадиму двоюродным братом по материнской линии. Но хоть они и были ровесниками, общались крайне редко, хотя все их встречи проходили достаточно тепло. Они не были друзьями, по ряду причин в числе которых и отсутствие общих интересов, и слишком разные характеры. Но им довольно было и родственных уз, чтобы неплохо ладить. И про себя Вадим отметил, что надо бы позвонить Стасу и поинтересоваться, как у него идут дела. Потому как свидеться им удастся только через полгода на юбилее деда.

Майор глянул на экран и скривился.

— Да, мама, — ответил он, попытавшись выдавить улыбку.

Но у него ничего не получилось. Разговаривать сейчас с ней он не имел никакого желания. Потому что в последнее время все темы для разговора неизбежно сводились к одной: «Когда же ты женишься? Я хочу внуков».

— Здравствуй, мой хороший. Как дела?

— Нормально. А как у тебя?

— Чудесно! Я и Леонид чудесно отдохнули на Гоа-3. Он, кстати, передает тебе привет.

Леонид... мужчину еще раз перекосило. Хотя он попытался выдать это за милую улыбку. Своего, прости Господи, отчима он терпеть не мог. И что его мама в нем нашла? Во-первых, Леонид Динар был въедливым занудой с манией величия. Во-вторых, он являлся ровесником Вадима и не отличался особой привлекательностью. «Но что в этом такого?» — спросите вы. А то, что этот... штатский на правах отчима пытался учить его жизни. Пока Вадим не объяснил ему всю степень его заблуждения. Теперь он, стоит его супруге вспомнить о сыне, начинает нудить: «Дорогая, у него порушена психика. Ему нужна помощь. Я знаю чудесного психоаналитика. А не уговоришь ли ты его полежать в прелестной клинике для душевнобольных годика этак три? Это все для его пользы».

А Сильвия меж тем продолжала делиться впечатлениями:

— Море. Солнце. Ты не представляешь! Между прочим, я научилась ходить под парусом! Мы арендовали яхту и пересекли на ней залив! Кстати, почему ты никогда не путешествуешь с нами. Это было бы так здорово! А еще ты бы мог пригласить свою девушку. У тебя же есть девушка?

— Нет. У меня есть работа.

— Твоя работа не родит мне внуков.

— Да, не родит, — вынужден был согласиться с матерью Вадим. — Обещаю подумать над проблемой на досуге.

— Правильно, дорогой. Ты обязательно должен познакомиться с какой-нибудь милой девушкой. Или хочешь, я тебя познакомлю? У меня уйма знакомых подходящего возраста. Но я совсем забыла, зачем, собственно позвонила. Сынок, мы в субботу будем на Артене. Так сложилось, что Леонид должен заскочить туда по делам компании. И мы решили, чтобы он не делал крюк потом, из отпуска прилететь прямо туда. Так что мы можем вместе пообедать.

— Но вы ведь, наверное, спешите.

— Сынок, ну что ты! Мы специально взяли билеты на ночной рейс. Мне бы так хотелось с тобой встретиться. Я ужасно соскучилась. Ты же можешь вырваться из своей Академии на пару часов чтобы навестит нас? Мы ведь так давно не виделись. Запоминай. Отель «Шато-Легран». Суббота. Шесть вечера. И не опаздывай!

— Хорошо. Я приеду, — обреченно вздохнул Вадим. Ресторан он этот знал. Пафосное заведение. Не удивительно, что Лео выбрал именно его. Но отказаться невозможно. Мама не поймет.

Он шепотом выругался и заставил себя вернуться к работе. Этот звонок совершенно выбил его из колеи. Нужно составить план занятий на следующий месяц. А потом можно и на ужин пойти.

И только он взял в руки планшет, раздался стук в дверь.

— Да, — ответил он, пробежавшись пальцами по сенсорной панели стола для того, чтобы открыть ее. — Добрый вечер, Консуэлла. Проходите.

— Здравствуйте, Вадим, — улыбнулась женщина, нарочито несмело вplывая в его кабинет. — Я вам не помешала?

— Не помешали. Итак, чем я могу быть полезен моей очаровательной коллеге? — решил немного пофлиртовать он.

Нет, по-настоящему эта особа его не интересовала. Все же заводить интрижки на работе — последнее дело. Но почему бы не сделать ей приятное? Это ему ничего не стоит. А какая женщина не желает слышать о том, что она привлекательна?

— Я бы хотела с вами поговорить, — начала она, демонстрируя смущенную растерянность. — Мне нужен ваш совет и... помощь.

— Конечно. Я буду раз вам помочь.

— Ваши подопечные сорвали мне урок.

— Почему вы в таком случае не доложили мне об этом рапортом? Это же серьезное дисциплинарное нарушение. Я бы уже давно наказал виновных. Зачем было ждать до вечера?

— Ах, просто я не решилась на это. Ведь главным нарушителем является старшина группы. Все-таки это ваша протеже, коль вы ее назначили на должность старшины. И прежде чем обострять ситуацию, я решила поговорить сначала с вами.

Она доверчиво посмотрела на майора и робко улыбнулась, но на него такие женские хитрости не действовали.

— А есть и другие?

— Курсанты Андерс и Риз.

— Старшина и два ее заместителя. Интересная ситуация. Кто-то еще?

Консуэлла замялась.

— Кто еще?

Сержант начала перечислять, педантично сверяясь с ведомостью.

— Итого, десять человек из двадцати пяти. Не много ли для третьего урока, коллега? Как мне кажется, вы умудрились сделать то, что не под силу никому из преподавателей Артена. Вы не просто настроили против себя почти половину группы. Вы еще и потеряли контроль над ситуацией. Это недопустимо.

- Но зачинщиком являлась именно Вирэн. И вся вина за произошедшее лежит исключительно на ней. Она мешала вести занятие... хамила мне. Это же просто неприемлемое поведение! Вы так не считаете?

— Конечно, считаю. Но не могли бы вы для начала прояснить ситуацию. Потому как описанное вами не просто дисциплинарное нарушение. Это акт протеста, причем, массовый. И если они начали бунтовать, на вашем уроке, значит, у них на это были причины. Что бы дети не натворили, в первую очередь генерал спросит с вас. А курсанты отделаются замечанием, и скорее всего, устным. Вы понимаете это?

— Конечно. Но если бы не Вирэн, ничего этого бы не случилось. Это она их спровоцировала. Вы же понимаете, старшина... может оказывать влияние на собственную группу. А данное влияние нельзя назвать конструктивным.

— Допустим. Но вернемся к моему вопросу. Что конкретно произошло на вашем уроке?

— Диана Вирэн сегодня вы выучила домашнее задание. Но вместо того, чтобы признаться в этом и не усугублять ситуацию... начала дерзить и пререкаться, подрывая мой авторитет среди курсантов. И это в военной академии! Вы же понимаете, что такое поведение непозволительно?! Я крайне возмущена, Вадим. Какая-то наглая девчонка... которую вы, не иначе как по ошибке назначили ответственной за всю группу. Старшина должна поддерживать порядок, а не подвергать сомнениям слова старших по званию. Мало того... оба заместителя ей во всем потакают! И не один даже не попытался ее одернуть. Они со злорадными улыбками наблюдали за творимым ей безобразием. И я считаю, что на эту должность, при всем моем уважении, вы должны были назначить более разумного и сдержанного курсанта!

Он вообще первый раз видел, чтобы Консуэлла Энкхарт была в подобном состоянии. Расстроена. Взволнована. И немного потеряна. Он считал, что эти чувства, этой женщины вообще не ведомы. А вот о таланте тонкого манипулятора он был наслышан. Хотя ему самому еще не приходилось наблюдать его в действии.

— Думаете, если сместить с должности этого маленького провокатора, проблема исчезнет?

— Вот! Вы же признаете, что она...

— Признаю. И если бы ко мне пришел с предложением заменить старшину кто-то другой, я бы еще подумал. Без обид, Консуэлла. Но остальные преподаватели ее хвалят. И ни один из наших с вами коллег не выразил опасений на счет того, что она негативно влияет на группу. Более того, я слышал диаметрально противоположную точку зрения. И не раз.

— Но, Вадим...

— Коллега, девочка училась в балетной школе. С пяти лет. Немало, согласитесь.

— И это дает ей право в подобном тоне отзываться о моем предмете? — зло выпалила его собеседница. — Она всего лишь неудачница, которую исключили даже из заштатной школы танцев!

— Коллега, при всем моем к вам уважении, не переходите с проблем дисциплины на жизненные обстоятельства моих курсантов. Я этого не терплю. Давайте все же вернемся к вашей жалобе. С чего начался ваш конфликт?

— Не было никакого конфликта. Просто, курсант Вирэн посчитала для себя возможным не выполнять данное ей задание. Вместо этого она потребовала список вопросов, знание которых я буду проверять на зачете.

- И?.. — майор с преувеличенным вниманием посмотрел на собеседницу. — Что же было дальше?

— Дальше?

— После того как курсант Вирэн посчитала, по вашим словам, невозможным выполнения домашнего задания?

— Я занесла в ее табель оценку «неудовлетворительно» и потребовала покинуть класс. За ней вышли и остальные. Молча. Просто встали и вышли, игнорируя мой приказ вернуться на места.

— Спасибо, что сообщили, Консуэлла. С данным дисциплинарным проступком я разберусь. Можете не сомневаться. И, если вас не затруднит, принесите мне завтра список вопросов к зачету.

— Зачем?

— Ознакомиться хочу, — ответил он, прожигая ее раздраженным взглядом. — А теперь, прошу меня извинить, но мне необходимо пообщаться с моей группой и их старшиной.

И не дожидаясь даже пока она выйдет, зло рявкнул в коммуникатор:

— Курсант Вирэн, ко мне в кабинет! Живо!

Сержант Энхарт торжествующе усмехнулась. Вот была выскочка старшиной, а теперь? Никто! Аверин на расправу очень скор. И на жалость ему давить бесполезно. Он, вообще, такого слова не знает. И поделом ей. Нечего было норов показывать. Таких «звезд», как она — целая академия. Так нет же! Считает себя самой яркой. Ну, ничего... Вадим быстро опустит ее с небес на землю, а может и ниже. Туда, где ей самое место.

А майор пытался унять клекотавшую в нем злость. Пытался думать о хорошем, делать дыхательные упражнения. Даже встал из-за стола и прошелся по кабинету. Не помогало. Это было очень плохо. Встретить свою старшину он должен спокойным и излучающим доброжелательность. В первом конфликте куратор должен быть открыт для диалога. Вирэн в должности всего ничего. Могла просто не сориентироваться в ситуации или просто вспылить. Человек все же. И раз другие курсанты ее поддержали, значит, она была права. По крайней мере, в какой-то степени.

А еще он был наслышан о непростом характере Консуэллы Энхарт. Майк ее иначе как «Крашеной истеричкой» и не называет. А вот самому Вадиму как-то не приходилось сталкивался с ней раньше. Чему он был сейчас рад. Крайне неприятная особа, которая ведет совершенно ненужный предмет. Чертовы танцы. Одни проблемы от них. Вот если бы старшина доставила проблем по любому другому преподавателю, все было бы просто. А так...

Его размышления прервал стук в дверь

— Войдите.

— Курсант Вирэн по вашему указанию прибыла, — отрапортовала девушка, появившаяся на пороге, глядя куда-то поверх его головы.

Вадим мягко улыбнулся. Точнее, попытался это сделать. Но судя по напряженному

состоянию подопечной, попытка эта замечена не была.

— Вы догадываетесь, почему я вас вызвал? — спросил он самым спокойным тоном, на который был способен в данный момент.

— Да, сэр. Из-за неудовлетворительной оценки по «Основам хореографии»?

— Садитесь, Вирэн, — майор указал на стул для посетителей и сел сам.

Мужчина хмыкнул, глядя, как девушка присаживается на самый краешек, будто бы готовая в любой момент вскочить. Да и поза закрытая, напряженная. На лице не отражается ни единой эмоции. Паршиво. Девчонка способна сейчас только защищаться, а вот на готовность к диалогу даже намек нет.

— Хотите чаю? Или может кофе? — спросил он и с удовольствием отметил, как Дана встрепенулась и с удивлением посмотрела на него.

— Нет, благодарю.

Вадим кивнул. На его памяти не было ни единого случая, когда курсант согласился бы что-либо выпить. Субординация и все такое. Но действовал этот прием безотказно. Человек расслаблялся. Ведь это вполне логично. Если тебя пытаются напоить чаем, значит, убивать пока не будут. Максимум — пожурят. Но ничего такого уж страшного не произойдет.

— Меня только что посетила сержант Энхарт и рассказала о сегодняшнем конфликте. Теперь я хочу услышать и вашу версию. Расскажите, что произошло.

Девушка молчала, глядя в пол. То ли искала нужные слова, то ли не знала, что именно можно сказать, а о чем и заикаться не стоит.

— Смелее.

— Сержант Энхарт, — несмело начала девушка, но потом вдруг перевела взгляд на Вадима, и продолжила, уже твердо глядя ему в глаза. — Совершенно не ориентируется в своем предмете. И речь даже не о том, как она его преподает. Мы не должны писать маловразумительные диктанты, заучивать их наизусть. Искусство не предполагает подобного подхода к обучению.

— Курсант, — в голосе майора, зазвучал металл, — Как вы думаете где вы учитесь?

— В Артенийской Военной Академии.

— Правильно, в военной! А значит главными вашими принципами на ближайшие пять лет должны стать «субординация и дисциплина». И даже если вы не согласны с преподаванием или еще с чем, регламентированным уставом школы и ее учебным планом, в первую очередь вы должны были прийти к куратору, а не устраиваться непонятно что на уроке, в том числе унижая сержанта Энхарт.

— Я не... — попыталась возразить девушка, но Вадим поднял руку, и она замолчала.

— Я не говорю, что сержант во всем права. Но надеюсь, вы понимаете, что и вы поступили неправильно? И как мне теперь с вами быть, курсант?

— Да что я такого сделала?! — в голосе девушки вдруг зазвучали слезы. — Я не критиковала ее методы обучения, не переходила на личности, в отличие от нее, не отказалась ответить на поставленный вопрос. Просто...

Диана почувствовала тоскливую безнадежность и пустоту. Эта эмоциональная вспышка выпила все ее силы. И она устало откинулась на спинку стула. Опустила глаза и подумала, что нет смысла доказывать что-либо Ледяному Адмиралу. Все равно справедливости от него не добьешься. Он просто из солидарности будет поддерживать свою коллегу, даже если та идиотка каких поискать. Но что в этом удивительного? Так всегда... учителя в одном лагере, ученики — в другом. А между ними пропасть под названием «учебный процесс». Добра от

майора девушка не ждала с самого начала. Но он хотя бы признал, что сержант Энхарт может быть в чем-то не права. Небывалый либерализм.

— Расскажи, что произошло, — он мягко попросил ее, переходя с вежливо-безличного «Вы» на более личное «ты». — Просто расскажи, с чего все началось.

Диана помедлила минуту, но потом, все же, начала свой рассказ тихим безжизненным голосом. И Вадиму показалось, что делает она это нехотя, словно бы через силу, но достаточно четко, то есть мямлить не начала:

— Сержант Энхарт попросила меня привести общую классификацию танцевальных направлений. Я это сделала. Точнее, попыталась. Примерно на середине ответа она меня оборвала, сказав, что ответ в корне неверен. И поинтересовалась, откуда я взяла эту чушь? И напомнила, что давала нам под диктовку совершенно другую информацию. Пришлось ответить, что это не чушь, а практически дословная выдержка из «Большой энциклопедии сценического искусства» под редакцией Иржи Левковского и Адель Пуари. Том третий. Сорок шестое издание. Так же я пояснила, что «Большой энциклопедии сценического искусства» является главным методическим пособием всех без исключения искусствоведов вот уже восемьдесят лет. Аналогов ей не существует. На что сержант мне ответила: «На моем уроке вы должны цитировать собственные конспекты, а не написанные еще в прошлом веке книжки, которые давным-давно устарели. Не забывайте где находитесь, курсант. Это Артенийская Военная Академия, а не кружок актерского мастерства». Мне хотелось многое ей сказать, но я сдержалась, сэр. С трудом, но сдержалась. Потом она... попросила еще раз привести общую классификацию танцевальных направлений, но только уже «правильную». А я не смогла. Мой конспект, который мне необходимо было выучить к сегодняшнему уроку, противоречил всему тому, что мне преподавали последние двенадцать лет.

Майор тихонько выругался. Такого он не предполагал. Признаться, он ожидал чего угодно, но не этого. И как тут быть, мужчина не знал.

— То есть сегодняшний инцидент — только верхушка айсберга? Вирен, ты — моя головная боль, знаешь об этом?

— Прошу прощения...

— До твоего появления никто не жаловался на Консуэллу. Все были довольны. А теперь? Что мне делать со всей этой ситуацией?

— Я могла бы сдать предмет экстерном хоть сегодня.

— Да, это погасит ваш конфликт. Но проблема ведь не в этом. Неужели не понимаешь?

— Нет.

— Завидую тебе, ребенок. Самое паршивое во всем этом то, что в штате Артена оказался некомпетентный преподаватель. Сами собой возникают вопросы. Как она попала к нам? И почему продержалась так долго? И ответы на них мне предстоит найти в самое ближайшее время.

Девушка встрепенулась и с невероятной смесью надежды и недоверия посмотрела на него. А потом несмело улыбнулась, сказав:

— Спасибо.

— За что?

— За справедливость.

— Я стараюсь понять своих подчиненных. У меня это не всегда получается, но наказывать, не дав возможности оправдаться, я не стану. Поэтому в следующий раз, когда у тебя, или кого-то из твоей группы возникнет конфликтная ситуация с кем-то из

преподавательского состава, ты скажешь об этом мне. Сразу же. Договорились?

— Да.

— Вот и хорошо. А теперь вернемся к этим вашим танцам. На следующий урок идут лишь те, кто этого хочет. Исключительно по желанию. Это мое распоряжение. Но чтобы у кого не возникло желания просто прогулять занятие под благовидным предлогом недовольства преподавателем, я буду ждать вас в спортивном зале. Устроим внеплановый урок самообороны.

— Тогда на хореографию почти никто не пойдет. Даже те, кто относится к предмету сержанта Энхарт более чем лояльно, предпочтут вас.

— Спасибо за комплимент, — усмехнулся майор. — Но поживем — увидим. А теперь шагом марш к своим — делиться новостями.

— Хорошо, — сказала девушка, поднимаясь со стула. — Разрешите идти?

— Разрешаю.

Без десяти шесть Вадим входил в отель «Шато-Легран». Помимо самого отеля в здании находилось уйма всего. Залы, где проводились бесчисленные конференции. Несколько ресторанов на любой вкус и бюджет. И несколько развлекательных центров для постояльцев. Причем, спектр развлечений был огромен. От имитации солнечного пляжа, заканчивая баскетбольной площадкой и теннисным кортом.

Пройдя по длинному холлу, майор оказался у стойки администратора. Девушка в форменной одежде служащей отеля солнечно улыбаясь протараторила:

— Мы рады приветствовать вас в «Шато-Легран». Младший администратор Роза Варина. Чем могу быть полезна?

— У меня назначена встреча. Меня ждут Леонид и Сильвия Динар.

— Минуточку пожалуйста.

Пальцы девушки начали порхать по сенсорной панели. А лицо ее сменило выражение с лучащегося счастьем на нейтрально-благожелательной.

— Да, — пропела она. — Все верно. Вас ждут на втором этаже в главном зале ресторана «Шато-Легран». Вам необходим провожатый?

— Нет, благодарю вас. Я там уже бывал.

Зал Вадим нашел достаточно легко. И нацепив на лицо «радостную» улыбку, он направился к столику, за которым, сидели Сильвия и Леонид.

— Вадим! — мама вскочила и повисла у него на шее.

Улыбка майора стала чуть более искренней. Все же он любил свою легкомысленную маму. А она не менялась, сколько он ее помнил. Эта женщина всегда оставалась очаровательной пышечкой с лукавыми глазами и нежной улыбкой на хорошеньком личике. Сильвию сложно было назвать красавицей. Ни ее лицо, ни фигура не отвечали классическим канонам. Но все, кто хоть раз встречал ее, находили госпожу Динар невероятно притягательной. И поклонников у нее было не в пример больше, чем у признанных королев красоты. Почему?

Наверное, потому, что Сильвия любила эту жизнь и дарила тепло своей любви всем, кто был рядом. С ней невозможно было грустить. Для каждого человека у нее находилась улыбка и доброе слово. Она с готовностью помогала всем и друзьям, и совершенно незнакомым людям. Но были у нее и недостатки. И ее сын знал о них не понаслышке. Главным, из которых являлось то, что осчастливливать людей она была готова даже вопреки их желанию.

По ее мнению, для счастья Вадиму не хватало жены и детей. И она самоотверженно сватала ему юных и не очень прелестниц. Объяснить ей, что помощь в этом деликатном вопросе майору не требуется не смог ни он сам, ни его дед, которого Сильвия безмерно уважала. И, вообще, женитьба единственного сына для нее давно уже стала идеей фикс.

— Привет мам, — произнес Вадим, немного отстраняясь. — Как дела?

— Замечательно дорогой. Кстати, как я тебе? Загорела?

— Да. Ты чудесно выглядишь, — ответил он, выпустив, наконец, мать из объятий и повернулся к своему отчиму. — Добрый вечер, Леонид.

Мужчина скупно улыбнулся, но руки для приветствия не протянул. Вадим, кстати,

совершенно по этому поводу не расстроился.

Далее следовал ужин в традиционном стиле. Сначала Сильвия делилась впечатлениями от поездки, а ее муженек важно кивал в знак согласия. Периодически Лео делал кое-какие уточнения, без которых Вадим с удовольствием обошелся бы. А ближе к десерту Сильвия перешла к своей любимой теме — внуках, то есть драматическому отсутствию у нее оных. Майор терпеливо слушал, не особенно вникая в то, что она говорила. А что еще ему оставалось? Спорить — дело бесполезное.

— Сынок, я поняла свою ошибку, — вдруг заявила Сильвия.

Мужчина с подозрением посмотрел на мать. Ему слабо верилось в ее неожиданное прозрение.

— Мне давно нужно было взять все в свои руки. И этим я займусь в ближайшее время. Лолита будет тебе чудесной женой. Она хорошо воспитана, образована и красива. Ты, кстати, ей давно нравишься.

— Зато она не нравится мне.

— Тебе никто не нравится. И что теперь?

Тут даже Лео поперхнулся и попытался одернуть свою супругу:

— Дорогая, тебе не кажется, что ты перегибаешь палку? Твоему сыну все же не двадцать лет.

— Вот именно, что не двадцать! Ему тридцать три. Самое время задуматься о семье. С карьерой все равно ничего не вышло. Адмиралом ему все равно не быть, так какой смысл тратить бесценные годы его молодости на работу, которая, уж будем откровенны, никому особо не нужна?

Вот этого Вадим стерпеть не мог. Поэтому без единого слова встал из-за стола и на негнущихся ногах вышел из зала. Сильвия попыталась его окликнуть, но он сделал вид, будто бы не услышал.

Ну почему так происходит? Больше всего нам делают именно те, кого мы любим. И ведь его мать знает, как тяжело он переживал разлуку с крыльями. Да, ему не нравится его работа. Он выть от тоски хочет каждое утро. Каждое чертово утро! Да, на службе перспектив у него почти никаких. Ну, дослужится он до полковника лет за пятнадцать. А дальше? Дальше — все. Потолок. Это при условии, что он продержится в Артене еще пятнадцать лет. Сам Вадим давал себе не больше пяти. Потому что всему есть предел. А потом жизнь его жизнь будет кончена. Или нет? Он не знал. Но вне службы своего существования майор не представлял.

Жена? Дети? Да что может дать им, такой как он? Это со стороны кажется, что Вадим Аверин — отличная партия. Достаточно привлекателен. Достаточно молод. Обеспечен. Да еще и герой. Ах, как идут «Серебряные крылья» к его парадному мундиру. А звание «Жена Героя» слаще меда для тех барышень, что сами из себя ничего не представляют. Вот и цепляются они за того, кого не знают, да и не хотят знать. Не интересно им, что скрывается за чудесным фасадом.

А там черная дыра. Майор иллюзий не строил. Не в его это было характере. Пусть самообманом занимаются слабаки, неспособные взглянуть правде в глаза.

Во-первых, он далеко не так здоров, как может показаться. И держится мужчина на одном только упрямстве и силе воли. Врачи лишь руками разводили, когда он поднялся на ноги. И никто на свете не знал, как это было больно. Да и те приступы, что случаются с ним периодически, кого угодно готовы с ума свести.

Во-вторых, он не раз замечал за собой патологическую тягу к спиртному. Но стать алкоголиком он боялся больше смерти. Так уронить свои честь и достоинство? Офицеру в седьмом поколении? И пусть люди со стальной волей никогда не опускаются до такого состояния, когда другим становится стыдно за их поведение. То, что у него возникает желание напиться до полусмерти, уже о многом говорит. Нормальным людям такого не хочется.

А в-третьих, он просто-напросто не хотел детей. Зачем они ему — одиночке который не видит ни в одной женщине даже намек на родственную душу? Ребенок — это чудо единения двух любящих людей, а не модная игрушка. А ведь многие воспринимают малыша именно, как статусную вещь. Надо иметь, иначе — не комильфо. Можно подумать, Сильвия действительно хочет внуков. Бред!

Ей просто надоело, что приятельницы не упускают случая делано ей посочувствовать. Мол, какая трагедия. Твой сын был таким милым мальчиком. И все! Ни семьи, ни карьеры. Ах, Сиси, нам так тебя жаль. Воспитывать внуков — это счастье, которое не передать словами.

Вот и суетится госпожа Динар, стремясь подсунуть единственному сыну одну из своих молодых знакомых.

Но она не признается, что дело не благополучии Вадима, а в ехидных шепотках. Егс мать никогда не была сильной женщиной и часто врала себе самой. И смертельно обижалась, когда ее «искренние» порывы не ценились близкими.

Именно об этом Вадим думал всю дорогу до академии. И настроения эти мысли ему не повышали. Лишь в душе разгоралось раздражение, которое все сложнее было держать в узде.

Аверин решил проверить, все ли в порядке у его подопечных, а потом уйти к себе и... он не знал, чем займется. Может, почитает, а может прикончит початую бутылку бренди, что ему подарили на день рождения пару месяцев назад.

Но едва он зашел в свой кабинет, на пороге возник Майк спросил, улыбнувшись:

— Как дела?

— Как обычно. Жить буду.

— Сильвия в своем репертуаре? — скорее констатировал, чем спрашивал он.

— Да.

— Забей.

— Конечно.

— И прекращай киснуть. Кстати, есть предложение.

— Какое?

— Сегодня у наших деток танцы. Пошли? Расслабишься. Да и посмотреть будет на что.

Твои звезды так зажигают, что всей академии жарко.

— Мои звезды? Ты о чем?

— Нет, ничего я тебе не скажу. Сам все увидишь.

— Ладно. Но хоть намекни.

— Угадай. Кто твои звезды?

— Вирэн, Риз, Андерс?

— Почти в яблочко. Риз, Вирэн и Андерс. Все же заводила у этой компании Джейсон.

— А я думал Диана.

— Нет. У нее другая роль. Она — буфер.

— Как это?

— Просто. Девушка сглаживает противоречия между Андерсом и Ризом. Парни слишком разные. Им было бы тяжело подружиться, если бы не нашелся кто-то третий. Кто-то о ком они оба заботятся. Странно, что ты этого до сих пор не понял. Все-таки они твои ученики.

Когда они с Майком вошли в зал, там играла тихая музыка. Курсанты, разбившись на группы просто общались между собой. Танцевать никто даже и не думал.

— Что-то тут невесело, — усмехнулся Вадим, усаживаясь за офицерский стол

— Так младшеньких еще не было, — меланхолично отозвался его сосед Антон Веров. — Ждем.

— Не понял. Чего ждете?

— Да, троицу твою.

— А Каро уже здесь? — поинтересовался Майк.

— Да. Она у дверей стоит. Вы же только что мимо нее прошли. Неужели не заметил свою Валькирию.

— Не заметил. Но это и не удивительно. Там столько детишек толпится. Но если она на месте, значит и троица скоро подтянется.

— Майк, — шепотом обратился Вадим к приятелю. — А причем здесь твоя старшина? Вы же о Каролине Дрейк говорили?

— Да.

— Ну, так причем здесь Каро?

— Аверин, ты что же, не знаешь? — недоверчиво спросил Веров.

— О чем?

— О том, как твои воспитанники развлекаются, и почему они это делают.

— А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее.

— Нет, я поверить не могу! Так ты действительно не в курсе?

— Нет, не в курсе. И не мог бы ты или ничего не говорить, или рассказать все четко и ясно. А потешаться на мой счет не надо.

— Ладно, прости, — немного опешил от этой вспышки коллеги Веров. — Началось все с вечеринки в честь приема новичков. Ну, ты понимаешь, о чем я. Они зажгли. Все восхитились, но особого значения этому не придали. Вот только, эта парочка пришла и на субботние танцы. Согласись, инцидент из ряда вон выходящий. Обычно первокурсники первый месяц едва способны до постели добраться. И танцевать — это последнее, чего они хотят. Особенно после учебной тревоги и «малого ада» А эти мало того, что пришли, так еще и за пояс заткнули всех присутствующих. Причем, сделали это на спор. Представляешь, Риз запал на Каролину.

— И что?

— А то, — ухмыльнулся Майкл. — Что Каро его послала. Далеко. Четыре раза. Но это не помогло. Слишком уж твой подопечный упертый. Не отставал от нее, пока она не согласится на свидание. Моя старшина и согласилась. С оговоркой. Сказала: «Если удивишь меня сегодня вечером». Они и удивил. Причем, не только Каролину. В шоке была половина академии.

— Я тоже в шоке. Мне казалось, что они встречаются.

— Кто?

— Риз и Вирэн. Они же всегда вместе. И если мне не изменяет память, еще на экзаменах за ручки держались.

— Да они и сейчас держатся. Но это не мешает Джейсону добиваться благосклонности Каро.

— И ему это спустили? Что какой-то новичок пристаёт к старшине третьего курса?

— Спустили, — усмехнулся Майк. — Нет, если бы это была не Каролина Дрейк, которая за все время своего обучения здесь ни с кем не сходила на свидание, все для твоего подопечного могло кончиться плохо. Но моя старшина, ты представляешь, от всех своих поклонников отделялось одним-единственным способом. Объявляла, что до свадьбы ничего им не обломиться. А на тех же, кто жениться на ней не желает, она тратить свое драгоценное время не намерена. Жениться, сам же понимаешь, в столь юном возрасте никто из парней не желал. А Риз всем, кто пытался на него, так сказать, наехать, вежливо объяснял, что у него, дескать, благородные намерения. То есть, он не просто так к девушке липнет, а готов хоть прямо сейчас предложение сделать.

— Так что получается? Он в своем праве?

— Да.

— Ладно, с этим разобрались. А с остальными что?

— Малышку Дану все обожают. Причем, вот что интересно. Она со всеми, кто успевает ее пригласить, танцует. Улыбается. Разговаривает. Но не флиртует. А, значит, и не выделяет никого. Кроме своих приятелей. Но они не в счет. Андерс же ведет себя тихо. Не нарывается. Если и танцует, то с Вирэн. Правда, иногда может Снежную пригласить. Но так как они однокурсники, это считается в порядке вещей.

Вдруг настроение в зале поменялось. От спокойствия и скуки, которыми еще минуту назад дышало все вокруг, не осталось и следа. Сначала курсанты зашептались и загудели, а потом принялись громко скандировать:

— Танцы! Танцы! Танцы! Танцы!

— Чего это они?

— Танцевальный поединок. Спорить готов, это опять твои звезды затеяли.

— Что затеяли?

— Сам поймешь. Смотри. Сейчас ведущий нарисует и все всем объяснит.

И действительно. Через пару минут на середину зала выскочил рыженький паренек со второго курса и объявил:

— Дамы и господа, рад вас приветствовать! Надеюсь вы меня помните? Я — Марко.

— Привет, Марко, — взревела толпа.

— А теперь позвольте вам представить. Наш диджей на сегодня — Ярослав Пехов. Поприветствуем его.

Зал взорвался овациями.

— А теперь наши участники. Диана Вирэн и Джейсон Риз.

Курсанты снова захлопали в ладоши. А несколько парней даже засвистело. Вадим поморщился. А Марко между тем продолжил:

— В прошлую субботу мы выяснили, что эту парочку не может перетанцевать никто в академии. Но лично мне не дает покоя один вопрос. Вам, наверное, тоже. Кто из них достоин носить звание лучшего из лучших? Но, возможно кто-то из вас желает взять реванш за проигрыш?

Желающих нашлось двое. Оба парни с пятого курса. Они резво выскочили в круг и стали между Дианой и Джейсоном. Курсанты поприветствовали добровольцев радостным ревом.

— И раз участники определены, время огласить правила. Наши претенденты должны

танцевать. Но не все так просто. Они не должны останавливаться, иначе будут дисквалифицированы. Однако их партнеры будут меняться каждые три минуты по сигналу диджея. Поэтому становитесь в очереди, дамы и господа. И поддержите наших конкурсантов.

Вадим скривился.

— Ты чего? — спросил Майк, наклоняясь к его уху.

— Я не понимаю, что там делает Вирэн. У нее нет ни малейшего шанса. Тут все решает выносливость, а не техника.

— Ну, я бы не сказал, что шансов у нее нет. Она может продержаться дольше, чем эти качки или ее приятель. Ты карту ее физических возможностей видел? Советую запросить из мед. отдела. Так... для сведения. Но она сегодня сольет победу. Спорить готов, что выйдет из игры второй.

— Почему ты так думаешь? Гордость не позволит сдать первой. А здравый смысл не даст совершить такую глупость, как победа старшекурсников. Старшие такого ей не простят.

— Но, если я правильно понял, она и Риз победили в прошлую субботу. И победу эту все восприняли вполне благосклонно.

— Они победили. Вадим, они! Не мелкая девчонка-первокурсница, а двое друзей.

— Риз, значит, отступит либо первым, либо третьим?

— Или победит. Шансы у него неплохие. Тут сложно предугадать. Перед ним не стоит такой проблемы, как оскорбленные старшекурсники.

— Почему?

— Из-за тебя.

— А я-то тут причем?

— Ты взял его личным учеником. А это — очень высокая оценка его способностей. Все понимают, что Риз занимается боевыми искусствами, если не всю жизнь, то очень долго. И многие спишут его победу просто-напросто на то, что он в несколько лучшей форме, чем те двое. Ладно, чего гадать?

Вадим кивнул. Действительно. Смысла в их измышлениях не было никакого. К тому же уже заиграла музыка и пары весело закружились на импровизированной сцене. Вирэн танцевала с Реем Андерсом. А навстречу Ризу вытолкнули вяло упирающуюся Каролину Дрейк. Это, кажется, близнецы Снежные решили оказать маленькую услугу своему однокурснику. Риз подхватил свою партнершу, сияя, как бортовой прожектор.

Затеянное ребятами состязание неожиданно захватило всех присутствующих в этом зале, включая и самого майора. Уже через десять минут он азартно болел за своих. И даже немного расстроился, когда его старшина вышла из игры.

Кстати, предсказание Майкла полностью сбылось. Сначала сдался рослый пятикурсник. За ним последовала Диана. Противостояние двух оставшихся на танцполе ознаменовалось безоговорочной победой Джейсона Риза.

Но самое интересное произошло потом. И Вадим вдруг немного по-другому взглянул на своих подопечных. К счастливому обладателю звания «лучшего из лучших» подскочили Вирэн с Андерсом. После чего утащили того в уголок и принялись в четыре руки растирать затекшие мышцы. После чего Диана отобрала у приятеля стакан сока, который тот успел схватить со стола. Погрозила ему пальцем и покачала головой в ответ на какую-то фразу Джейсона.

Но долго прятаться им не дали. Нужно было принимать приз, который снова

организовали деятельные Снежные. Им оказалась крайне недовольная, но смиренно играющая свою роль Каролина. Видимо отказаться ей было неудобно. Все же ничего ужасного от нее не требовалось.

Джейс только услышав, что может потанцевать объектом своего обожания, подорвался и побежал к девушке, пока та не передумала.

А майор сделал глупость. Он и сам не понимал, что его заставило. Но и отступить у него не было никаких сил. Когда прозвучали первые аккорды стремительного головокружительного, но такого целомудренного Андорского вальса, Вадим решительным шагом направился к Диане Вирэн.

И вот сейчас, когда она стоит всего в шаге от него, Вадим вдруг осознал, отчего его так потянуло к этой девочке. Он просто захотел посмотреть ей в глаза, увидеть настоящие эмоции. Пусть это будут злость или раздражение, смущение или страх. Неважно.

Она ведь устала и вряд ли найдет в себе силы играть. Нет, это не было так уж заметно. Его старшина не спотыкалась. Ее движения не утратили легкости или точности. Просто девчонка перестала держать свою маску нейтральной благожелательности. Именно сейчас посмотрев в ее глаза можно было увидеть настоящую Диану Вирэн.

И эта идея настолько завладела его сознанием, что он просто не смог сопротивляться ей. Так она была соблазнительна. В конце концов, ничего предосудительного он не делал. Майк не раз и не два танцевал со своими подопечными. Да и остальные офицеры могли себе позволить пригласить кого-нибудь из курсантов. К тому же это даже не страстное танго, а скромный вальс. За рамки он выходить не планирует. Просто потанцует и все.

Вадим улыбнулся в предвкушении, а затем грациозно поклонился, протягивая девушке свою руку.

— Мисс Вирен, не окажете мне честь?

И впервые за все это время в ее голубых глазах мелькнуло недоумение. Но лишь на мгновение. Оно тотчас же было скрыто за опущенными ресницами.

— Конечно, сэр.

Ответный реверанс и ее маленькая ладошка легла в его руку. А через мгновение эта удивительно-красивая пара чинно вышла на середину зала, чтобы закружиться в танце. Они невероятно контрастировали друг с другом. Его мужественность и зрелость было противопоставлено ее юности и нежной красоте. Любой, кто видел их вместе, был очарован. Десятки взглядов вдруг скрестились на них. Даже Джейсон и Каролина были забыты. Но ни Диана, ни Вадим этого не заметили.

В глубине души майор, решившийся на этот сумасбродный поступок, ожидал увидеть ее слабость. Сжатые в тонкую линию губы. Осунувшееся от усталости лицо. А может трясущиеся колени и сбившееся дыхание. Он предвкушал, как прочтает в ее глазах немую мольбу остановиться или хотя бы сбавить темп. Что-нибудь, что оттолкнет его от этой пигалицы.

Вот только ничего этого не было. На ее лице снова застыла маска очаровательной непринужденности. Именно так улыбаются на светских приемах юные барышни, чтобы казаться прелестными. Немного застенчиво. Немного лукаво. Заученно-фальшиво. И он решил завести разговор. Вот только и он шел не совсем так, как ему бы хотелось.

— Вы любите танцевать?

— Да.

— И неужели не устаете?

— Устаю.

— Тогда зачем вам это?

— Я научилась танцевать раньше, чем читать. Не могу без этого.

— Значит, просто привычка?

— Возможно. В любом случае, удовольствие, которое я получаю от танца, сильнее всех неудобств.

Неловкая пауза. А потом слова, которых Вадим и сам от себя не ожидал:

— Вы не хотите ничего спросить у меня? Хотя бы для поддержания светской беседы.

— И вы ответите?

— Может быть.

— Тогда, почему вы меня пригласили?

— Мне захотелось.

— И все же?

— Не знаю, — очаровательно улыбнулся мужчина. — Скорее всего это было сиюминутным порывом. Теперь моя очередь. Вам нравится танцевать со мной?

— Да. С вами удивительно легко... танцевать.

И эту секундную заминку можно было трактовать по-разному. И как: «С вами удивительно легко. Вообще». И как: «Танцуете вы, конечно неплохо, но человек вы сложный». И как: «Вы меня окончательно смутили». Третье было наиболее вероятно. Все же для первого она была недостаточно раскована. Подразумевать нечто подобное могла та же Вера Скольник, но никак не Диана Вирэн. Для второго недостаточно храброй. Слишком робеет в его присутствии.

Но все равно ему вдруг захотелось улыбнуться в ответ на странный комплимент девушки, которая всю свою жизнь провела в другом мире.

Это, наверное, какой-то закон природы. Вопреки всем доводам разума нас больше всего притягивают именно те, кто на нас не похож. Или нет... не так. Нас притягивают люди похожие на нас лишь чуть-чуть — какой-то неуловимой черточкой. Ведь те, у кого нет ничего общего никогда не смогут найти первую, а от того и самую важную точку соприкосновения, не захотят даже посмотреть друг другу в глаза.

Вадим неожиданно для себя понял, что получает удовольствие от танца. И от того, как легко вести ее, и от того, что не стоит беспокоиться о том, что партнерша оттопчет ему все ноги. Наверное, поэтому он и попросил:

— Расскажите мне что-нибудь.

Девушка бросила на него несчастный взгляд, в котором отражался немой вопрос: «Вы издеваетесь?» — но спросила она о другом:

— Отчего вы так стремитесь меня разговорить?

— Возможно, я попал под очарование Андорского вальса?

— Разве такое может быть?

— А разве нет?

— Ах, ну раз так, — Диана с наигранным кокетством и легкой долей злорадства, которое и не подумала скрыть, попросила. — Тогда выполните маленький каприз дамы.

— Какой?

— Я хочу кружиться быстрее. Так быстро, как вы сможете.

На этом их беседа была закончена. Вадим просто не мог говорить. И тратил все свои силы на то, чтобы не сбиться с ритма. Но не восхититься тем, как изящно его заткнула, он не мог. А когда музыка затихла, он заглянул ей в глаза и как бы невзначай поинтересовался:

— Почему вы попросили меня об этом?

— О чем?

— Кружиться быстрее.

— Возможно, я попала под очарование Андорского вальса, — дерзко улыбнулась она, но щеки ее опалило жаром, а в глазах читалась некоторая растерянность.

И не заметить этого было невозможно. Вадим усмехнулся, а про себя подумал: «Хорошая попытка, девочка. Вот только не доросла ты еще до того, чтобы флиртовать с тем, кто старше и опытней тебя. Особенно если флирт — не каприз глупого сердечка, а попытка скрыть собственную неопытность».

— А кто лучше я или Риз или Андерс? — уже и, не зная, зачем, спросил он. Наверное просто чтобы немного ее подразнить. И ждал он такого же шуточного ответа.

А вместо этого девушка, немного подумав, серьезно ответила:

— Танцует? Джейсон. У него редкое чувство ритма. Да и учился он с шести лет. Опыта больше. Но он как дождь или ветер. Непокорный, не приемлет запретов и условностей. Сама жизнь для него — вызов. Он отдается тому, чем занят без остатка и требует такого же от тебя. А это иногда сложно. Рей более... осторожный и ответственный. С ним спокойно. Уютно, я бы даже сказала. Он не станет делать рискованные поддержки. Сам никогда не вяжется ни в какую авантюру. Только если с нами за компанию. Да и то, только чтобы подстраховать.

— А я?

— Вы достаточно уверенно меня вели.

— Ризу и Андерсу была дана еще и личностная оценка. А какой, на ваш взгляд я?

— Вы не такой, каким мне показались в день нашего знакомства.

— Да?

Девушка кивнула и смущенно улыбнулась.

— Смелее!

— Не знаю. Живой. Настоящий. Не обезличенный эталон идеального военного. Вы — Человек.

Эти слова маленькой балерины вышибли из него дух не хуже удара в солнечное сплетение. Она опять его удивила.

Вместо того чтобы увидеть ее уставшей, потерянной и жалкой, он понял, что она очаровательная кокетка. Сначала отстраненно-холодная. Затем трогательно-открытая. Но стоило признаться хотя бы самому себе, что флиртовать начал именно он. Вот же идиот!

Вирэн заставила его чувствовать себя глупым юнцом, который пытается понравиться хорошенькой девушке. А ведь он давно отвык от этого, забыл, что так, вообще, бывает. Женщины подходили к нему сами. Строили глазки. Смотрели снизу-вверх и стремились изо всех сил завоевать его расположение. И ведь большая их часть была гораздо красивей этой девчонки. Хотя, следует признать, ни у кого не было такого чистого взгляда и такой милой улыбки. Они знали, чего хотели, и чего хотел от них сам Вадим. Все были довольны и счастливы.

А потом появилась Диана Вирэн и увидела в нем не героя, не должностное лицо, облаченное некоторой властью и даже не достойную партию, а живого человека. Майор уже и не помнил даже, когда в последний раз молоденькие девушки давали себе труд разглядеть за его статусом и социальной ролью личность Вадима Аверина.

Мужчина почувствовал спазм в горле и понял, что держать маску беззаботности он долго не сможет. Показать бушевающие его эмоции, свою слабость этой девочке? Неприемлемо. Невозможно. Поэтому майор с трудом выдавил из себя улыбку и довольно

сухо поблагодарил девушку за танец, и, сославшись на срочное дело спешно покинул зал. А Дана глядя в его удаляющую спину, горько пожалела о своей откровенности.

— Не надо было ему этого говорить, — сказал Рей, положив руку ей на плечо.

— Ты все слышал?

— Да.

— Но я же ничего такого и не сказала. Что его так оскорбило?

— Ничего. Просто ты, наплевав на субординацию и ту пропасть, что составляет разница в возрасте и социальном положении, своими словами коснулась его души. А он не привык он к такому, Мелкая. Думаю, это его несколько... смутило.

— Мне ждать репрессий?

— Я думал, что ты лучшего мнения о нем.

— Да, но...

— Просто сделай вид, будто бы этого разговора не было. А лучше, вообще, о нем забудь. О разговоре, я имею в виду. Хотя, о Аверине тоже можешь забыть.

— Он — наш куратор, осмелюсь тебе напомнить, — усмехнулась девушка. — Забыть о себе он не даст.

— Мелкая, я редко позволяю себе давать советы, о которых меня не просят. И по-хорошему, мне бы не стоило вмешиваться.

— Рей, ну, что ты ходишь вокруг, да около?

— Не нужно тебе с ним сближаться. Майор ведь уже сейчас тебе нравится. Сама не заметишь, как влюбишься. Он ведь старше тебя. И на многие вещи, скорее всего, смотрит по-другому. Я не могу обвинять человека заранее.

— Ты думаешь, что Аверин может...

— Мне бы хотелось верить в его порядочность. Но я был свидетелем одной неприятной истории. У моей Кейт есть сестра. И однажды она влюбилась в мужчину, который был значительно старше. Лора с ума по нему сходила. Все готова была для него сделать. Он предложил ей приятно провести выходные в домике у горного озера. Сама понимаешь, они там не на природу любовались. А когда они вернулись в город, этот подлец поблагодарил ее за чудесно проведенное время и сказал, что сообщит, если захочет еще раз отдохнуть за городом, а ее попросил не писать, и не звонить ему. На вопросы Лоры: «Но, как же так? Разве они теперь не пара?» он ей ответил, что нет. Она же сама этого хотела. Никто ее ни к чему не принуждал. А он ей ничего не обещал.

— Это ужасно.

— Да. И я не хочу, чтобы нечто подобное случилось с тобой. Поэтому будь осмотрительней в выборе душевных привязанностей.

— Постараюсь.

— А теперь давай выловим Джейса и пойдём к нам. Вы оба устали и, как мне кажется, настроения развлекаться нет ни у тебя, ни у него. Фильм какой-нибудь посмотрим. Как тебе идея?

— Мне нравится. Близнецов и Тео звать будем?

— Нет. Они сейчас отрываются на всю катушку. Миха танцует, а Мария с Тео последние минут двадцать не могут друг от друга оторваться.

— Тоже танцуют?

— Целуются, невинное ты создание.

— Я рада. Тео милый, хоть и слишком застенчивый. Он мне нравится.

— Да. Я тоже рад, что у нашего Тео все хорошо.

— О чем секретничаете? — к ним подскочил всклокоченный Джейс.

Вид у него был настолько ошалелый, что Рей не удержался и спросил:

— Что с тобой? Если бы не строжайший запрет в Академии на алкоголь, я бы подумал, что ты пьян.

— Каро согласилась на свидание! На настоящее свидание, а не как в прошлый раз! В следующую субботу!

— Поздравляю.

— Правда, она после этого сказала, что до того знаменательного дня ни видеть меня, ни слышать не хочет. Но важнее же то, что она согласилась?

— Безусловно, важнее. Но раз тебе больше не надо красоваться перед твоей пассией, пошли отсюда?

— И что мы делать будем?

— Отдыхать, готовиться к занятиям. Можно в сеть зайти и посмотреть что-нибудь.

— Это скучно, — капризно протянул Джейс.

— Оставайся здесь, если хочешь. Но мы уходим. Дана очень устала.

— Ладно, уговорил. Я с вами.

Местом совместного обитания на остаток вечера был избран блок парней потому что Мария и Тео тоже устали от шума и решили побыть вдвоем. Но так как одну Диану из комнаты было выставить гораздо проще, нежели троих соседей Тео, девушке ничего не оставалось, кроме как наскоро приняв душ и переодевшись, отправиться к друзьям.

Когда она зашла к ним, Джейсон как раз сушил волосы.

— А где Рей?

— Купается. И, как мне кажется, давно уже отрастил жабры с хвостом. Ибо нормальный человек не может столько времени проводить в воде.

— Я просто люблю быть чистым, — сказал парень, ввалившись в комнату и падая на свою кровать.

Сейчас курсант Андерс представлял собой незаурядное, с точки зрения Дианы, зрелище. Обычно Рей был причесан и аккуратно одет. Максимум свободы, которую он себе позволял — это немного расстегнуть молнию на кителе. Сейчас же он оказался босиком, в форменных брюках и майке-борцовке, которую, обычно, надевают под китель. А коротко стриженные соломенные волосы торчали в разные стороны.

— Черт, — выдохнул Джейсон уставившись на плечо приятеля. — Надеюсь это не то, что я думаю?

Рей дернулся, как от удара, вскочил и принялся торопливо натягивать на себя китель, который он небрежно бросил на стул.

— Зачем он тебе?

— Не твое дело, — буркнул парень отворачиваясь. — Отстань.

— Ребят, вы чего? — подняла на друзей глаза девушка. — Что случилось?

— Ничего! — резко бросил Рей.

— Конечно же, ничего, — саркастично заметил Джейс. — Просто на него кто-то эмоциональный сканер навесил.

— И в чем проблема? — зевнула девушка

— Дана, ты, вообще услышала, что я только что сказал?

— Что на нем эмоциональный сканер. И?.. у тебя какая-то детская психологическая

травмы, связанная с этим гаджетом? Чего ты так возмущаешься?

— Диана, ты серьезно? Это же... ужасно.

— Почему? На мой взгляд, даже забавно. Не было бы так дорого, я бы и себе такую наклейку купила.

— Это не наклейка. Ему этот сканер в кожу вживили!

Девушка перевела взгляд на второго приятеля. Но тот раздраженно хмурился, и прояснить ситуацию не стремился.

— Рей, — позвала она его. — Ну, объясни мне дуре, что происходит? Чего Джейс бесится?

— Не знаю. Это мое дело. Не его.

— А я сам объясню, чего. Такое ни один нормальный человек добровольно на себя не поставит. И вот меня интересует, кто с ним это сделал?

— Зачем? — убито поинтересовался Рей.

— Чтобы прибить эту сволочь по-тихому, а потом сказать, что так и было.

— Да сам я. Сам!

— Рей!

— Ладно, не совсем сам. Но насильно меня в клинику не тянули. Мне тринадцать было. И я подрался. С мальчишками на улице. Да, они меня задирали. Да, напали первыми. Причем, всей сворой. Да, я защищался... сначала. Но потом... сорвался. И чуть их не убил. Сам испугался, когда понял, что натворил. Но тренер... понимаете, мы все слово давали, что не будем использовать в драках то, чему у него научились. Он бы и слова не сказал, если бы я действительно только оборонялся. Отбил их нападение и ушел. Но...

— И что?

— Он меня выставил. Я просил прощения, обещал, что такого не повторится. Клялся, что усвоил урок. Бесполезно. Но потом все же согласился взять меня назад. С условием, что я поставлю ЭСку. И буду носить ее пока не получу четвертый кю. Раз уж не могу контролировать свои эмоции.

— М-да... — протянула девушка. — Ситуация. Ты поэтому борцовки не носишь и всегда надеваешь майки с рукавами? Чтобы плечо закрывать?

— Конечно, — хмыкнул Рэй. — Это же такое убожество. Красный квадрат, белая надпись: «Ярость». Зеленый квадрат, желтая надпись: «Умиротворение». И апофизоз всего этого ужаса. Розовый квадрат, бордовая надпись: «Сексуальное влечение».

Джейс не сдержавшись, прыснул, а Рей тем временем продолжил:

— Вот тебе смешно. А я знаешь сколько раз в идиотское положение попадал? И все из-за чего? Из-за надписей этих. А снять не могу. Потому что чуть-чуть осталось. Не сдаваться же на финишной прямой?! Мне до четвертого кю всего-ничего осталось.

— Стоп, — девушка подскочила и заметалась по комнате. — А ведь это, как раз можно исправить. Нужно только программу твоего сканера взломать. Но не думаю, что это будет так сложно. И будут у тебя только разноцветные квадратики.

— Да, это в какой-то степени решение проблемы, — задумчиво протянул Джейсон. — Но... все равно ужас. Если кто увидит, шепотков и смешков за спиной будет столько, что и представить страшно.

— Я его не сниму! Перетерплю и смешки и остальное. До этого я ведь как-то с этим справлялся. И ничего... живой.

— Так, а у меня идея! Что если сканер не прятать, а выставить на всеобщее обозрение?

Ну, не такой, конечно, а после того, как я над ним поколдую. Представить это, как твой каприз. Ребят, маленькие странности аутсайдеров — повод для насмешек. Странности лидеров — повод для зависти. Этим они выделяются из толпы. И над ними никто не думает смеяться. Им завидуют. Им подражают. Тут главное, как мы это представим. Мне только надо в сети покопаться и программу нужную скачать. Но если мы с Дэном его дешевенькую наклейку взломали, так, что она целых полтора месяца имитировала ЭСку которая стоила в пять раз дороже. Потом, правда, она глючить начала и ее пришлось выбросить. Но тут ведь совсем другая ситуация. Вряд ли она сломается.

— А если у тебя не получится? — хмуро спросил Рей.

— Получится. На самом деле это не так уж и сложно. Но если я потерплю фиаско, попросим Тео нам помочь. Уж он-то с ЭСкой точно сладит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Через полтора часа парни как зачарованные смотрели на обновленный эмоциональный сканер. А с плеча Рея на них с восторженным любопытством глядел маленький беловолосый чертенок чем-то неуловимо похожий на хозяина.

— Круто, — выдали они одновременно.

Чертенок улыбнулся и помахал им ручкой. Потом резко остановился и вытащив откуда-то воздушный шарик в виде сердечка, улыбнулся.

— Эм... Дана, это же не совсем то, что я чувствую! — осторожно начал парень.

Чертенок нахмурился и погрозил кому-то пальцем.

— Угу, — кивнула Диана. — Я сделала его на немного эмоциональнее тебя, добавив к этому некоторую задержку эмоциональной реакции. Также он не отражает вспышки эмоций, которые длятся менее семи секунд.

— Зачем ты это сделала?

— А ты хочешь, чтобы все могли читать тебя, как открытую книгу? Извини, но это неразумно.

— Но тогда... я с таким же успехом мог бы, и снять сканер.

— Нет. Рей, он отражает твои эмоции. Только немного искажая их. То есть это мы будем знать, что немного. А остальные быстро сообразят, что так сильно полагаться на чертенка все же не стоит. Можешь не благодарить.

— И не собирался.

— Тебе просто нужно время, чтобы осознать счастье на тебя свалившееся.

Вадим никак не мог успокоиться. Не помогало ничего. Ни бокал бренди. Ни прогулка по ночному городу. Было уже два часа ночи, а он все никак не мог выбросить из головы эту девчонку и ее слова, которые отчего-то так больно резанули его по сердцу. А потом... майор и сам не понял, как его пальцы набрали на коммуникаторе номер двоюродного брата. Станислав ответил почти мгновенно.

— Привет.

— Привет. Прости, что звоню так поздно...

— Ты опять забыл о разнице в часовых поясах. У нас сейчас только десять вечера. Что случилось?

— Нет, ничего.

— Ты что-то от меня хочешь?

— А я разве не могу позвонить просто так?

— Можешь. Но делаешь это, как правило, в менее взвинченном состоянии. А теперь я повторю вопрос. Что случилось?

— Ничего. Правда. Просто мне нужна твоя помощь. Ты можешь поискать информацию об одном человеке.

— Что тебя интересует?

— Все, что сможешь накопать. Я же знаю, в ваших архивах столько всего хранится. Просто если ты не репортер, тебе и соваться туда не стоит. Все равно ничего не найдешь.

— Да не проблема. Поищу. Сбрось данные по интересующему тебя лицу и подожди. Но если у вас поздно, иди спать. Я позвоню тебе завтра и расскажу все, что смог откопать.

— Не хочу спать. Позвони сразу, как что-нибудь найдешь. Ладно?

— Хорошо.

— Спасибо.

— Пока еще не за что. До связи.

Время тянулось медленно. И Вадим не раз уж пожалел, что вообще позвонил Стасу. Ведь ничего действительно интересного он откопать не сможет. Максимум пару детских выступлений. Ведь Диана всю свою сознательную жизнь провела в закрытой школе. О единственном происшествии с ее участием он и так в курсе. Так зачем он это затеял?

Звонок прозвучал неожиданно и через минуту он услышал голос брата:

— Еще раз привет. Не разбудил?

— Нет.

— Это хорошо.

— Тебе есть чем меня порадовать?

— На счет «порадовать» — не знаю. Но кое-что у меня на нее есть. Андорский театр мы же опустим? О фактах ты должен быть осведомлен лучше меня. А домыслы всяких идиотов...

— Пусть остаются на их совести.

— Эх, Вадим, неужели ты до сих пор не понял, что ни чести, ни совести, ни даже

здорового смысла ты у этих падалыщиков не найдешь? Но да черт с ними со всеми. Ты мне вот, что скажи. У тебя к девчонке... личный интерес?

— Прости... я не совсем тебя понимаю.

— Она просто твоя ученица или ты в ней лично заинтересован?

— А это имеет значение?

— Да. Если она может стать членом моей семьи, я забуду о том, что нашел и слова не пророню о ее местонахождении. Если же Диана Вирэн просто твой курсант, извини брат, ее ищут.

— Знаю я, кто ее ищет.

— Это вряд ли. То есть ее разыскивают многие. Но ты же не думаешь, что я могу сдать девушку тем, кто хочет ей навредить?

— И кому же ты хочешь сообщить о ней?

— Ты все равно их не знаешь. Но если так хочешь... Рудольф Карден, Антонио Верко, Пьер Норан, Изабелла Горская. Это самые активные. Выступают единым фронтом. Но есть и другие.

— А кто эти?

— Все за исключением Горской выпускники Танийской Академии. Изабелла — оперная певица.

— Танийцы — понятно. А этой Горской она зачем?

— Дед Изабеллы был одним из учителей Вирэн. Но из-за произошедшей трагедии, а точнее из-за того, что администрация решила выбросить на улицу единственного выжившего ребенка, только бы их не затронула и тень скандала, у старика случился сердечный приступ. А перед этим ему попытались подсунуть на подпись заключение в котором говорилось, что Диана Вирэн не имеет достаточных данных для дальнейшего обучения и неоднократно нарушала учебную дисциплину. Это-то его и добило. Он умер через четыре дня. Но пока был жив, успел пообщаться с внучкой и несколькими своими учениками. Ты даже не представляешь, сколько людей теперь готовы линчевать и директора той академии, и всю ее администрацию. За сорок восемь лет преподавания Горский выучил столько артистов балета, что и подумать страшно. А это ведь не какая-то заштатная школа. Это Танийская Академия Классического Балета — лучшее учебное заведение, где девяносто пять процентов выпускников уже через полгода становятся солистами.

— А остальные пять?

— Их сразу приглашают танцевать ведущие партии. Ну, так что? Девчонка просто твоя подопечная или нечто большее?

— Нечто большее. Но ей семнадцать лет.

— Через несколько месяцев будет восемнадцать. Так что ничего предосудительного я в твоём интересе к ней не вижу. И уж раз она тебе нужна, дам совет. Не позволяй ей бросить Артен еще как минимум год. Пусть все успокоится немного. Сейчас ее неминуемо сделают оружием против Танийской Академии. Точнее, против администрации академии. Потом нужно будет осторожно связаться с Рудольфом Карденом. Он поможет ей устроиться. Точнее, Рудольф хоть сейчас готов взять ее в свою труппу. Он направил на нее запрос о распределении, когда та еще подростком была.

— Это все?

— Нет. Хочешь узнать, что еще мне стало о ней известно? Ладно, смотри. Это традиционная рождественская постановка «Щелкунчика» Нового Мариинского Театра.

Поклоны. Труппа выходит уже третий раз. Вот сейчас. На сцену выбегает молодой человек, который держит за руки двух девушек. Это, кстати, Антонио Верко. Маленькая в розовом платье — твоя Диана. Ей сейчас одиннадцать. Кто другая — не помню.

— Почему она такая грустная? Такое ощущение, что еще чуть-чуть и расплачется.

— Там какая-то не очень хорошая история была. Танийцы ежегодно ставят «Щелкунчика». Три дня. Шесть спектаклей. Обычно роль маленькой Мари играют две девочки по очереди. Одна утром, другая — вечером. Но вторая исполнительница, тоже, кстати, Диана, заболела, за день до постановки, подхватив где-то кишечную инфекцию. Как итог Вирэн пришлось отдуваться за двоих. Она справилась, но на последнем спектакле у нее сдали нервы. Маленькая Мари проснувшись, и поняв, что и принц и сказочный мир ей попросту приснились, должна обнять куклу-Щелкунчика и улыбнуться.

— А она?

— Обняла его на пол и расплакалась. Но критики были в восторге. Решили, что необычная концовка — это подарок к окончанию Рождественских гастролей Танийской Академии и дань памяти какой-то так балерине, скончавшейся в этом году. Вроде как именно так двадцать лет назад оканчивалась одна единственная постановка, где ей довелось играть Мари. На их взгляд это символизировало... кажется, разочарования в том, что мечта так и не стала реальностью. Кстати, если захочешь, можешь посмотреть. Файл с записью спектакля я уже сбросил тебе на почту.

— Спасибо. Что еще ты нарыл?

— Смотри. Это если вдруг у тебя возник вопрос, насколько серьезно настроен Верко.

Темноволосый парень лет девятнадцати сидел на корточках возле девочки-подростка, которую он держал за руку. Девочка плакала, а молодой человек ласково ей говорил:

— Ну, маленькая, ну успокойся. Все уже закончилось. Ну, хочешь я тебе целое ведерко мороженого куплю? Шоколадного.

— Нам нельзя мороженное. Зима же. Холодно. Горло заболит.

— Тогда целый поднос пирожных.

— Нельзя. Я стану толстой и меня выгонят из академии. Но меня и так выгонят. Я все испортила. Слышал, как мадам Орлова ругалась? Она так кричала!

— Не выгонят. Ты сегодня танцевала лучше всех.

— Даже лучше Эльзы и тебя? — девочка удивленно посмотрела на старшего товарища.

— Несомненно! А если мадам еще раз на тебя голос повысит, сам с ней поговорю. Не бойся. Ладно?

— Но ты же скоро уйдешь из академии.

— Не скоро. Мне учиться еще полгода. Но и потом я буду за тобой присматривать. А когда вырастишь, мы с тобой «Спящую красавицу» станцуем. Станешь моей Авророй?

— Нет, — вдруг абсолютно спокойно ответила она.

— Почему?

— Ты — Синяя птица, а не принц Дезире. Значит, я буду принцессой Флориной, а не Авророй.

На этом запись обрывалась.

— Кстати, девчонка как в воду глядела, — усмехнулся Стас. — В «Спящей красавице» виртуоз Антонио Верко неизменно получает роль той самой Синей птицы. Но это лирика. Главное, он все эти годы следил за успехами Вирэн. Запрашивал видео-отчеты о всех просмотрах Танийской Академии. Но ходит еще одна сплетня про него и Диану. Информация

неподтвержденная, но...

— Да те томи ты!

— Говорят, она спасла ему жизнь. Случайно. Везет ей на такие случайности, право слово. Верко с парой приятелей протащили на рождественский прием в мэрии и твою Диану. Хотя младшие дети на него никогда не допускались. Но солисты устроили небольшой скандал, сказав, что, либо они идут все вместе, либо идет куда подальше мэр со своим приемом. Вроде как, Вирэн не меньше их заслужила право там находиться. Горский, который также сопровождал группу, своих учеников поддержал. Мол, девочка работала наравне со старшими ребятами. Так что ее грех не отпустить немного развеяться. Юные актеры прибыли к назначенному времени. Выслушали поздравления и благодарности мэра. Сфотографировались. После чего ребят предоставили самим себе. А они с утра ничего не ели. Сам понимаешь, первое, что сделала эта компания, набросилась на канапе и сладости. Но на столе, выделенном для танийцев, еды было прискорбно мало.

И кто-то из них, явно не обремененный излишней скромностью решил, что за соседним столом не должны сильно обидеться, если у них позаимствуют пару подносов с закусками. Как потом выяснилось в клубничные пирожные (любимый десерт мэра) было добавлено некое вещество. Оно через три часа после его попадания в организм, оно вызывало резкий отек дыхательных путей. Причем большую часть этих пирожных прикончили как раз Верко и Вирэн. Несколько человек, правда, съели по паре штучек. Но большая часть танийцев их даже попробовать не успели.

— И что было дальше?

— Невероятная удача. Диане, которая на голодный желудок съела десяток жирных пирожных, стало плохо уже через полтора часа. У нее были все признаки отравления. Старшие ребята, увидев состояние девочки, испугались. Ели ведь они одно и то же. Начали активно искать симптомы отравления и у себя. Как это ни странно, нашли. И дружно помчались в медблок. Экспресс-диагностика выявила в крови нескольких то самое вещество, которым хотели попотчевать мэра. Врачи срочно предприняли меры. Никто из детей не пострадал.

— Понятно. Но это же не все, что ты нашел?

— Не все. Есть еще с десяток записей ее выступлений. В том числе и последнее. Первый акт. Дальше... сам понимаешь, какие кадры. Несколько коротеньких интервью, общий смысл которых сводится к фразе: «Лучше нашей академии учебных заведений нет». Далее нашлось интервью заведующей медицинским блоком Танийской Академии. Вирэн там случайно засветилась. Но эпизод сам по себе интересный. Хотя бы тем, что заведующая, как оказалось, пятнадцать лет прослужила при кадетском училище и нрав имела весьма крутой.

— А вот здесь у нас измеряют и взвешивают учеников, — вещала грузная дама лет пятидесяти в белом халате и белой же медицинской шапочке. — И сейчас мы можем наблюдать группу... Что здесь происходит? Лукреция, почему мы наблюдаем здесь истерику, а не рабочий процесс?

Камера тотчас же выхватила из толпы плачущую девочку лет тринадцати, которая была на голову ниже своих одноклассниц.

— Не знаю, доктор.

— А почему ты не знаешь? — дама тотчас же напустилась на свою подчиненную. — У тебя ЧП на территории ответственности! Узнать! Дать успокоительное! Отчитаться! Быстро исполнять!

Но выполнить указание непосредственного начальства у девушки не получилось. То есть выполнить в полной мере и быстро. Ни уговорить, ни заставить плачущую ученицу выпить таблетку она не смогла. Но для того, чтобы впрыснуть препарат пистолетом согласие пациента не требуется. Однако ничего пояснить по поводу «ЧП на территории ответственности» она так и не смогла. Лишь глупо хлопала глазками. Доктор посмотрела на эту картину и перевела взгляд на учениц. Вперед выступила светловолосая девочка, и явно смущаясь, пробормотала:

— Младшая медицинская сестра Мнишек сказала Дане, когда мы взвешивались в прошлый раз, что она низкая и толстая, а это плохо. А сегодня оказалось, что Дана набрала еще почти килограмм. Потому что она отправила отчет о состоянии Вирэн директору. И теперь ее исключат.

— Ее теперь уволят! — грозно припечатала доктор, а после напустилась на свою ассистентку. — Дура! Ты чем думала, когда такое говорила? И кому ты это сказала? Самой упертой девчонке в академии, на все готовой, чтобы только иметь возможность учиться. Без году неделя здесь, а уже решила, что право имеешь судьбы вершить. Нет бы, в личный файл ребенка заглянуть. Динамику развития посмотреть. У Вирэн ярко-выраженный скачкообразный рост. Она за две-три недели может на двенадцать сантиметров вырасти. А перед этим набирает вес.

— Ну, это же не нормально.

— А нормально ноги выше головы задирать, да на пальцах танцевать? Или восьмичасовые занятия на пределе возможностей — это нормально? Да тут у каждой второй сбой в менструальном цикле и задержка психофизического развития.

— И все равно...

— Эх, что я с тобой разговариваю? — устало вздохнул доктор. — Объясняю ей, время свое трачу! Она же нос задрала, слушать не желает. Вот так и бывает. Наберут по знакомству бестолочей вместо нормальных специалистов. А мне с ними мучайся. Ну, ничего. И не из таких людей делали. Так что готовься, Лукреция. Или заявление об увольнении пиши. Как хочешь. Теперь ты, Вирэн. Иди сюда.

Девочка, которая успела уже немного успокоиться, послушно шагнула к доктору.

— Дана, вытри слезы. Все хорошо. Не волнуйся. Тебя никто не собирается исключать. А директору я сама объясню, что это просто недоразумение. А ты сейчас пойдешь в столовую с остальными девочками и хорошо пообедаешь. Договорились?

— Нет, — всхлипнула Диана. — Я теперь не буду ничего есть, пока не похудею.

— Боже, дай этому ребенку немного здравого смысла, убавив категоричности. Дана, тебе нужно нормально питаться. Ты сама похудеешь. Когда расти начнешь.

— А если не начну расти?

— Начнешь. Причем уже скоро. Я твои анализы недавно смотрела.

— Правда?

— Правда. И только попробуй меня ослушаться! Положу в лазарет и поставлю запрет на посещение занятий.

— Даже классики?

— Даже математики и литературы. Вообще к занятиям не допущу. Будешь усиленно питаться под моим неусыпным надзором.

Диана воззрилась на доктора так, будто бы у той выросла вторая голова, которая начала изрыгать пламя. То есть с явным ужасом, но в котором был и отголосок восхищения.

— Нет, я лучше буду сама обедать.

— Действительно интересный эпизод, — согласился Вадим, когда Стас выключил эту запись. — Но есть еще кое-что? Я правильно понимаю?

— Да этот файл я изъясил из общего архива и стер даже информацию о том, что он вообще существовал. Что, собственно, было не совсем законно. Но да черт с ним. Надеюсь только, копий больше нет, и до твоей подопечной ничего из того, что ты увидишь, не дойдет. Такое о себе узнать, я и врагу не пожелал бы. А уж девчонке семнадцати лет, которой и так от жизни досталось... Но смотри сам. Это интервью другого доктора — заведующего отделения реаниматологии центра «Акушерства и гинекологии имени Лидии Норт». Я тебе только кусочек покажу. Только не нервничай. Ладно?

— Да что ты со мной, как с больным обращаешься?! Я вполне здоров и оберегать меня от нервных потрясений не надо. Что бы там ни было, переживу.

— Не обижайся, Вадим, но я не уверен в том, что ты действительно здоров. Но не мне решать за тебя. Просто... то, что ты услышишь, лично меня повергло меня в настоящий шок. Захотелось напиться до чертиков, лишь бы не думать об этом.

— Да что там?

— Анатолий Вирэн рассказывает историю Дианы.

— Вирэн?

— Да. Этот человек хотел ее удочерить. Но попал в автокатастрофу незадолго до того, как были оформлены документы. Но социальные службы все же согласились оставить ей имя, которое он ей хотел дать. И избегая дальнейших вопросов. Ему было тридцать шесть лет. Сирота. Вырос в приюте. Родственников не имел. Женат не был.

— Скажите, Анатолий, а были ли в вашей практике случаи, которые в народе зовут чудесами? — спросил молодой светловолосый журналист у высокого поджарого мужчины в белом халате.

— Да. Конечно, — мягко улыбнулся кареглазый врач. — Хотите, я вам такое чудо даже покажу?

— Буду рад посмотреть.

— Тогда нам сюда. В отделение педиатрии. Заходите. Вот сюда. И смотрите, — Анатолий указал на пластиковую кровать, где, свернувшись калачиком спал ребенок. — Красавица, правда?

Красавицей репортеру она, видимо, не показалась. Если взять во внимание его брезгливую гримасу, которую врач, поглощенный своей маленькой подопечной, даже не заметил. Но журналист быстро взял себя в руки и продолжил тоном, в котором слышалась живейшая заинтересованность:

— У этой девочки, наверное, очень интересная история?

— Да. И спорить готов, большое будущее. Иначе и быть не может.

— Почему?

— Упорная она. Вы знаете, что такое синдром Бринлера? Генетическое заболевание. Несовместимое с жизнью. Ни один из детей, пораженных им не прожил и полугодика. Да и этот срок обеспечивали искусственно. А так... без немедленного медицинского вмешательства срок их жизни не дотягивает и до получаса. Нашей пациентке на тридцатой неделе беременности диагностировали у ее будущего ребенка именно этот синдром. Предупредили, что надежды нет. И она воспользовалась своим правом избавиться от

нежизнеспособного плода. Были вызваны искусственные роды. Родилась девочка весом в два килограмма сто грамм. Родители отказались поддерживать жизнь ребенка.

— Почему?

— Ну, при синдроме Бринлера это все равно бессмысленно. Вылечить еще никого не удавалось. А за работу медбокс, надо платить. Страховка, как правило, не предусматривает патологическое развитие плода, несовместимое с жизнью.

— Они не могли себе позволить потратить такую сумму?

Доктор Вирэн зло усмехнулся, давая понять, что могли. Просто не захотели даже попытаться спасти их ребенка. Но чего еще можно ждать от тех, кто счел за благо избавиться от малыша за месяц до срока предполагаемых родов?

— Операция прошла нормально. Ничего необычного зафиксировано не было. Странности начались немного позже. Ребенок заплакал. Громко. И плакал долго. Это говорило хотя бы о том, что легкие развиты неплохо. Да и силы на такие вокальные упражнения у девочки с синдромом Бринлера быть не должно. Мы провели дополнительную диагностику. Но диагноз подтвердился. И по инструкции малышку поместили в медбокс, где она... должна была умереть.

Анатоль сделал судорожный вдох и резко отвернулся от камеры. Но буквально уже через минуту взял себя в руки и спокойно продолжил:

— Простите. Мне тяжело об этом говорить. Потому, что делал это я. И, не знаю... когда я ее на руки взял, она замолчала, а потом посмотрела мне в глаза. Внимательно так. Будто бы все понимала. И улыбнулась. У меня сердце замерло. А я, кляня себя за идиотизм и предвкушая штраф в половину моей месячной зарплаты за нецелевое использование дорогостоящей аппаратуры, пошел на должностное нарушение. Вместо режима «ожидание прекращения функционирования жизненных систем», я выставил «недоношенный ребенок». Бессмысленная трата ресурсов на безнадежного пациента. Это бы не помогло спасти девочку. Синдром Бринлера не оставлял ей ни малейшего шанса. Но поступить по-другому я не мог. Что, в конечном итоге, наверное, спасло ей жизнь. За два часа в холодном боксе с ограниченным поступлением кислорода и здоровый доношенный ребенок может серьезно заболеть. Что уж говорить о восьмимесячном? Когда моя маленькая пациентка не умерла ни через два часа, ни через десять, ее биологические родители написали отказ от ребенка, мотивируя это тем, что не желают переживать такой стресс, как ожидание смерти дочери.

— И что?

— Простите?..

— Ну, девочка ведь жива. Ее родители, наверное, обрадовались, когда узнали?

— Нет. Они не узнали. Социальные службы хотели с ними связаться, но эти люди воспользовались своим конституционным правом и запретили беспокоить их по вопросам как-либо связанным с ребенком, от которого они отказались.

— А эта малышка? Как ее здоровье?

— Ее состояние консилиумом врачей было признано идеальным для ее возраста.

— А синдром... как вы его назвали?

— Бринлера. На третий день ее жизни к нам нагрянула проверяющая комиссия. И они очень заинтересовались, почему безнадежно-больной ребенок все еще жив и занимает работающий медбокс? Потребовали объяснений. Ну, а что я мог сказать? Сознался в содеянном и ждал расплаты. Девочку разбудили, когда извлекли из уютного и теплого медбокса. Поместили на стол под яркую лампу. Ей это, разумеется, не понравилось. И свое

возмущение она выказала единственным доступным ей способом. Начала кричать. Сорок минут без перерыва. Замолчала только когда я ее на руки взял. Председатель комиссии решила, что это признак того, что младенец... умирает. И заставила меня вернуть ребенка на стол. Но оказалось, малышка просто немного устала и заснула. Проспала она минут пятнадцать. Проснулась. Поняла, что ее снова поместили туда, где ей быть не слишком нравится. Возмутилась этому факту еще громче, чем в первый раз. Я снова не выдержал. У меня сердце кровью обливалось. Да и не только у меня. Две медсестры, работающие в этом отделении, убежали пить успокоительное. Схватил девочку и понес в камеру диагностики. Просто, чтобы чем-то себя занять. Начал проводить обследование и не нашел ничего, что так или иначе указывало бы на то, что ребенок болен. Первоначальный диагноз был снят.

— Может, это было следствием ошибки системы?

— Совершенно исключено. Было проведено врачебное расследование. Неисправности оборудования выявлены не были. Кстати, эта крошка здесь только потому, что врачи не могут понять, как она смогла выздороветь? Но ни обследования, ни наблюдение ничего не дает. А смириться с тем, что случилось чудо, они не могут.

— Ну, а как вы сами думаете, в чем причина этого феномена?

— Не знаю. Может в том, что она сама хочет жить? Или в том, что она кому-то очень-очень нужна? Я, вообще, фаталист. Если происходит что-то, что мы не понимаем, это не значит, что в этом нет смысла. Он есть. Всегда. Но это метафизическое объяснение. Рационально звучит несколько по-другому. Цитировать не буду. Но общий смысл такой. У ребенка было неизученное нарушение внутриутробного развития с симптоматикой, сходной с синдромом Бринлера, хотя им и не являющееся. Поэтому система и выдала ложный диагноз. Следствием этого было запрещение искусственного прерывания беременности на поздних сроках и обязательное помещение детей с данным синдромом в медбокс на срок до пяти суток.

— И это дало какие-нибудь результаты?

— Да. Мы уже спасли этим двух детей. Близнецов.

— А ваша подопечная?

— Растет. Развивается. Вот уже головку держать начала. Меня узнает. Улыбается. Погремушки обожает. Живет, одним словом. И при этом без какого-либо медикаментозного вмешательства и готовится к скорейшей выписке. Это знаменательное событие случится через неделю.

— А как же назвали девочку?

— Диана Вирэн. Я решил идти до конца. Мы в ответе за тех, кому подарили жизнь. Как бы это ни произошло. Да воспринимать ее иначе, как своего ребенка у меня не получается. Она по вечерам засыпает только у меня на руках. А если я по какой-то причине хоть на полчаса задерживаюсь, такой скандал закатывает, что в другом крыле слышно, несмотря на всю звукоизоляцию.

Экран мигнул, и на нем снова появилось напряженное лицо Станислава.

— Вот теперь все.

— Слушай, брат, давай потом поговорим? — рассеянно произнес майор. — Я должен в голове это все уложить.

— Ну, удаче в этом нелегком деле. Может хоть у тебя получится. У меня до сих пор волосы дыбом стоят.

— Да. Пока. И спасибо за помощь.

— До встречи, брат. Обращайся, если что.

Когда экран погас, Вадим встал из-за стола и медленно побрел в душ. Нужно было лечь спать. Получится или нет — другой вопрос. Но попытаться-то стоит. Вдруг он и правда, заснет? Все же выпил он не так уж и мало. Да и горячая вода может поспособствовать. Только на это и надежда. Потому, что меньше всего он хотел думать о том, что услышал несколько минут назад. Желательно, вообще, это забыть.

И зачем он поддался любопытству? Ведь слышал он когда-то, что многие знания — многие печали. Вот только осознал он всю мудрость этого высказывания лишь сегодня. Но сколько бы он не сожалел об этом, дело было сделано. Вадим теперь знал о ней то, что, к счастью, не знала о себе даже она сама.

Понедельник вообще обещал быть днем насыщенным, но что б настолько?! Диана даже к ужину не смогла прийти в себя от свалившихся на нее неожиданностей. После первого урока лейтенант Корсак, который вел «Основы силовой защиты» попросил немного задержаться ее и Тео. Ребята послушно предстали перед столом своего преподавателя по стойке смирно в ожидании нагоняя. Но тратить полтора часа на стандартную подгонку под собственные параметры силового скафандра. Оба справились за двадцать минут, просто взломав программу.

Но Корсак отчитывать их не спешил, а решил кое-что предложить:

— Ребята, скажите, вы очень хотите здесь учиться? А то я мог бы посодействовать вашему переводу в технический ВУЗ. Военный, разумеется. У вас отличные аналитические способности, потрясающая интуиция. Оба способны разобраться с любым гаджетом за считанные минуты. Что вы забыли в Артене?

— Я не хочу отсюда уходить, — жалобно сказал Тео. — Мне здесь нравится.

— Мне тоже, — настороженно отозвалась Диана. — Не надо нас переводить.

— Да не пугайтесь вы так. Против воли вас никуда не отправят. Но я бы все же рекомендовал вам подумать. Время у вас есть. Весь первый курс. Морье, не надо отмахиваться от моего предложения только потому, что нашли здесь свою любовь. Вы можете стать очень хорошим техником. И это откроет перед вами многие двери. А чего добьется посредственный атташе? Будем откровенны, вы сильны в точных науках, тогда как риторика, языки и этика даются вам с трудом.

— Я подумаю, — буркнул Тео с тяжелым вздохом.

— Вирэн...

— Я тоже обещаю подумать, сэр, — бодро отрапортовала девушка, а когда они оба скрылись за дверью положила руку на плечо однокурсника и спросила. — А ведь он прав. Ты мог бы добиться большего, если бы пошел в технический ВУЗ.

— Знаю.

— Так что ты тут делаешь?

— Учусь. И мне здесь нравится. У меня есть друзья.

— И там были бы.

— Нет.

— Как это нет? Тео, у тебя в любом ВУЗе появились бы друзья.

Молодой человек лишь покачал головой и ускорил шаг, в прямом смысле этого слова попытавшись уйти от неприятного разговора. Но не получилось.

— Тео, да стой же ты!

— Мне здесь хорошо. Не хочу ничего менять.

— Но ты мог бы...

— Стать лучшим на курсе? Знаю. Но не хочу. Надоело.

— Что надоело?

— Все. У меня коэффициент интеллекта 193, что, собственно не является пределом

моих возможностей. Мне легко дается учеба. Легче, чем остальным. И это вызывает зависть. Почти всегда. А дружить со мной начинают только тогда, когда им нужна помощь. Чтобы я объяснил, рассказал или дал списать. В остальное время я для них не интереснее стенки. А здесь... здесь я впервые нормально живу. У меня есть Мария, друзья и проблемы с учебой. Как у всех.

— Прости. Я просто хотела, как лучше. А у тебя правда IQ 193?

— Да. А что?

— У меня 89.

— Ерунда.

— Я тест два раза проходила. Так вот, он показал «89» и «90». Так что я балансирую на грани умственной отсталости. Это, не слишком приятно, но жить не мешает.

— Да, нет. На самом деле у тебя коэффициент выше. Просто тест нужно проходить здоровым, отдохнувшим и в хорошем настроении. Иначе результат будет ниже, иногда даже значительно ниже. Так что забудь. И давай поторопимся. Иначе на историю опоздаем.

История, этика и поведенческая психология прошли спокойно. Но все равно занятия выматывали. А вот перед обедом ее отловил Польский и буквально потребовал от нее ответа.

— Отстань, — сказала она и попыталась сбежать, но парень ухватил ее за запястье и потащил за собой прочь от столовой.

И только когда они оказались в почти обезлюдившем холе, он соблаговолил ее отпустить.

— Ты что себе позволяешь?

— Ничего особенного.

— Польский, я хочу есть, а не лицедреть твою смазливую физиономию.

— Как грубо, — усмехнулся он. — Но я все еще не услышал твой ответ.

— Отстань. Это и был ответ, если ты не понял.

— Не дури, малышка. Со мной тебе будет хорошо.

— Польский, мне и сейчас неплохо.

— Потому что я был терпеливым. И даже защищал тебя. Думаешь, почему Вера была паинькой? Я запретил ей даже смотреть в твою сторону, не то, что строить тебе козни.

— Спасибо, конечно, но можешь больше не стараться. С этой дурой я как-нибудь справлюсь и без твоей помощи.

— Диана, вернись с небес на землю. Ты может быть и справишься со Скольником. Возможно, даже сладишь с ее подружками. Я даже готов предположить, что твои приятели не дадут Бурэ, который готов на все ради благосклонности Веры, наехать на тебя. Но обыграть меня у тебя не получится. Ты все равно будешь моей.

— И...

— Решай сама на каких условиях. Либо мы встречаемся и сейчас идем в столовую держась за руки. И тогда я даже проявлю несвойственное мне великодушие и разрешу тебе общаться с Ризом и Андерсом. При условии, разумеется, что ни один из них не будет переходить рамки. Своим я делиться не привык. И даже должность старшины оставлю за тобой. В конце концов, действительно займись физической подготовкой. Да и для учебы будет больше времени. Стать лучшим учеником курса также неплохая цель.

— Как мило!

— Сарказм тебе не идет, Малышка Ди. Более того, я объявлю о наших отношениях и даже познакомлю тебя с родителями. У тебя будет все, что ты захочешь. В разумных

пределах, разумеется, но и этого не мало.

— А какая альтернатива этой радужной картине?

— Тебе не понравится. Как я уже говорил, твоя жизнь станет адом. Рано или поздно ты сломаешься и придешь ко мне, чтобы я тебя защитил.

— А ты меня с позором прогонишь?

— Нет, — невозмутимо ответил Польский. — Зачем тратить силы и время на то, чего не хочешь получить? Я позволю тебе остаться рядом со мной. Но именно позволю. И не более того. Ни о каких отношениях «на равных» и речи идти не будет.

— И, как я понимаю, ты не отстанешь?

— Умная девочка.

Диана скривилась, но все же решила диалог продолжить.

— Ладно. Допустим, я соглашусь. И не надо строить такую довольную физиономию. Я сказала лишь: «Допустим». Чего ты хочешь от своей девушки? Основные требования. Коротко и по-судеству.

— Ты со мной. Всегда. В столовой. На занятиях. В гимнастическом зале. Выход в город только в моем сопровождении.

Девушка нахмурилась. Не слишком приятно, но терпимо. На занятиях они и так вместе. В столовой его можно и потерпеть. В зале она вообще на него и внимания не обратит. Очень уж хорошо ее научили концентрироваться на работе. А в город выходить она и не собиралась

— С постелью сильно торопить не буду, но это обязательное условие.

Диана задумалась. С одной стороны, предложение Польского ее привлекало. Не хотелось бы тратить свое драгоценное время и далеко не бесконечные силы на противостояние самоуверенному придурку, которому просто нечем заняться? Хотелось решить эту проблему с наименьшими потерями. Но и перспектива делить с ним постель также вызывала явное неприятие. Но не сама по себе идея. Девушка попыталась посмотреть на своего собеседника максимально беспристрастно. И хотя надменное выражение лица несколько портит его, но ее однокурсник хорош собой. Черты лица достаточно правильные. Рост — выше среднего. Тело... не такое, как у Рея или Джейса. Плечи узковаты. Да и мышечный каркас подкачал. Но все равно фигура его не так уж и плоха. Но то, как он себя ведет, перечеркивало всю его привлекательность. И она решительно начала:

— Знаешь, Польский, давай остановимся на превращении моей жизни в ад?

— Почему?

— Видишь ли, в данной ситуации это более предпочтительно. Об отношениях «на равных» у нас речь не идет в любом случае. В первом случае я стану любимой игрушкой, которой ты будешь хвастаться перед приятелями. А мне придется изображать вещь. По первому требованию прыгать тебе в постель. Улыбаться. И стараться во всем тебе угодить. Это будет ад, который я сама устрою себе. Во втором случае ад мне попытаешься устроить ты. И не факт, что получится. Но так хоть спать с тобой не надо. Так что иди ты со своими инициативами куда подальше. А меня ждет обед.

— Пожалеешь, — прорычал он.

— Посмотрим, — насмешливо сказала девушка и, развернувшись на каблуках, зашагала в столовую.

Там она взяла поднос и направилась к раздаточным окошкам.

— Где тебя носило? — спросил ее Джейс, когда она подошла к их столику, где уже расположилась вся их компания.

— Разговаривала с Польским.

— И что он от тебя хотел? — включился в разговор Рей.

— Всего и сразу.

— А конкретнее? — Джейсон нахмурился.

— Меня. Он предложил встречаться. Я отказалась. Ему это, само собой, не понравилось.

— Ждать подстав?

— Наверное. Я только не знаю, только ли на меня будет направлен его «праведный гнев» или он и по вам будет метить?

— Он сконцентрируется на тебе, — сказал Тео. — Не станет расплываться. Хотя, пожалуй, для Джейса сделает исключение. Во-первых, он ему сам по себе не нравится. А во-вторых, Дана сильнее всего привязана именно к Джейсону. И если их рассорить... это может сработать. Человека, который потерял кого-то близкого легче сломать.

Ребята удивленно на него посмотрели. Обычно Морье предпочитал помалкивать. Особенно, когда ему прямого вопроса никто и не задавал. Всеобщее внимание его несколько смутило и он, краснея и запинаясь, пробормотал:

— Ну, я же с ним в одном блоке жил. Успел кое-что понять о его характере. Польский привык получать то, что хочет. Особо не стесняется в средствах. Однако принципы у него есть. И действительно вредить Данае он не станет. Мне так кажется. Но нервы потрепать может.

— Я ему сам лично веселую жизнь устрою, — буркнул Джейс вгрызаясь в яблоко. — Только пусть попробует к ней подойти или нас рассорить.

— Да ладно вам, — беззаботно отозвался Михаил. — Мы вместе. Прорвемся. Не такой этот Польский крутой, чтобы действительно осложнить нам жизнь. И вообще, выбросите его из головы. Сегодня такой день!

— Какой? — Мария смерила брата подозрительным взглядом.

— Сегодня вместо Энхарт у нас Аверин!

— Я бы на твоём месте, братик, так не радовалась. Он нас до седьмого пота загоняет.

— И что? Уж лучше пусть меня загоняет умный человек, чем планомерно будет выносить мозг одна идиотка.

— Ну, если так посмотреть, то да, уж лучше Аверин, — уныло отозвалась Снежная. — Но ненамного. Уж помяните мое слово.

От урока самообороны Диана не ожидала чего угодно, но только не того, что произошло. Сначала Аверин показался ей каким-то странным. Рассеянным что ли. А еще он даже не смотрел в ее сторону.

Это было не то, чтобы обидно, но не слишком приятно. Хотя и ожидаемо. Он слишком сильно открылся ей в эту субботу. Слишком непосредственно вел себя с ней. И она пришла к выводу, что все дело именно в этом.

Поэтому девушка решила прислушаться к совету Рея и сделать вид, что Аверин не убирал ледяную броню перед своей малолетней подопечной. Чтобы не смущать этого странного мужчину. Да, именно так. Ничего не было. А значит, и беспокоиться им обоим не о чем.

Хотя, надо признаться, ей все мужчины здесь казались странными. Кроме Джейса, наверное. Ее первый Артенийский друг был чем-то похож на Дэна. И Дана иногда думала, не нашла ли она в Джейсоне Ризе замену Даниилу Милину? Но эти мысли она старалась

гнать от себя как можно дальше. Потому, что это было не честно и по отношению к памяти Дэна, и к самому Джейсу.

— Ты заснула что ли? — Рей толкнул ее локтем в бок. — Командуй построение. Звонки уже прозвенели.

— Группа, стройся! — послушно отозвалась девушка, но вышло это как-то вяло, поэтому она постаралась придать своему голосу твердости. — Смирно!

И уже через минуту девушка поняла, что все вошло в привычную колею. А смятение Адмирала ей скорее всего просто привиделось. Сейчас он грозно глядел на своих учеников и щедро одаривал их язвительными замечаниями. Особенно досталась женской половине группы.

— Скольник, Мей, Снежная, как это понимать?

Девушки растерянно переглянулись.

— Простите, сэр, — проблеяла Вера. — Что понимать?

— Ваш внешний вид.

Девушки переглянулись еще раз.

— Вы на танцы пришли или на физ. подготовку? Волосы убрать!

— Совсем? — в ужасе воскликнула Тара.

На лице Аверина проступила брезгливая гримаса. А на языке явно вертелся вопрос: «Ты совсем идиотка или прикидываешься?» Но мужчина сдержался, рявкнув:

— Вирэн, Андерс, шаг вперед.

Ребята выполнили приказ непосредственного руководства, не совсем понимая, а они-то в чем провинились

— Выбирайте, дамы.

Теперь уже на лицах всех в группе читалась крайняя форма недоумения.

— Прическу, — сжалился наконец Аверин. — Либо «ежик», как у Андерса. Либо скальвайте волосы, как это делает Вирэн. Если не хотите, конечно, чтобы с вас сняли скальп. Из растрепавшейся прически противника легко можно сделать оружие. И сегодня я вам это покажу. Хотите?

Скольник демонстративно вздернула подбородок. Мэй во всем подражающая подружке, скопировала ее выражение лица и жест. А вот Мария оказалась умнее. Она поймала взгляд Дианы и широко распахнув глаза быстрым жестом коснулась своих волос. Старшина закатила глаза, но все же кивнула.

— Две минуты на то, чтобы привести себя в порядок. Разогревайтесь. Потом начинаем.

Дана вытащила из кармана запасную резинку, вручила ее своей соседке по боксу и пошла разминаться. И так этим увлеклась, что не заметила, как к ним пожаловала Консуэлла

Энхарт собственной персоной. Она влетела в зал разгневанной фурией и тотчас же направилась к Диане, но дорогу ей заступил Аверин.

— Добрый день, сержант, — вежливо поприветствовал он коллегу. Женщина сразу же растеряла половину своего праведного гнева и даже заискивающе улыбнулась:

— Добрый день, майор. Как я вижу вы проводите занятие. Наверное, в программе учебного плана случился сбой. Недоразумение. Но у этой группы сейчас должны быть «Основы хореографии».

— Я знаю.

— Тогда почему же они здесь?

— Потому, что выразили единодушное желание не посещать больше ваш предмет.

Администрация Академии решила со всем возможным вниманием отнестись к этому их решению. Я ведь прислал вам сегодня уведомление об этом.

— Так теперь курсанты будут диктовать нам условия? На один предмет они ходить будут, а на другой — нет. И вы это допустите?

— Консуэлла, поговорим позднее. Без свидетелей — попытался урезонить коллегу Вадим.

— Нет, я хочу, чтобы вы объяснили мне, что происходит. Сейчас же.

— Ладно. Только давайте выйдем отсюда, — прошипел мужчина сквозь зубы, а потом уже более громко добавил. — Группа, занимаетесь пока самостоятельно. Разбиваетесь по парам. Разминка. Растяжка. Вирэн руководит процессом. После, если я к этому времени не появлюсь, упражнения на координацию. Проводит Андерс. Вперед!

Когда оба преподавателя вышли из зала, Дана громко скомандовала:

— Итак, все повторяйте за мной. Начинаем с шеи...

— Аверин сказал разбиться на пары и заниматься растяжкой, — ехидно вставил Польский. — У тебя со слухом проблемы?

— Нет, — невозмутимо отозвалась девушка.

— Разве? — решила поддержать парня Вера Скольник. — Или ты решила инициативу проявить? Это не комплекс упражнений для растяжки.

— Так, замолчали все! Для тех, кто плохо слышит или тормозит сегодня. Аверин сказал: «Разминка. Растяжка». То есть сначала нужно разогреть мышцы. А уж потом перейти к комплексу на развитие гибкости. Иначе половина из вас уже через пятнадцать минут попадет в медблок с растяжениями разной степени тяжести. А теперь может вы соизволите выполнить мою команду?

— Консуэлла, какого черта вы себе позволяете? — прорычал Вадим, когда за ними закрылась дверь. — Вы понимаете, что творите?!

— И что же? Позвольте поинтересоваться.

— На глазах у курсантов пререкаетесь со старшим по званию.

— Я пришла получить объяснения. Почему группа не явилась на занятие? А вы говорите мне, что они просто не захотели. Я в недоумении. Не много ли вы позволяете своим воспитанникам.

— Не много. Это их право. Получать образование. Если группу по каким-то причинам не устраивает преподаватель, мы обязаны провести служебную проверку. И в случае если вскрыются какие-либо нарушения, принять соответствующие меры.

— Я сомневаюсь, что не устраиваю всех.

— На ваш урок не пришел ни один курсант.

— Это ваша протезе, — с истеричными нотками в голосе взвизгнула она. — Это Вирэн подстроила. Старшина ведь может влиять группу. Ну, она у меня попляшет!

— Знаете, сержант, — процедил Вадим. — Меня не так легко вывести из себя, но вам это удалось. Дважды. Поздравляю. Нужно иметь редкий талант, чтобы добиться этого в столь ограниченные сроки. Я буду ходатайствовать об отстранении вас от преподавания не только в Артене, но и вообще.

— И на каком же основании?

— Предвзятое отношение и явные угрозы в адрес курсанта. А к Вирэн я запрещаю даже приближаться. Вы и слова ей не скажете, иначе...

— Вы не имеете права! Я буду жаловаться!

— Вперед. Но я вас предупредил. Надеюсь, вы проявите здравомыслие и не станете усугублять свое и так, не простое положение.

Консуэлла ничего на это не ответила. Просто развернулась на каблуках и ушла. А майор еще несколько минут простоял у двери, не находя в себе сил войти. Мужчина боялся, что сорвется и выместит свое раздражение на ком-то из курсантов. А еще раздумывал о том, разозлился бы он так, если бы эта идиотка угрожала не Вирэн, а, например, Ризу, Андерсу, Морье или Польскому. И по всему выходило, что нет. Выделять кого-либо из курсантов... что может быть хуже? Только влюбиться в свою воспитанницу.

— Боже, о чем я думаю? — простонал Вадим, запустив руку в густую каштановую шевелюру. — Я отношусь ко всем своим подопечным одинаково. Абсолютно одинаково! А эта пигалица меня совершенно не интересует. Она — моя работа и все. Я просто защищаю своих ребят, как делал это всегда.

Когда майор все же решился войти в зал, его глазам предстала прямо-таки идиллическая картина. Курсанты старательно выполняют упражнения, а старшина бегает между ними и направляет.

— Продолжайте. Не нужно останавливаться, — сказал он, когда парни и девушки дружно повскакивали со своих мест и попытались выстроиться в шеренгу.

И ближайшие пятнадцать минут Вадим просто смотрел, как его группа занимается. Это было очень интересно — просто наблюдать, как раскрываются характеры ребят. Риз вполголоса отпускал шуточки, чтобы отвлечь Морье, который встал с ним в пару. Бедняга Тео чуть не плакал от боли, но упрямо продолжал выполнять упражнения. Андерс выкладывался по полной, и раза два попросил Дану позаниматься с ним вечером. Скольник и Мей ныли, мол, сколько можно повторять одно и то же? Рабле работал явно вполсилы. А вот Польский вел себя странно. Постоянно дергал девушку. Прямо-таки требовал к себе повышенного внимания. Ему постоянно было что-то непонятно. Он прикасался к ней, пусть и мимолетно, всякий раз, когда она находилась в зоне досягаемости, отчего Диана постоянно дергалась и сжимала кулаки, видимо всеми силами сдерживая себя, чтобы не дать ему по шее. Но он, действительно старался.

— Вирэн, а сколько длится стандартный комплекс растяжки?

— Часа полтора, — отозвалась девушка. — А теперь наклоны.

— Нет, полтора часа — это много. У меня столько времени нет. Так что закругляемся. На сегодня хватит. Но, думаю, все вы поняли, что вам есть куда стремиться.

По залу разнеслось многоголосое «Да, сэр».

— Что ж... прекрасно. Так же мне кажется, что основами самообороны большинство все же владеет. А кое-кто продвинулся значительно дальше этого. Но одно дело знать, что нужно делать, и совсем другое быстро сориентироваться и действовать в опасной ситуации. Ведь иногда секундное промедление может стоить вам жизни. Ребята, я не сторонник теоретического подхода к обучению. Поэтому мы поиграем в «нападение». Суть игры проста. Я разделю вас на пары. Один нападает. Другой защищается от превосходящего по силам противника. Всеми возможными способами. Для защищающихся запретов не существует. Почти. Но просить помощи у своих сокурсников вы не можете. Их тут как бы нет. Не забывайте об этом. Для нападающих. Парней не бить ниже пояса. Девушек настоятельно не рекомендую бить по лицу, груди или в живот. Девушек, вообще, бить не рекомендую. Итак, первая пара. Бурэ защищается. Андерс нападает. Рей, ты должен повалить противника на пол и обездвигить. Требование, как к профессионалу. Прodelать это за одну минуту. Время пошло.

Рей справился быстрее почти в два раза и даже не запыхался. Джейсу же, получившему аналогичное задание пришлось потратить чуть больше времени, чтобы уложить на обе лопатки Павла Лисина.

Снежные устроили настоящее светопреставление, и Вадим ни капельки не пожалел, что поставил их в пару. Все же они оба за восемнадцать лет жизни должны были неплохо изучить сильные и слабые стороны друг друга. Ведь не могли они, будучи детьми вообще не драться. Такого просто не бывает. Даже он со Стасом, и то пару раз сцепился. А тут близнецы. И действительно. Опыт потасовок был виден невооруженным глазом. Михаил с легкостью повалил сестру. Все же наличие большей массы играло в его пользу. Но вот зафиксировать брыкающуюся девушку у него никак не получалось. А под конец, когда она извернулась и принялась его щекотать, чуть было не поменялся с ней местами из нападающего превратившись в жертву. Морье позорно проиграл Ивлеру.

А вот Талин, Брес и Антонов благополучно отбились от Астории, Брауна и Мельник. Тогда как Рабле и Рид смогли не просто дать отпор своим противникам, но и даже обездвигить их.

— А теперь выходят Скольник с Бруксом. И правила игры немного меняются...

— Разрешите обратиться, сэр, — манерно протянула Вера.

Вадима явственно перекосило. Но мужчина все же нашел в себе силы кивнуть и посмотреть на подопечную относительно благожелательно.

— Я не могу сейчас тренироваться. У меня болит плечо. Видимо я потянула связку. На разминке совершенно не соизмеряли нагрузку и реальные возможности.

Скольник бросила многозначительный взгляд на старшину, явно намекая, кто именно виноват в этом прискорбном происшествии. Но майор на провокацию не поддался и лишь вежливо поинтересовался:

— Сильно болит?

— Очень.

— Это плохо. То, что вы до сих пор не научились соотносить нагрузку с возможностями организма, разумеется. Вам ведь не пять лет. И даже не пятнадцать. Мозги в голове должны уж быть. Ладно. Идите в медицинский блок. Пусть вам окажут помощь. И попросите доктора отчет о вашем состоянии скинуть мне.

— Не стоит беспокоиться. Вряд ли там что-то серьезное.

— Я и не думаю, что там у вас что-то серьезное. Никаких признаков болевого шока у вас нет. Но порядок есть порядок. Препятствовать в квалифицированной помощи курсанту, получившему травму, преподаватель не имеет права. Однако я очень не люблю симулянтов. Дураков, кстати, тоже не люблю. Но это так... к слову. Если медсканер не выявит у вас отека и воспаления, вызванного растяжением связок, то в ваше личное дело будет занесен прогул занятия. Но что же вы стали? Идите-идите. Спаркс с Бруксом в центр. Брукс, задание — снять с девушки китель. Футболку под ним не трогаешь.

Для того, чтобы раздеть Энн Константинову потребовалось около двух минут. Но такая заминка была вызвана лишь тем, что он пытался проделать это максимально корректно. То есть избегая лишних прикосновений. Тогда как Марк Трой излишней щепетильностью не страдал. Поэтому Тара Мей лишилась кителя значительно быстрее.

— А теперь наша последняя пара. Вирен, Польский, в центр. И снова немного меняем правила. Китель снять должна она сама. Можно использовать шокер, который выставлен на минимальную мощность, но не более трех раз. Время — две минуты.

Диана похолодела. Вот же сволочь этот Аверин. Три раза получить шокером, пусть и минимальным зарядом! Садист. Стоит рядом. Можно сказать, почти касается своим плечом ее. И судя по выражению лица, плевать ему, что ей сейчас будет очень больно.

А ведь самое паршивое даже не это. Вот почему именно ей достался Польский? Он же после сегодняшнего разговора изображать джентльмена не станет. Скорее, даже наоборот.

— Польский, возьмите шокер вон на том стеллаже, — сказал Вадим громко, а потом слегка склонившись к уху Дианы быстро прошептал. — Сделай вид, будто бы испугалась. Подпусти ближе. Резко выбросив ногу, попытайся выбить шокер. И это твоих однокурсников здесь нет, а я есть.

Девушка удивленно посмотрела на своего куратора, но он лишь одарил ее насмешливым взглядом и отошел на два десятка шагов — почти к самой стене.

«Нет, этот тип точно больной на голову — прокрутилось у нее в голове. — Сначала подставил. Потом вроде как протянул руку помощи. Но он хотя и совершенно неадекватный, но обаятельный. Этого не отнять, как не крути».

— Готовы? Тогда вперед!

Девушка сделала два осторожных шага назад. Польский победно усмехнулся:

— Ты же не думаешь, что я тебя пожалею? — тихо, почти шепотом произнес он, направляя на нее шокер, но бить почему-то не спешил. — Даже и не надейся. Я немного не в том настроении. Но мне не хочется прослыть садистом. Поэтому ты сейчас снимаешь китель и бросаешь его на пол. Быстро! Иначе получишь подряд все три заряда.

Диана краем глаза поймала свое отражение и отстраненно отметила, что у маэстро Захарова на «Пантомиме» получила бы «отлично». Они с Польским сейчас представляли просто идеальную модель для скульптурной композиции «Разбойное нападение». Парень просто фонтанировал уверенностью и радостью от того, что девушка сейчас в полной его власти. Сама же Дана казалась напуганной и потерянной. До тех пор пока он не приблизился еще на один шаг.

А потом все произошло настолько быстро, что никто кроме Аверина и самой Дианы не успел ничего понять. Девушка резко выбросила правую ногу вперед, больно ударив Александра по пальцам. Тот, разумеется, выпустил шокер. Дана же с писком: «помогите» молнией метнулась к майору.

— Побег засчитан, — меланхолично произнес он. — Молодец. А теперь я предлагаю вам сесть в круг и разобрать ошибки.

Курсанты послушались. И своих подопечных задумчивым взглядом, Вадим насмешливо протянул:

— Лично я считаю, что лучшая защита — это нападение, только если ты сильнее. Если же нет, мне бы хотелось напомнить вам, что при столкновении с заведомо более сильным противником бегство — лучшая стратегия. Оно не является поражением. Это шанс остаться целым и невредимым. Но начнем разбирать ошибки. Пожалуй, разумнее всего начать с конца. Вирен.

— Я же сбежала, — растерянно произнесла она.

— В принципе, да. И по традиции победителей не судят. Но ошибка все же была. Кричать надо было. Громко, а не пищать мышкой. И кроме «Помогите» еще и «Пожар», «Потоп» и «Землетрясение». Понятно?

— Да, сер.

— Хорошо. Теперь Мей и Спаркс, вас по идее изнасиловать хотели. Нужно кричать, пытаться убежать, вызвать службу спасения. Ваши коммуниторы снабжены такой опцией. А вы стали и ручки опустили. Несколько неадекватное поведение. Не находите? Антонов, Талин, Брес, справились достаточно хорошо. Ходите на факультатив к лейтенанту Кейну? Продолжайте в том же духе. Снежная, отлично держалась, но сбежать не просто не смогла, но даже и не подумала об этом. Почему?

— Вариант с побегом даже не рассматривался. Брат быстрее и сильнее. Догнал бы мгновенно и повалил бы еще быстрее. А так у меня был шанс. Просто воспользоваться им в полной мере не получилось.

— Но попытка была хорошая. Теперь Морье. Скорость реакции и координация за гранью добра и зла. Зайдешь ко мне сегодня в восемь. Попробуем составить индивидуальную программу для решения этой проблемы. Бурэ, Лисин, вы чем думали, когда с Андерсом и Ризом связывались? Зачем позволили втянуть себя в драку? Когда на вас нападают профессионалы, уходите в глухую оборону. Тогда шанс немного продержаться у вас есть. Вы могли бы выполнить условия задания, но не сообразили, как это сделать. Так... на сегодня мы закончили. Можете отдыхать.

Вечером все Дана, Рей и Джейс обосновались в блоке девочек. В блоке парней

Близнецы и Тео смотрели какое-то телешоу. Они и остальных звали, но вокальные конкурсы ребята не любили. Поэтому сейчас парни играли в шахматы, устроившись на полу. А Дана сидела на кровати и листала на планшете критические статьи о новом фильме знаменитого режиссера Тошио Хару «Жизнь длиною в танец». История легендарной балерины Марии Браяр — недостижимом идеале всех балерин. Отзывы, были достаточно противоречивы. Одни хвалили. Другие ругали. Как всегда, в общем.

Девушка с жадностью глотала строчки, вышедшие из-под пера очередного «ценителя искусства», с интересом разглядывала постеры, но заставить себя посмотреть этот фильм она не могла. И не только потому, что еще год назад, когда только начались съемки они договорились пойти на него всем классом. Заводила-Дэн потребовал от каждого из них клятвенного обещания, что отдельно от коллектива смотреть этот фильм никто не станет. Вот только их уже не было. Никого. И не смогут они прийти в старый кинозал, расположенный недалеко от их Академии. Не смогут потом купить в соседней кафетерии мороженное. Не смогут шумно, перебивая друг друга делиться впечатлениями. Потому что их больше нет. Никого из них. А смотреть фильм без ребят было почти что предательством.

Еще Дана не решалась на этот шаг понимая, что картина вероятнее всего окончится смертью главной героини. Не зря же она заявлена, как драма. Реальная Мария Брайер покончила с собой в тридцать шесть лет, потому что из-за травмы не могла больше танцевать.

А остаться равнодушной к трагедии Великой Примы девушка вряд ли сможет. Потому что понимает, пусть и не до конца, причины такого поступка. Ведь «танец длиною в жизнь» — судьба каждой балерины. А вот «Жизнь длиною в танец» — лишь тех, кто дышит музыкой и только ей.

И Диане было страшно. Невероятно страшно понимать: кроме балета и в ее жизни нет ничего. Ну, или ничего равного царству Терпсихоры. Да и живет она сейчас, ходит, улыбается и загружает себя учебой, понимая, что вернется в балет. Может не сразу, может это будет нелегко, но вернется. Пусть это будет даже самая плохая труппа в какой-нибудь глуши. Не важно. Главное — иметь возможность танцевать. А если нет? Если все ее надежды пойдут прахом? Не вскрыет ли она себе вены, как потерявшая рассудок Мария Браяр?

— Ты боишься? — тихо спросил Рей.

— Что? — Девушка подняла глаза на приятеля.

— Ты хочешь посмотреть этот фильм, но боишься. Почему?

— Ой, ну что за глупости?! — попыталась отмахнуться она. — Я просто думаю, стоит ли он того? Пока схожусь на том, что нет. Слишком много мыла. Не люблю слезливые мелодрамы.

— Зачем ты обманываешь? — морщась, словно от зубной боли спросил Джейсон. — Мы же не дураки. И успели неплохо тебя узнать.

Дана принужденно улыбнулась, отбрасывая планшет на подушку и вставая. Не то, чтобы она не хотела делиться с друзьями... все же эти двое самые близкие ей люди. Ближе у нее и нет никого. Просто, зачем загружать их еще и этим? Они и так неоправданно много с ней возятся.

— Ребят, все в порядке. Просто вспомнила свою школу.

— Скучаешь?

— Скучаю. Но не забивайте этим головы. Пройдет.

Парни переглянулись и Джейс сказал:

— Не пройдет. Особенно если будешь делать вид, что все в порядке. Это ведь не так.

Диана, мы все знаем.

Девушка оцепенела:

— Знаете? — голов был хриплым, будто чужим, но она быстро взяла себя в руки и улыбнулась. Они не могут ничего знать. Мало ли на свете девушек с именем Диана Вирен? Как минимум, пара десятков наберется. А соотнести, пусть и освященный в прессе, теракт с курсантом Артенийской Военной академии достаточно сложно. А Джейсон, скорее всего имел в виду что-то другое. Ностальгию по балетному классу или что-то в этом роде.

— Андорский театр.

Девушка пошатнулась, словно бы ее ударили. А Рей зашипел на приятеля:

— Ты с ума сошел? Нельзя же так!

— А как можно? — в ответ рявкнул тот. — Не могу я не это смотреть на нее и делать вид, что ничего не происходит. Пока не понимал, что к чему — еще держался. Но теперь, уволь.

— Я не виновата, — затравленно глядя на парней, она сделала шаг назад, потом еще и еще. — Я не виновата.

— Ты этого добивался? — Рей с укоризной уставился на приятеля, а потом ласково, как к ребенку обратился к Диане. — Конечно, не виновата. Мы знаем. Успокойся. Ладно? Нам не хотелось тебя пугать. Джейс — идиот. Хотя, в чем-то и прав. Это... непросто... смотреть на то, как ты мучаешься и даже поделиться переживаниями не можешь.

— Как вы узнали?

— Включили мозги. Да не смотри ты на нас так, будто бы мы монстры какие-то.

Противно. Честно.

— Как вы узнали?!

— Ты прокололась на фуэте. Да и на остальном, если честно, тоже. Слишком чисто выполняешь элементы. Но главный прокол, все же, фуэте. По легенде ты — посредственная балерина. И из школы тебя исключили как раз поэтому. Вот только эталоном мастерства партии Одиллии является тридцать шесть фуэте. Тридцать два признано нормой. А ты с легкостью раскручиваешь шестьдесят четыре. И делаешь это на пяточке размером с ладонь. Тебя просто не могли исключить за профнепригодность. Потом были кое-какие оговорки. И не сказать, что много, но этого хватило. Про школьную форму и отсутствие у тебя собственных платьев. Про родителей, точнее их отсутствие. Мы сопоставили факты. Залезли в сеть, и нашли там все, включая твою фотографию. Мелкая, да сядь ты на кровать. И перестань дрожать. Мы не собираемся тебя выдавать. Никому. И все сделаем, чтобы защитить. Я, собственно это и хотел сказать, когда затевал этот разговор. Прости, наверное, действительно слишком резко получилось.

— Спасибо. За поддержку, ребят.

— Эй, малышка, — Рей сел рядом и заглянул ей в глаза. — Ты чего? Все же хорошо.

— Все плохо. Неужели не понимаешь? Если вы догадались, то и остальные...

— Нет. Мы не просто искали, но и примерно понимали, что должны найти. При этом потратили уйму времени. А даже если кто-то о тебе узнает узнает. Что с того? Думаешь, мы не сможем при необходимости его или ее заткнуть?

— А мы сможем?

— Конечно, — уверенно заявил Джейсон. — В крайнем случае, Аверина попросим.

— Угу. Так он и побежит мне помогать.

— Он же начальник курса.

— И что? Забыл, как этот тип ко мне относится?

— Нежно и трепетно, — с самым невинным видом выдал парень. — Ради кого он сегодня сжульничал? А еще я видел, как он на тебя смотрел.

А Диана не выдержала и толкнула его локтем в бок. Завязалась легкая потасовка результатом которой стал упавший с кровати Джейс, которого они, смеясь скрутили в четыре руки.

— Так не честно! — возмутился он. — Рей, ты — предатель!

— Прости, друг, но мне не хотелось оказаться на твоём месте. Кстати, мы сегодня тот фильм смотреть будем?

— Нет, — решительно ответила девушка. — Он слишком грустный. Настроение и так оставляет желать лучшего. Оставим до лучших времен. Ладно?

— Конечно, — в один голос ответили парни.

— Вирэн, вы можете мне внятно объяснить, что твориться с Морье? Я ничего не понимаю. У него же есть мозги. Почему он скатился до оценки «удовлетворительно» почти по всем предметам?

Девушка поджала губы и смерила куратора укоризненным взглядом. Майор нахмурился, а потом на его губах заиграла лукавая улыбка:

— Я никуда не спешу. Более того, мне твоя компания очень импонирует. Кофе хочешь?

— Нет, сэр, хочу.

— Диана, ты не выйдешь из этого кабинета, пока не объяснишь, что происходит с моим подопечным. Да сядь ты уже! Знаешь ведь, как я не люблю смотреть на собеседника снизу-вверх. За три месяца, прошедшие с нашего знакомства могла бы уже это уяснить.

— Он — мой друг, — упрямо набычившись, сказала она, но на край стула все же присела.

Вадим удовлетворенно кивнул. Главное заставить его старшину начать диалог и дело, считай, сделано. Она все расскажет. И про реальное состояние дел в группе и про возможные пути решения тех или иных проблем. Но до этого нужно перебороть ее прямо-таки патологическое недоверие ко всем... взрослым, наверное.

— Знаю. Именно поэтому я сначала решил поговорить с тобой, а не спустить задание штатному психологу. Диана, ты же понимаешь, что его поведение ненормально? Ему нужна помощь...

— Отстаньте от него. Это единственное, что ему нужно.

— Что значит «отстаньте»?

— То и значит.

— Так чай или кофе, Вирэн?

— Чай, — с тяжелым вздохом отозвалась девушка.

Вадим встал из-за стола. Подошел к встроенному в стену автомату. Набрал короткую комбинацию и буквально через три секунды получил два дымящихся пластиковых стаканчика. Победа, в некотором роде. Первое время девушку пить чай он чуть ли не силком заставлял. Теперь она сама делала этот шаг навстречу ему.

Это было неправильно и являло пример грубейшего педагогического промаха. Как же! Неформальные отношения с курсантом. Но Аверин придумал этому безобразию несколько оправданий, успокаивая собственную совесть.

Во-первых, курсант Диана не настоящий. И в Артене она временно. А то, что с обязанностями старшины вполне справляется, так это... ну, не случайность, конечно, но и не показатель того, что ей светит успешная военная карьера. Она балерина. И как только все успокоится, сбежит Вирэн из их академии и ничто ее не остановит. Во-вторых, добиться от девушки оценки или развернутого анализа проблемы можно только в неформальной беседе. А так как говорила она исключительно по существу и только умные вещи, мнение ее майор ценил. А в-третьих, и это было определяющим моментом, ему просто нравилось быть с ней рядом.

Пожалуй, он уже не мог вести себя с ней по-другому. И от того день за днем приручал эту немного диковатую девочку. Зачем? Мужчина и сам не понимал. Только недавно посмеивался над Майком, который пел ей дифирамбы, а теперь вот и сам попал под ее очарование. Нет, всерьез остепениться он пока не думал, но такого отторжения, как раньше эта мысль у него уже не вызывала.

— Я весь во внимании.

— Ничего не знаю, — сказала она, делая глоток чая.

— Диана!

— Честно, не знаю. Догадываюсь. Но это только мои предположения, а не истина в последней инстанции.

— Расскажи мне. А дальше уж будем думать.

— Тео очень ранимый.

— И...

— Он тяжело переживает вынужденное одиночество. Ему нужны близкие люди. Друзья. А еще девушка, которая любит его просто так, а не потому, что он гений и таким парнем можно перед подружками хвастаться.

— Но, мне кажется, как раз с этим у него проблем нет. Или он со Снежной поссорился?

— Нет. У них все хорошо.

— Поссорился с кем-нибудь из приятелей?

— Нет.

— Скучает по дому?

— Нет.

— Тогда что случилось?

— Ему здесь хорошо.

— И это повод начать плохо учиться. Конечно! Ты издеваешься?

— Не издеваюсь. Просто его уже достали предложения перевестись в другое учебное заведение. Он, видите ли, свой талант гробит.

— А это не так?

— Так, конечно. Но лучше угробить талант, чем душу. Тео после того, как почувствовал, что значит быть своим в дружной компании, не хочет снова остаться один. Да и Мари он не оставит. Не сможет просто.

— Андерс, значит, оставил, а Морье не в состоянии?

— Это другое. Кейт и Рей с детского сада вместе. И к тому же она через год переведется в Артенейское отделение ее медицинского института.

— Понял. Пример неудачный. И что делать будем?

— Ничего. Просто оставьте его в покое. Мне кажется, он должен сам прийти к мысли о переводе. Ну, когда поймет, что Артен больше ничего не может ему дать. Ну, и что мы будем с ним общаться, даже если он уйдет отсюда.

— Хорошо. Я поговорю с коллегами, чтобы они больше на него не давили. Обещаю, до конца года предложений о переводе ему поступать не будет. Пусть учится спокойно. Теперь о Рассвете. Ты знаешь, что Артен в этом году принимает Академические Игры?

— Что-то такое слышала.

— В конце апреля будет неделя, во время которой проводятся военно-спортивные игры. Рассвет представляет собой имитацию боевых действий, похожую на военные учения. А нечто похожее на репетицию этого мероприятия будет проходить в Артене через пару

недель. В ходе игры команды курсантов соревнуются в различных военно-прикладных видах спорта с игровыми элементами. Победитель выявляется по сумме набранных им баллов. Но с правилами вас более подробно ознакомит лейтенант Кейн. Команда апрельского «Рассвета» будет сборная от всех курсов. Но к Играм допускаются лишь курсанты, имеющие средний учебный балл не ниже 4.5. Донесите это до своих ребят.

— Хорошо.

— В частности до Морье, Риза, Лисина и Антонова. Я не знаю, будут ли они участвовать в Больших Играх, но шанс попасть в команду у них есть. Мне, как куратору нашей сборной, надоело, что Артенийцы вот уже четыре года занимают последние места. Сейчас мы просто обязаны победить. Понятно?

— Так точно, сэр!

— Тогда, свободна, — сказал он с задорной улыбкой. — Хотя нет. Стой.

Девушка остановилась в шаге от дверного проема, и устало посмотрела на куратора. Вот же нейдет человеку! Меньше всего сейчас ей хотелось продолжать общаться с Авериным. Нет, как раз общаться с ним ей нравилось несмотря ни на что. И он ей нравился. А вот «гениальные» идеи этого энтузиаста по улучшению жизни группы — не очень. Особенно, если взять во внимание то, что воплощать их придется ей.

Пашкой Лисиным особых проблем не будет. Он только по истории отстает. Ну, не дается ему этот предмет и все тут. Хотя, если попросить Рея помочь ближнему, может и выгорит что.

С Димой Антоновым уже сложнее. Он фатально отстает по трем предметам, хотя по остальным получает только «отлично». Но тут еще реально что-то сделать. Например, близнецов подключить. Вдвоем должны справиться.

А как быть с Тео? Он ведь буквально доведен до ручки и все, даже невинные замечания, воспринимает в штыки. Джейс в этом плане немногим адекватнее. Каролина стойко держит оборону и не подпускает его к себе ближе, чем на пять шагов. Они даже целовались всего раз, после которого парень еще долго радовал окружающих синяком на скуле. Конечно, у него успеваемость упала. Все мысли ведь о недотроге старшекурснице, а не об учебе. И как его в чувства приводить, девушка совершенно не представляла.

Вот надо Аверину, чтобы парни свой средний балл подправили, так и занялся бы этим сам. Но ему некогда. Или лень, что вероятнее. Вот и нагружает ее. Эксплуататор!

— С днем рождения, Вирэн, — сказал Вадим тихо.

— Спасибо, — пробормотала девушка, очаровательно краснея.

Меньше всего она ожидала от Ледяного Адмирала, как успела его прозвать, именно этих слов. Ей вообще показалось, что дни рождения курсантов он считает чем-то совершенно незначительным. Оказалось — нет.

Ей вдруг так стыдно стало. Он ее поздравить решил, а она уже думает про него всякие гадости. Хотя для этого у нее и были основания, все равно нехорошо получилось.

— Иди уже. Спорить готов, приятели тебя уже заждались.

— До свидания, сэр.

Майор словно бы в воду глядел. Джейс и Михаил караулили в коридоре. И стоило девушке выйти в коридор, подхватили ее под руки и потащили куда-то.

— Эй, прекратите! Ну, что вы делаете?

— Мы опаздываем! — усмехнулся Джейсон.

— Куда?

— На вечеринку. Кое у кого сегодня день рождения.

— Мы же договорились завтра отмечать. В городе. Я сейчас позаниматься хотела.

— Завтра — само собой. Но ложка дорога к обеду. Поэтому сегодня будут торт и жутко вредная, но вкусная газировка, а никакие не занятия. И позволю себе повторить. Мы опаздываем.

— Именинники не опаздывают.

— Да, конечно. Они задерживаются. Мелкая, прекрати брыкаться. Кстати, ты чего так долго?

— Ничего. Адмирал про Игры рассказывал.

— Так долго? Он тебе стратегию излагал?

— Частично. Сказал, что к Играм допускаются только курсанты со средним баллом в 4.6. А Тео, Дима, Пашка и ты до этого среднего балла не дотягиваете. Попросил принять меры.

— Разберемся. Потом.

— Нет уж, дорогой друг. Давай сейчас. Ты когда за ум возьмешься? Учебу совсем забросил. Так же нельзя.

— Ну, ты же понимаешь, что...

— Я понимаю. А вот Аверин не поймет. Гарантию даю.

- Ладно. Будет тебе 6.8.

— Да мне этот балл сто лет не убился. Просто Адмирал наседает. У него в связи с этими Играми на тебя какие-то планы имеются.

— Понял.

— Еще бы остальные поняли.

— Можешь хоть сегодня выбросить из головы лишние мысли?

— Нет. Не получается. Аверин умеет быть убедительным.

— Мы и так в курсе, — буркнул Михаил. — Не будь занудой.

— Я старшина группы. Мне по должности положено.

Снежный лишь покачал головой и толкнул дверь в мальчишеский блок. Вечеринку Джейс решил устроить именно там просто потому, что спальня там больше. Парень скрылся в дверном проеме и тут же завопил:

— Да прекратите вы уже!

— А что мы такого делаем? — невинно поинтересовалась Мари. — Подумаешь, целуемся.

— То, чем вы занимаетесь — не просто поцелуи. Это сцены из эротических фильмов. Я не могу не это смотреть!

— Ну и не смотри, — посоветовала Михаилу сестра. — Можно подумать тебя кто-то заставляет.

— Да что ты себе позволяешь?!

— Ничего, что не позволял себе ты. Отстань, ханжа несчастный.

В последнее время такие словесные препирательства стали у близнецов чем-то вроде ритуала. Сейчас Тео относился к ним индифферентно, хотя раньше очень переживал по этому поводу.

— Джейс, — Дана несмело коснулась плеча своего приятеля. — Подожди. Я давно хотела тебе это сказать. Да все повод не подворачивался. Приди в себя. Отодвинув учебу на задний план, ты любви Каро не добьешься.

— Мне плохо без нее.

— Знаю.

— Я ни о чем, кроме нее думать не могу. Засыпаю с мыслями о ней. Просыпаюсь.

— Хочешь, я с ней поговорю?

— И что ты ей скажешь?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Не надо, Мелкая. Что-нибудь здесь не прокатит. Спасибо, конечно. Но я сам разберусь. И с Каролиной, и с учебой. Не переживай. Ладно?

— Ну, как я могу не переживать?

— Ты — чудо. Вот в кого мне надо было влюбиться, — горько усмехнулся Джейсон. — Почему я такой дурак?

— Сердцу не прикажешь. И доводы рассудка оно всегда посылает очень далеко. А с Каро я все же поговорю.

Выполнить обещание, данное Джейсону, у Дианы получилось буквально в этот же вечер. Ребята решили расходиться уже часа через полтора. Собственно, когда доели торт. В конце концов, основное торжество намечено на завтра. Поэтому именинница без зазрения совести сбежала в числе первых. К слову, задержать ее никто даже не пытался. Но зал, в котором она по вечерам занималась, был занят.

Каролина с остервенением колотила боксерский мешок. Серия из шести ударов. Две секунды на отдых. И снова нападение на ни в чем не спортивный инвентарь.

— Привет, Каро, — решила обозначить свое присутствие Диана.

— Привет, Мелкая, — отозвалась девушка, продолжая наносить удары. — Как дела?

— Ничего. Я хотела бы с тобой поговорить. Ты не против?

— Я тоже хотела. Но решиться все никак не могла. Подождешь меня минут пять? Я хоть умоюсь.

Дана кивнула, и старшекурсница торопливо вышла из зала, на ходу стаскивая боксерские перчатки. Каролина вернулась довольно быстро и, судя по всему решила вокруг да около не ходить, а с ходу спросить то, что ее беспокоило сильнее всего:

— Почему вы с Джейсом не встречаетесь?

— Не знаю, — растерянно пролепетала Диана. — Мы дружим. И все.

— А почему «все»? Почему вы не встречаетесь?

— Да не знаю я. Сложилось так. А вот почему вы не встречаетесь? Он ведь тебе нравится.

— Он многим нравится. И что?

— А то, что ты ему очень сильно нравишься. Он тебе любит.

— Нет. Джейс просто влюблен. Его задел мой отказ и у него включился инстинкт завоевателя. А как только он свое получит, так я ему стану не интересна. И вообще, как только у него это помешательство пройдет немного, так все станет на свои места.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе лет сколько, что ты таких вещей не понимаешь?

— Восемнадцать. Вот исполнилось. А что я должна понимать?

— Вы хорошо смотрите вместе. И понимаете друг друга хорошо.

— Мы же дружим.

— Не верю я в дружбу между парнем и девушкой.

— Зря. Мне всегда было тяжело поддерживать дружеские отношения с

представительницами моего пола. Приятельские — еще куда ни шло, а вот более близкие... не получалось. Но в той атмосфере бешеного соперничества, в которой я росла, это и не удивительно. Можешь считать, что с девушками я дружить просто не умею. Не ревнуй.

— Я не ревную.

— Разве?

— Ревновать можно лишь того, кого считаешь своим. А Джейсон — не мой. Он может быть моим. Какое-то время. А потом? Я закончу Академию. Он останется. Найдет другую. Не будет же он два года хранить мне верность? К тому же ему и искать долго не нужно будет. Такая умница-красавица рядом. Ни один парень не устоит.

Диана едва сдержала заявление о том, что через два рода ее в Артене тоже не будет. Да, возможно, это стало бы веским аргументом в их споре. Но стоит ли оно того? Одно дело Рей и Джейс. С ними она могла быть абсолютно откровенной. А Каролину она почти не знала. А уж без оглядки доверять женщинам Танийская Академия ее давно отучила.

— Мелкая, я понимаю, — продолжила старшекурсница с доброжелательной снисходительностью. — Ты как лучше хочешь. Но эти отношения изначально обречены на провал. Они абсолютно бесперспективны. И я не хочу тратить на них время. Все равно ничего кроме боли они мне не принесут. Я не мазохистка.

— Да, у тебя ярко выраженная склонность к садизму. Хотя... тебе ведь не нравится делать ему больно. Ты просто до ужаса боишься, что больно сделают тебе. Это психологическая травма? К психологам обращаться не пробовала?

— Нет.

— Зря. Тебе не повредило бы. А на счет перспектив... вот моя попытка влюбить в себя Дэна была обречена на провал.

— А кто это?

— Это не важно. Ты все равно его не знаешь. И никогда уже не сможешь узнать. Но так, о чем я? Ах, да! Вот наши с ним отношения действительно были обречены. Потому что он любил Еву. А ведь я была красивей, талантливей. Да и характер имела не в пример лучше. Мы дружили. Не год и не два. Мы дружили долгих двенадцать лет. Но любил он Еву.

— А ты его любишь?

— Речь не обо мне. Любила. Немного.

— А сейчас?

— Я по нему скучаю. А хочешь, я тебе помогу понять, что ты чувствуешь к Джейсону? Одна минута и никаких терзаний больше. Закрой глаза.

Каро послушно смежила веки, но плотно сжатые кулаки явно показывали, как она напряжена.

— Расслабься. А теперь представь, что его нет, не было и никогда не будет. Не просто в Артене, но и вообще. Что никогда ты не увидишь его, не услышишь голоса, не почувствуешь тепло рук. Что никогда не сможешь ничего исправить, начав сначала. Потому, что его нет. А есть холод одиночества и жгучий стыд за собственную трусость и неумение сделать даже малюсенького шага навстречу тому, кто тебя любит. А теперь открой глаза и скажи мне, что тебе все равно. Скажи, что тебе абсолютно безразлично жив Джейс или нет.

Каролина ошалело уставилась на свою собеседницу и открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла произнести даже звука. Диана хмыкнула и двумя касаниями к сенсору коммуникатора, вызвала Джейсона:

— Спортзал. Второй корпус. Третий этаж. Жду.

— Это срочно? — лениво отозвался парень. — Я в душ пойти хотел.

— Вопрос жизни и смерти.

— Ладно. Сейчас буду.

Отключившись, девушка смерила пассию своего приятеля оценивающим взглядом. От былой невозмутимости и непоколебимой уверенности в правильности принятого решения (держаться от Джейса подальше) и следа не осталось. На лице растерянность. В глазах — слезы. Самое оно для разговора по душам. По крайней мере, шанс, что они хоть до чего-то договорятся, есть. А остальное не ее проблемы. Все что могла, она сделала.

— Ну, я пошла. Пока!

В дверях ее едва не сбил Джейсон. Быстро он. Бежал, видимо.

— Что с тобой случилось? — спросил он, пытаясь отдышаться.

— Ничего.

— Тогда зачем ты сказала, что у тебя вопрос жизни и смерти?

— Не у меня. У Каролины. И, думаю, она очень хочет его с тобой обсудить. А также объяснить, почему она все это время тебя отталкивала. «Спасибо» потом скажешь. Если убить не захочешь, конечно.

Она уже не видела, как ее приятель на подкашивающихся ногах проскользнул в дверной проем. Не до того было. Вопрос: «А где же ей заниматься, если этот зал занят?» — стоял ребром. Забить на тренировку, конечно, хотелось. Ведь время позднее. Она устала. Завтра тяжелый день. И, вообще, у нее сегодня день рождения. Чем не повод немного отдохнуть?

Но, как говорила незабвенная мадам Ливьер: «Потворствуют лени и стараются отыскать повод лишний раз отдохнуть исключительно неудачники. Лучшие из лучших всегда ищут причину работать еще усерднее».

Записываться в неудачники Дана не хотела. Ей и так ведь не слишком повезло в жизни. Не глобально, конечно. Она жива в отличие от остальных ребят ее класса. А вот вылететь с последнего года обучения Танийской Академии — это засада.

— Куда спешишь, малышка Ди? — вырвал ее из раздумий насмешливый мужской голос.

— Отстань, Польский, — на автомате отозвалась девушка.

— Ты сегодня не в настроении?

— Отстань. Не до тебя.

— Не будь букой. Я может решил тебя поздравить?

— Мог сделать это утром. Как все.

— Не люблю быть, как все.

— Ладно. Поздравляй и вали. Хотя, нет. Ответь сначала на один вопрос. Саша, тебе самому не надоело?

— Я — Алекс, а не Саша. Когда ты это уже запомнишь?

— Когда ты запомнишь, что я — Дана, а не малышка Ди. Нет, ну, правда. Таскаешься за мной везде вот уже три месяца. Пакостишь по мелочи. Нервы пытаешься мне мотать. Это у тебя даже иногда получается. Признаю. Но сколько собственного времени ты на это тратишь?! Это же уму непостижимо.

— Нет, не надоело. А чем тут еще заняться? И по мелочи я пакостить считаю ниже своего достоинства. Этим любят заниматься Вера и ее верная подпевала. Я просто тебя от них защищаю. Но мог бы это делать.

— За эту маленькую услугу ты требуешь очень высокую плату. Так что, спасибо, но я пока воздержусь. Оно того не стоит.

— Откуда ты знаешь? Ведь не пробовала еще.

— Интуиция. Но поболтали и хватит. У меня времени на тебя нет, — сказала девушка, ускорив шаг.

Парень тяжело вздохнул и поплелся за ней. На самом деле таскаться за старшиной ему, конечно же, надоело. Но признаться в этом кому-то кроме себя он пока не мог. И, вообще, дома его учили никогда не отступать и всегда добиваться желаемого. А малышку Ди он хотел. И не только, как объект сексуальных фантазий. Она ему нравилась еще и как... человек равный ему по силе воли, уму и упрямству. Ведь любая уже на ее месте сдалась бы, а эта включает режим «умеренного игнорирования» и просто живет. Саша на ней весь свой арсенал психологических воздействий опробовал. Результат нулевой. Но грань между, скажем так, ухаживанием и насилием он перейти и не мог. Ведь одно дело угрожать, а совсем другое по-настоящему сделать ей больно.

А ведь есть была у него такая возможность. «До сих пор есть. Нужно всего лишь намекнуть о том, что он знает об Андорском театре», — пришла ему в голову достаточно циничная мысль. И тотчас же была отвергнута, как недостойная. Отец учил его никогда не сдаваться и идти до конца. Всегда. Но при всем при этом, оставаться человеком — то есть придерживаться собственных принципов вне зависимости от того выгодно тебе это сейчас или нет. И одним из принципов Александра Польского было: «Не искать своей выгоды в чужой смерти». А в Андорском театре произошло столько смертей, что и не сосчитать. И напоминать Диане о них нельзя. Никогда.

— Ты все равно моей будешь, — нахально заявил Алекс.

— Мечтай, — парировала девушка. — И шел бы ты... куда-нибудь. Хватит уже мельтешить тут. Я сейчас разминаться буду. Получишь в глаз. Ногой. Случайно, разумеется. Но потом не говори, что тебя не предупреждали.

— Не буду.

Последние полтора часа Аверин пребывал не в самом лучшем расположении духа. А все потому, что ему позвонил Стас, и старательно подбирая слова, попытался пересказать его разговор с матерью Вадима. И до сих пор мужчина не мог выбросить этот разговор из головы.

— Тетя явно задумала влезть в какую-то авантюру. Я не могу утверждать ничего конкретного, — сказал ему двоюродный брат. — Она почти ничего мне не сказала. Только бросала загадочные фразы о том, что ты, наконец, обретешь счастье, и все у тебя будет, как надо. Только тебе нужно немного помочь.

— Неужели ты не поймал никакой зацепки? Ни за что не поверю. С твоими-то талантами такое просто невозможно.

— Это только мои предположения.

— Дважды за сегодняшний день слышу эту фразу. И, признаться, она мне порядком надоела. Сначала Вирэн. Теперь — ты.

— Кстати, что у тебя с ней?

— Ничего!

— Почему?

— Сложно сказать.

— Но она тебя все еще нравится?

— Да.

— И ты?..

— Я... что?

— Не думал, что тебя надо учить очаровывать женщин.

— Женщин очаровывать меня учить не надо. Только какая с нее женщина? Подросток она. Ладно, Стас, давай вернемся к коварным планам моей матери.

— Мне показалось, что она задумала тебя женить.

— Это не новость.

— Нет, ты не понял, она хочет женить тебя в самое ближайшее время. Как мне кажется, это радостное событие должно произойти до юбилея твоего деда.

— Но это же невозможно. Чтобы я прилетел на юбилей с женой, мне нужно чуть ли не сегодня подать заявление на регистрацию брака. Иначе к сроку не успею. Ты ничего не напутал? Я ведь даже невесты не имею. Вероятность того, что я без памяти влюблюсь и предложу кому-нибудь руку и сердце крайне мала.

— Брат, я могу быть не прав. Но для того, чтобы подать заявление на регистрацию брака не обязательно влюбляться. Более того, не обязательно даже испытывать симпатию с будущей супруге.

— Ты сейчас, о чем?

— Тебя могут вынудить. Мало ли способов сделать это? Девушка может пригрозить скандалом, который не слишком хорошо скажется на твоей карьере. Например, выдвинуть ультиматум: «Или ты женишься, или она идет в полицию и обвиняет тебя в изнасиловании».

И даже если потом докажут, что ничего такого не было, слухи-то пойдут. Есть другой вариант. Девушка набивается тебе в любовницы, а потом объявляет о том, что ждет ребенка. И снова ультиматум: «Или женишься, или все СМИ уже завтра будут говорить о том, что ты бросил беременную подружку».

— Ты несешь какой-то бред.

— Если бы. Но как окружили не одного и не двух мужчин. Вадим, я не утверждаю, что тетя задумала нечто подобное. Но ты же ее знаешь. Она немного наивна и могла попасть под влияние какой-нибудь расчетливой гадины. Вполне возможно, твоя мать даже не подозревает, в какую ловушку ты будешь загнан и действует из самых лучших побуждений. Я просто прошу тебя быть осторожнее.

— Ты знаешь ситуацию страшнее, чем та, когда человек не может доверять своей семье?

— Мне стоило промолчать?

— Нет, конечно. Прости.

— Постарайся не общаться с многочисленными протеже твоей матери. Не светись на камеру. Это не должно быть так уж сложно.

— Я обещал сопровождать ее на помолвку Катрины Андраши. Ты же помнишь ее?

— Это такая зеленоглазая рыженькая девочка, которая вечно таскалась за нами? Я еще в нее влюблен был. Недолго. Пока она меня в шахматы не обставила.

— Шесть раз.

— И не напоминай! Как она? Кто счастливый избранник?

— Она... хорошо. Пошла по стопам родителей и сейчас занимает какой-то важный политический пост. А ее жених — Рудольф Карден. Это, если мне не изменяет память, какая-то звездочка из мира богемы.

— Ты издеваешься? Назвать Кардена звездочкой. Это только ты мог. Он — гений. Признанный. Ладно, передавай Катрине мой пламенный привет и наилучшие пожелания. А сам будь осторожен. Если я что-нибудь узнаю, сразу же позвоню.

— Спасибо. Пока, Стас.

— До скорого.

После этого разговора Вадим почувствовал, что лечь спать пораньше, сегодня не получится. Будет вообще чудом, если он сегодня уснет. Нужно себя занять. Срочно.

Но Майка, как назло нет в Академии. Так что даже выпить не с кем. Можно, конечно, вырваться в город и оторваться в каком-нибудь из ночных клубов. Он так делал не раз и не два. Если одеться в джинсы и футболку, плюс ко всему кепку натянуть, то никто и не заподозрит в нем майора Аверина. Он будет просто молодым мужчиной среднего достатка, который решил немного расслабиться. Но предупреждение Станислава твердо засело в его голове. Вдруг его правда хотят подставить и вынудить жениться?

— Я такими темпами скоро в параноика превращусь, — выдохнул Вадим, потирая переносицу. — И от женщин, как от огня шарахаться начну. Надо выбросить это из головы. И выпить. Нет. Сначала на беговую дорожку. Хорошо позаниматься. А потом уже выпить, если к тому времени не успокоюсь.

В зал майор входил в некотором даже предвкушении. Все проблемы немного отошли на второй план. Потому что бегать он любил. Действительно любил. А тишина и уединение сейчас были как нельзя кстати. Но не случилось. В зале уже обосновалась парочка. И он было уже, хотел уйти, но услышал усталый голос Дианы Вирэн:

— Да отстань ты, Польский! Мешаешь.

— Знаю. А хочешь, перестану?

— Допустим.

— Поцелуй меня, и я сделаю все, что ты захочешь.

— Вообще все?

— Нет, конечно. Но уйду, если пожелаешь.

— Ты меня достал. Это, во-первых. Не хочу я с тобой целоваться. Это, во-вторых. Не отстанешь, нажалуюсь Джейсу и Рею. Это, в-третьих.

Майор проскользнул в зал и, демонстративно не обращая внимания на курсантов, подошел к беговой дорожке. Нет, по большому счету ему надо было бы сделать Польскому замечание. Ну, или хоть укоризненный взгляд бросить. Потому, что ему самому хотелось поцеловать маленькую балерину. Но позволить себе быть столь... настойчивым он не мог. Не по возрасту это. Да и статус у него уже не тот, чтобы такое сошло ему с рук.

Но парень, бросив на куратора тоскливый взгляд, быстро попрощался с Даной и чуть ли не бегом покинул зал. Девушка вздохнула с облегчением. Ну, наконец-то! Теперь ей никто не будет мешать. Как же хорошо, что Адмирал решил сегодня побегать!

Минут через двадцать девушка уже не была уверена, что появление майора — это такая уж удача. В конце концов, Польскому можно было совершенно случайно на ногу наступить, и даже не один раз. Это, конечно, не панацея, но лучше, чем ничего. А тут...

Диана бросила на свое непосредственное начальство раздраженный взгляд. Вадим лишь усмехнулся и продолжил, как ни в чем не бывало любоваться своей подопечной. Посмотреть-то было на что. Одни ножки чего стоили. А уж как она танцевала! Легко. Грациозно. И точно. Ничего лишнего. Слово каждое движение тысячу раз выверено и доведено до совершенства. В общем, майор получал эстетическое удовольствие в дополнение к тренировке.

А вот девушка никакого удовольствия не получала. Аверин ее отчего-то сильно нервировал. В чем была причина, Дана понять не могла. Ведь за ее занятиями часто наблюдали, оценивали. И ничего страшного она в этом не видела. Что же не так сейчас? Ведь он просто смотрел.

Вот только взгляд его был каким-то взрослым. Уверенным. Спокойным. И в то же самое время заинтересованным. Но не было в нем подчеркнутого вожделения Польского. Хотя в последнее время, по мнению Дианы, никаких особых признаков влечения Саша уже не выказывал. И «ухаживал» он за ней скорее из упрямства, не находя в себе сил признать собственное поражение. Репрессий, которыми он не раз и не два ей грозил, тоже не было. И это навело на одну интересную мысль. Может он не такой отморозок, каким хочет казаться? Но что-либо утверждать пока было рано.

Еще через пять минут девушка уже жалела, что ее однокурсник ретировался. Потому что он хоть и мешал сосредоточиться, но все же не так, как Аверин. Но самое ужасное было не то, что майор наблюдал за ее занятием, а то, как она реагировала на его взгляды.

Стоило их глазам на долю мгновения встретиться, как ее бросало в жар, сердце вдруг начинало бешено колотиться, дыхание перехватывало, а в животе принимались порхать чертовы бабочки. Симптомы говорили сами за себя, и оптимизма не внушали. Хотя почему все это происходит, Дана все равно понять не могла. Рей и Джейс гораздо симпатичнее. А Геральд Рое — старший брат Эдмонда имел просто фантастическую внешность. Девушки к его ногам падали и штабелями укладывались. А Диане хоть бы что. Ни намек не то что бы

на влюбленность, а даже на интерес.

Но было видимо в Ледяном Адмирале что-то особенное. Магнетизм, наверное. И сопротивляться ему девушка не могла. Вот только почему только она должна чувствовать себя так... некомфортно?

Это было безумием, но кто в восемнадцать лет не совершает безрассудные поступки?

— Я включу музыку? — спросила она, бросив на майора делано-невинный взгляд.

— Конечно, — спокойно ответил мужчина.

Диана предвкушающее улыбнулась. Ну что ж... ты попался. Вариацию Кармен она выучила еще к Весеннему Смотру и по уверениям всех парней ее класса это было нечто невероятное. Вроде бы все достаточно невинно, но равнодушным не может оставить никого и провоцирует самые смелые фантазии. По уверению Олега, увидеть и не захотеть — не реально. Даже Дэн, скрепя сердце, с ним в этом согласился. Сама она относилась к этим заявлениям с изрядной долей скепсиса. Парни, вообще, много чего болтают. Но дыма без огня не бывает. Так ведь? А это значит, что хоть крупица правды в этом была.

Была...

Стоило только заиграть первым аккордам, а ей просто вздернуть подбородок и повести плечом, как его глаза полыхнули. И вот в них уже не любопытство, а жаркий интерес.

Да, это было безумием. Но таким сладостным и манящим. Таким желанным.

Она не просто танцевала. Она впервые дарила себя тому, кто готов был принять этот подарок.

От этого кружилась голова и за спиной вырастали крылья.

Это было прекрасно.

Еще никогда Диана не чувствовала рисунок своего танца настолько полно и легко. Все: каждое движение, и даже взгляд из-под полуопущенных ресниц несли в себе смысл, дарили волшебство красок каждому па.

Мадам Желис требовала от нее страсти, постоянно приводила в пример Ирэн или Еву. Но это как был разговор слепого с глухим. Диана не понимала, каких таких страстей не хватает ее преподавателю и зачем они вообще нужны, если присутствует виртуозное исполнение элементов. А Марго Желис понимала только одно: ее не слышат.

Но теперь все изменилось.

Навсегда.

Благодаря ему.

Девушка улыбнулась и бросила в сторону Вадима кокетливый взгляд и испуганно застыла на месте. Мужчина одной рукой держался за поручень уже остановившейся беговой дорожки, а другую прижимал к груди. Она даже не заметила, как подскочила к нему.

— Что с вами? Сердце?

— Нет, — хрипло ответил Аверин и даже попытался улыбнуться. — Сейчас все пройдет.

— Может врача?

— Не надо. Это просто спазм. Иногда бывает.

Сделав глубокий вдох мужчина с видимым усилием оторвал руку от груди и залез в карман, достав оттуда маленький иньектор с ампулой обезболивающего. Пару мгновений понаблюдав, как мужчина пытается приставить его к сгибу локтя, Диана решила, что так дело не пойдет. Подобные уколы ей приходилось делать не раз и не два. В этом нет ничего сложного, если, конечно, тебя не скручивает приступ боли. Тогда возникают некоторые

проблемы. Руки, например, трястись начинают.

— Отдайте. Я сама вам укол сделаю.

— А сможешь?

— Конечно, — отозвалась она несколько раздраженно. — Этому еще в третьем классе учат. Полезный, кстати, навык. Знали бы вы, сколько я таких уколов за свою жизнь сделала. И не только себе. Ну, вот и все. Попробуйте сесть.

Вадим кивнул и медленно опустился на ленту дорожки, а потом, судорожно стиснув зубы начал массажировать шею и левое плечо. Диана присела рядом. Вздохнула и столкнула его руку, заменив ее своими тоненькими пальчиками.

Майор едва не закричал от боли. Но привычно сдержался. В первый раз что ли? Вдруг еще девчонка испугается? Она ведь все делает правильно. Сейчас... да, еще минутка и станет легче.

— Тише. Все хорошо. Только дышите. Ладно? — начала она тараторить, явно заговаривая ему зубы. — А у меня однажды ногу судорогой свело. На сцене. И ладно бы просто... это был танец маленьких лебедей. А там не то, что остановиться — с шага сбиться нельзя. Ужас, в общем. Не знаю, как я дотанцевала. До сих пор вспоминать страшно. Кстати, мне с белым балетом, вообще не везет. Не чтобы не получается. Просто не везет. Маэстро Горский говорил, что белый балет — дитя луны. Нежные, легкие, таинственные. Они особенно прекрасны в свете сумеречного серебра. А во мне слишком много солнца и тьмы. Я — сплошной контраст. С одной стороны, обидно. Потому что хочется... получить все и сразу. А с другой... кто-то должен быть ярким, кто-то должен быть ярким, завораживать, дарить радость и пугать. Наверное.

Вадим улыбнулся, хотя эту улыбку Диана и не заметила, погруженная в рассказ о горестях маленькой балерины. Она говорила. Он слушал, не понимая и половины. Завороженный ее голосом, мужчина растворялся в кружеве слов. Он одновременно испытывал удовольствие от того, что она рядом, что ей не все равно. И вместе с тем чувствовал себя идиотом. А поймав в зеркале свое отражение, понял, что он не только чувствует себя так, но и выглядит соответственно. С точно таким же выражением на него смотрели светские львицы, когда он начинал рассуждать об особенностях маневровых двигателей и тактике ближнего боя. Вроде слова знакомые, а суть неизбежно ускользает.

— Именно поэтому мне и не дали партию Одетты в «Лебедином озере». Ну, то есть мы не весь спектакль ставили, а только его часть. Для Смотра. И роль Одетты-Одиллии там была разделена на две. Мне лучше давалась партия черного лебедя. На фоне моей Одиллии Одетта в исполнении Ирэн казалась скучной и совершенно неинтересной. А должно было быть наоборот. В результате свой первый «взрослый» балет я провела на вторых ролях. Было обидно. Но Испанский танец — это тоже не плохо, особенно, если тебе всего тринадцать лет, вы не находите?

— Не знаю. Я не особенно люблю балет. Поэтому не совсем в теме...

— Каждому свое, — рассеянно отозвалась девушка.

— Ты, наверное, не понимаешь, как такое может быть?

— Не понимаю, — она тихо рассмеялась. — В этом вы правы. Разве можно жить без танцев?

— Одержимая.

— Да. Но это уже не лечится.

— Расскажи еще что-нибудь.

— Что, например?

— Не важно. Ну, например, про второй «взрослый» балет.

— Он от первого не особенно-то отличался. И третий тоже. По уверению педагогов во мне не было духовного стержня. То есть с точки зрения техники все идеально, а смотреть скучно. Не брало за душу и все. Мадам Желис всегда твердила, что таких как я — бездушных, надо с позором гнать из балета. Она, вообще считала, что технику можно отточить, а энергетика или есть, или ее нет. А Маэстро Горский говорил, что когда я танцую классику, то слишком погружена в себя, но придет время и научусь раскрываться. С характерным танцем у меня проблем ведь нет. Но мне кажется тут дело в другом. Я их не понимаю. Ну, этих... чистых и светлых. Большая часть из них совершенно бесхарактерные. А поведение остальных иначе, как виктимным обозвать нельзя. А это... ненормально. Я за это Жизель не люблю. Он ее предал, убил фактически, а эта дура, даже будучи вилиссой его спасать бросилась.

— Но она, наверное, его любила?

— Да. Любила.

— Сильно?

— Сильно.

— Значит все правильно.

— Не знаю. Возможно, и правильно. Вот только это не честно. Он играл ее жизнью, а она его простила. Я бы так не смогла. Как оказалось, я, вообще, не умею прощать, — девушка на мгновение замолкла, а потом нерешительно спросила — Вам лучше?

— Спасибо, — тихо отозвался он.

Вадим тяжело вздохнул и с неудовольствием отметил, как Диана убирает теплые ладошки с его плеч. Потом майор слегка повернулся к ней. Их лица оказались на одном уровне. Глаза в глаза. Стоит ему или ей хоть немного податься вперед и их губы встретятся. Какое глупое, и какое сладостное в своем безрассудстве желание.

И ему стоило огромных усилий сдержать этот безумный порыв, особенно наблюдая, как в смущении вспыхивают ее щеки.

— Да не за что, — смущенно пролепетала девушка, не зная, куда спрятать глаза. — Но вам лучше обратиться к врачу. Может все же позвать кого-нибудь?

— Не стоит. Все уже нормально. Я пойду к себе. Мне просто нужно отдохнуть, — ответил Вадим, медленно поднимаясь на ноги.

И единственной мыслью его было: «Как бы добраться к себе и не свалиться по дороге? А то девчонка до смерти напугается».

Пока они дошли до комнат преподавательского состава, Диана раз десять предложила вызвать врача. Под конец мужчина не выдержал и рявкнул:

— Вирэн, отставить никому не нужные инициативы!

— А вдруг вам сейчас хуже станет?

— Не отстанешь?

Дана упрямо помотала головой

— Тогда заходи.

— Что?

— Заходи, говорю. Я сейчас еще таблетку выпью и окончательно в норму приду. Сама убедишься. Иначе ведь побежишь еще к медикам. Добро пожаловать, кстати, в мои апартаменты. Чувствуй себя, как дома.

Девушка опасливо переступила порог, но уже через пару мгновений принялась с любопытством изучать интерьер. Если честно, этот от блока парней отличался только тем, что здесь присутствовала всего одна кровать, а еще имелся в наличии большой письменный стол.

— Чай или кофе? — донеслось до нее от противоположной стены.

— Нет, спасибо.

— Вирэн, не раздражай меня. Я паршиво себя чувствую. Это на моем настроении сказывается не лучшим образом.

— Чай, — быстро исправилась она.

— А я... тоже чай. Только с коньяком. Тебе не предлагаю. Извини. Правила Академии. Зато у меня есть конфеты. Любишь шоколад?

— Не особенно.

— Это ты просто не пробовала «Леоне». Они даже мне нравятся. Садись за стол. Я сейчас.

Девушка послушно подошла к столу. Села в офисное кресло и с любопытством уставилась на майора. Выглядел он значительно лучше. Хотя вел он себя странно.

Нет, к тому, что он почему-то заставляет ее пить чай, Дана уже привыкла. В конце концов у всех свои маленькие пунктики. Но то, что происходило сейчас было... неправильно что ли. Кто он, и кто она?

Учитель и ученица.

И уж никак не мужчина и женщина.

Разве может Ледяной Адмирал посмотреть на нее иначе, как на малолетнее недоразумение?

Конечно нет.

Но смотрит. Улыбается. И сидит рядом.

— А тебе доставались роли... ну, этих, как ты их назвала? Бесхарактерных, светлых и чистых.

— Конечно. Мы разучивали разные вариации. Меня ведь как будущую солистку готовили. А на Смотрах — нет. Мне почти всегда отрицательные персонажи доставались. Они у меня лучше всего выходили. Некоторым ненавидеть легче, чем любить. Маэстро Горский так говорил.

— Наверное, обидно?

— Нет. Это ведь, правда. Ненавидеть легче. Оно у меня само собой получается. А любить... мне еще только предстоит этому научиться. Но, вы в чем-то правы. Раньше слышать это было неприятно. А сейчас я понимаю: правильно они меня на первый план не пускали. До света нужно дорасти. Но королева из меня отличная получилась.

— Какая королева? — Вадим нахмурился.

— Мирта. В прошлом году темой нашего Зимнего Смотра была «Жизель». И мне досталась роль повелительницы вилиис.

— Ты, наверное, была очень красивой королевой?

— Да, — засмеялась девушка. — Мне невероятно шла корона. Но на эту роль меня взяли не поэтому. Я единственная в классе не сочувствовала Альберту и считала, что он должен заплатить за то, что сделал с глупышкой-Жизель. Я являлась воплощением беспощадности.

— А сейчас?

— И сейчас. Предательство нельзя простить. Нельзя простить то, что повлекло за собой

смерти невинных.

— Ешь конфеты. — Майор смущенно подтолкнул к ней коробку.

Дана с тяжелым вздохом взяла одну. Шоколад она действительно не очень любила. Но не отказываться же! Хотя, конфета действительно оказалась вкусной, о чем она тут же сообщила своему визави.

— Я же говорил, — улыбнулся он, а потом как-то подобравшись, спросил. — Скажи, что происходит? Почему Польский Тебе прохода не дает?

Девушка поджала губы и отвернулась. Вадим ждал. Но Диана упрямо продолжала молчать. Аверин сделал пару глотков обжигающе горячего напитка и продолжил:

— Он тебя преследует?

— Нет.

— А мне кажется, что да. Ты что же... признаться боишься? Вроде не из робкого десятка.

Девушка прожгла его злым взглядом и холодно произнесла:

— Знаете, сэр, мне тоже кажется, что он меня преследует. Но доказать это я не смогу. Мое слово против его слова. Только проблем огребу за дачу ложных показаний.

— А если я интересуюсь не как должностное лицо?

— Тогда это — праздное любопытство.

— Поговорить с ним?

— А смысл? Он ведь не делает ничего такого. Вы ему ничего предъявить не сможете.

— Ты его боишься?

— Польского? Очень смешно. Еще я каких-то мальчишек не боялась. Ну, что он мне сделает? Убить духу не хватит. Ударить — и то не сможет. Он хоть и не образец добродетели, но не совсем же debil. Здесь камеры на каждом углу. Увидят. Поймают. Накажут. Нет, он так подставляться не будет. А почему вы на меня так смотрите?

— Как?

— Странно.

— Дети не должны так рассуждать.

— Я не ребенок.

— Говорит девочка, которой восемнадцать только сегодня исполнилось.

— Ну и что, что сегодня? Уже исполнилось, а значит я — уже не ребенок.

— Вот же упрямая.

— Какая есть. И... не беспокойтесь за меня. Я сама с этой проблемой справлюсь.

Ничего он мне не сделает. А ваше вмешательство только навредит.

— Но ты мне скажешь, если он...

— Не скажу. Еще я на одноклассников учителям не жаловалась. Но, как вижу, вам действительно уже лучше.

— Намного.

— Тогда я пойду? Время-то позднее. Но если вы почувствуете себя хуже...

— Вызову врача.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи. И... спасибо, что была со мной.

Будильник зазвенел как обычно в 5.40 И Диана выпорхнула из постели раньше, чем проснулась и побежала умываться. Привычка, выработанная годами. Будешь разлеживаться, окажешься последней в очереди из десяти девочек.

Мария на соседней кровати застонала:

— Ну, зачем нам вскакивать в такую рань?

— Надо. Иначе не успеем позаниматься. Но если не хочешь, можешь спать дальше. Я разбужу, когда вернусь.

— Я с тобой! — Волевым усилием Мари откинула одеяло и села.

— Зачем?

— Хочу такую же осанку. И растяжку. И плоский животик. И ножки.

— И грудь? — подсказала Дана.

— Нет, грудь меня, и моя устраивает. К тому же она на два размера больше твоей. Не обижайся. А так... хочу, как ты.

— На правду не обижаюсь. Но если хочешь растяжку, то вставай. Сама по себе она не появится. Только как у меня не получится. У тебя выворотность ног не очень хорошая.

— Не очень хорошая — это вежливое определение «очень плохая»?

— С точки зрения среднестатистического курсанта военной академии — нормальная. А вот в балет тебя бы не взяли. У тебя головка бедренной кости глубоко входит в ветлужную впадину, и связки не очень эластичные. А еще носки стоп повернуты внутрь.

— Это так заметно?

— Для меня. Ладно, я первая, а у тебя десять минут на то, чтобы выбраться из теплой кровати и пойти до душа.

Спустя двадцать минут девушки сонно брели к боксу парней. А Мари, словно мантру твердила:

— Хочу похудеть. Хочу быть гибкой. Хочу сесть на шпагат.

— Для того чтобы быть гибкой и садиться на шпагат не обязательно худеть.

— Хочу быть красивой.

— Ты и так красивая. А если похудеешь, то груди третьего размера у тебя точно не будет.

— Ладно, — Мари решила сегодня быть покладистой. — Не хочу худеть.

Дверь бокса распахнулась и из нее вылетел востроухий Джейс. Увидев подругу, он улыбнулся и в два шага преодолел расстояние их разделяющее. А потом кинулся обниматься:

— Дана, я тебя люблю, — прошептал юноша ей в макушку и закружил.

— Отпусти! — взвизгнула девушка. — Ты с ума сошел? Вчера же только Каролину любил.

— А со вчерашнего вечера он любит весь мир, — усмехнулся Рей. — И, да, он сошел с ума. А еще... мы точно знаем, кто в этом виноват.

— Каро?

— Она, безусловно, тоже. Но, на сколько мне известно, кое-кто им посодействовал.

— Ничего не знаю! — гордо объявила Диана, выворачиваясь из объятий приятеля.

— Может, мы пойдем в зал? — подал голос Снежный. — А то стоим здесь. Шумим. Остальным спать мешаем. Они же в отличие от нас нормальные и в шесть утра предпочитают спать.

— Мы тоже нормальные, — не согласился Джейс. — Просто другие.

— Ты сам-то в это веришь? — спросила незаметно подобравшаяся к ним Каро.

— Да, — улыбнулся парень. — Верю. Привет, солнышко.

— Привет, — Каролина сердито насупилась. — Джейсон, не мог бы ты не обзывать меня при посторонних, всякими солнышками, рыбками и слониками?

— Да без проблем. А как тебя обзывать можно?

— Никак. Наедине — хоть прикроватной тумбочкой. А на людях — только по имени.

— Хорошо, милая.

— Я не милая! — практически зарычала Каро.

— Ладно-ладно. Только не нервничай. И, кстати, ты чего в такую рань встала? Решила примкнуть к нашему клубу жаворонков?

— Не совсем. Наш клуб жаворонков приглашает ваш. Я знаю одно классное место. Зал. Пойдемте. Вам понравится. Там очень круто. А еще Кейн с Авериным иногда заглядывают. Не слишком часто, но бывает.

— А зачем? — нахмурился Рей.

— Что "зачем"?

— Аверин зачем заглядывает?

— Что б мы не расслаблялись. Или ты думаешь, что у Адмирала личных ученики всегд двое — ты и Джейс?

— Нет. Но, если честно, я особо над этим не задумывался. А много нас таких?

— Мало. Всего шестнадцать.

— И вы все вместе занимаетесь?

— Да. Если захотите, примкнете к нам.

— Но мы то, — нахмурился Тео. — Не ученики Аверина.

— На самом деле это не принципиально. Просто раньше никто кроме нас в пять утра вставать не хотел. Теперь вы вот появились. И мы решили, что такие, как мы должны держаться вместе. Нас ведь до обидного мало.

Знакомство с еще одним клубом жаворонков прошло довольно легко. Ребята оказались открытыми и веселыми. Но Диана решила для себя, что заниматься с ними в одном зале она не будет. Общий шумовой фон мешал, сбивал с нужного настроения. А вот остальным, похоже, понравилось. Даже Тео к концу тренировки весело болтал с рыжим старшекурсником.

А после завтрака была долгожданное увольнение и побег в город. К их шестерке, разумеется, присоединилась Каролина. Правда, ненадолго. Новоявленная парочка исчезла практически сразу. Нет, они, конечно, обещали присоединиться к друзьям позже, но в это никто не верил. Даже Диана. Хотя она не так уж и много знала о влюбленных. Только теорию и то, что можно почерпнуть из наблюдений за людьми, подцепившими этот прекрасный недуг.

Говорят, сраженные стрелой амура не чувствуют времени. Их головы кружит счастье, а глаза застилает марево из страсти и нежности. Поэтому стоит ли удивляться, что они вечно о чем-то забывают и постоянно опаздывают?

Мари и Тео оказались более стойки к соблазнам. Они пробыли с друзьями почти до обеда. Потом так же сбежали. А оставшаяся троица: Диана, Рей и Миха продолжила бродить по городу и есть мороженное. В ближайших планах был поход в кино. Так как раз шел художественный фильм «Мы — последний рубеж» про Верийский Конфликт. Основанный, разумеется, на реальных событиях. И ребята гадали, появится ли там хотя бы мельком Вадим Аверин? А если появится, будет ли он похож на себя настоящего?

Но совместный поход в кино не удался. На Площади фонтанов они наткнулись на фестиваль брейк-данса. И тут случился конфликт интересов. Парни, которые решили не просто посмотреть, но и даже принять участие в творимом безобразии. Правда, в профи они предусмотрительно не лезли, ограничившись заявками в отборочную группу начинающих. А вот Диана их энтузиазм не разделила. Брейкинг не был ее любимым направлением. И застрять там на ближайшие шесть часов, а то и больше она не хотела. В частности, из-за своего внешнего вида. Платья в стиле «La ballet» ей безумно шли. А серебристо-белый шелк чудесно оттенял кожу, на которую ровным слоем лег загар. Но среди пестрой толпы неформалов девушка чувствовала себя неуютно. Хотя бы даже потому, что большинство ребят смотрели на нее с некоторым недоумением. И на их лицах явно читался вопрос: «Это девочка, что, заблудилась?»

Поэтому Диана пожелала приятелям хорошо повеселиться и вызвала такси в надежде успеть на дневной сеанс.

Но ей не повезло. Даже на такси в кино она опоздала. И теперь ближайшие три часа ей решительно нечем было заняться. Не на фестиваль же возвращаться. Поэтому Дана решила прогуляться по магазинам. А еще хоть издалека посмотреть на Театр имени Джой Эмбер. О том, чтобы попасть внутрь и речи не было. Театр сегодня занимала труппа Рудольфа Кардена. У них были зимние гастроли. А билеты на все три постановки, которые они представляли в Артене, были раскуплены давным-давно. Да и стоили столько, что Дана и мечтать о таком не смела. Но на сам театр: ступени и колонны из розового мрамора и потрясающе-красивые витражные окна это любоваться не мешало.

Такси высадило Вадима в нескольких метрах от театра. Но заходить внутрь он не спешил. Нужно было дождаться маму. Мужчина взглянул на часы. Билеты ведь у него. Ну, как всегда! До начала спектакля всего полчаса, а Сильвия Динар все еще непонятно где. Как будто это он хотел пойти в театр!

— Я вполне мог отговориться неотложными делами и прийти только на прием, — не в силах сдерживать собственное раздражение, пробормотал мужчина.

И тут на его комм пришел звонок. Вадим взглянул на экран и быстро коснулся сенсора.

— Да, мам.

— Здравствуй, дорогой. Ты же уже приехал? Поднимайся скорее на наши места, — зашебетала Сильвия. — Прости, я немного увлеклась беседой с Лолитой Рэндом и ее отцом, совершенно забыв о времени. Они, как оказалось делят с нами нашу ложу. Разве это не чудесно? Пока я и Шарль будем вспоминать старые времена, вы с Лолой развлечете друг друга. Да и на приеме тебе будет с кем потанцевать. Я обещала Шарлю, что ты не дашь скучать его дочери, пока он будет развлекать меня.

— Нет, — Вадим решительно отказался от сомнительной чести сопровождать мисс Рэндом.

— Что?

— Я не собираюсь развлекать твою приятельницу.

— Но почему?

Почему? Как бы ответить на этот вопрос? Честно? Тогда Сильвия обзовет сына дурно воспитанным и черствым, а потом месяц будет изводить его упреками. Так что придется изворачиваться. Майор начал растерянно озираться по сторонам, словно бы окружающий мир мог дать ему подсказку в решении столь непростой проблемы. И мир не подвел. К театру танцующей походкой шла Диана Вирэн. Она улыбалась. Глаза ее сияли. А с распущенными волосами играл ветер.

— Мама, я буду не один. Со мной придет девушка. Так что Лолиту придется развлекать вам с ее отцом. Все, мама. Я не могу пока говорить.

Мужчина сбросил звонок и поспешил к своему спасению.

— Вирэн, стой!

Девушка обернулась и изобразила на лице вежливую улыбку.

— Добрый день, сэр.

— Хочешь пойти в театр? — взял с места в карьер Вадим. — Сейчас.

— Простите?

— Ты же любишь балет?

— Допустим, люблю.

— А я предлагаю тебе пойти в театр со мной. У меня совершенно случайно оказался лишний билет.

— А в чем подвох?

— Ни в чем.

— Не верю.

— Слушай, Вирэн, ты мне друг?

— Вообще-то, я ваша ученица.

— И ни капельки мне не друг? Даже после вчерашнего?

— Ну... ладно, — смущенно отозвалась она. — Немножко друг.

— Тогда пошли. — Мужчина схватил ее за запястье и буквально потащил за собой. —

Мы опаздываем.

— Но может вы, все же, мне скажете, в чем дело? А то мне как-то неуютно.

— Сегодня ты будешь моей девушкой.

Диана аж споткнулась от неожиданности, а потом ошарашено уставилась на своего куратора.

— Понарошку, разумеется, — поспешил успокоить ее Аверин. — И только на сегодня. Ну, пойдём. Не стой столбом, Вирэн. Понимаешь, сегодня с нами в ложе будет одна женщина. Лолита Рэндом. Она имеет на меня кое-какие планы, которые лично я не разделяю.

— Замуж хочет?

— В точку!

— За вас или вообще?

— Иногда меня пугает твоя проницательность. Да, она просто хочет замуж.

— А в чем тогда проблема? Зачем тогда за вами охотиться? Как будто это так сложно найти мужа.

— Не знаю. Наверное, для нее сложно. Ведь брак — это та же сделка. Ты что-то отдаешь. Что-то получаешь. Хотя нет... ты отдаешь себя и получаешь другого человека. И,

если так можно выразиться, сделка должна быть честной.

— Вы считаете, что ей нечего вам предложить?

— Да. Но вот в этом вопросе уже она со мной не согласна.

— Почему?

— Мы смотрим на мир по-разному. Ценим разные вещи. Она считает себя утонченной красавицей, способной сделать счастливым любого мужчину.

— А вы видите поверхностную особу с манией величия?

— Повторюсь, но меня пугает твоя пронизательность. И скажу по секрету. Я в ней даже красавицу не вижу.

— Почему?

— Не знаю.

— А во мне вы красавицу видите? — девушка кокетливо стрельнула глазками, но не выдержала и рассмеялась. — Да пошутила я! Не надо на меня так смотреть.

— Знаешь, Вирэн, я красивей тебя никого в своей жизни не встречал, — серьезно, и даже торжественно ответил майор.

Девушка все продолжала смеяться, будто бы услышала весьма остроумную шутку. Это было обидно. Он ведь ей комплимент сделал. Искренний! И даже не польстил ни капли. Девчонка ведь и, правда, чудо, как хороша.

Аверин тяжело вздохнул, а потом напомнил себе, что совращение детей, даже и перешагнувших рубеж восемнадцати лет, и де-юре являющихся совершеннолетними недостойно боевого офицера. Не помогло. В голове всплыла шальная мысль: «А может жениться? Это тогда будет не совращение, а супружеский долг». И, как это ни странно, особого отторжения в душе майора она не вызвала. Наоборот. Перед его внутренним взором начали мелькать идиллические картинки будущей жизни.

Диана в его доме, в спальне, в которую он никогда не пускал чужих. В его постели. Нет, там побывало немало женщин. Но это же не считается. Развлечения молодого холостяка и жена — вещи совершенно разные.

Детская, в которой живет маленькое голубоглазое чудо. Желательно, конечно, мужского пола. Будет жаль, если династия военных на нем прервется. Но маленькая девочка со смешными кудряшками стояла перед ним, как живая, в отличие от гипотетического сына-наследника.

Потом прорезался цинизм, который подсказал, как можно получить все то, о чем он позволил себе размышлять. Сделать это легко. Дана сейчас находится в очень шатком положении. У нее никого нет. Приятели, хоть и вполне перспективные ребята, но защитить ее не смогут при всем желании. Слишком молоды. И стоит только намекнуть, что все ее проблемы можно решить, вступив в брак, как она тотчас же ухватится за эту возможность. Разумеется, если разыграть эту партию по всем правилам. То есть не ставить ей условия: «Ты мне постель и ребенка. Я тебе защиту и возможность заниматься балетом». Здесь нужно действовать по-другому. Более мягко. И защиту пообещать в знак любви. Да, в конце концов, так ли сложно очаровать неискушенную девочку?

Это было гадко. И Вадим едва сдержал брезгливую гримасу. Какая же он сволочь! Так же нельзя! Нельзя играть чувствами этой невинной малышки. Ей же и так от жизни досталось. А он еще добавит хочет, втянув ее в брак по расчету. Гормоны, видимо, решили дать отставку мозгам и совести.

— Простите, — Диана смущенно потупилась. — Я не хотела вас обидеть.

— Я не обижен. А на что я мог бы обидеться?

— Не обижен. Слова правильные. Вроде бы действительно обижаться не на что. Но ни ваш тон, ни выражение глаз сказанному не соответствуют.

— Не обращай внимание. Просто вспомнил кое-то.

— Мне жаль.

— Забудь.

— Уже забыла! — бодро отрапортовала девушка. — Я иду на «Die Kameliendame» Ноймайера!

— Что? Куда ты идешь?

— На постановку. Вы же сами меня пригласили. «Дама с камелиями» — один из моих самых любимых спектаклей.

— А... — глубокомысленно протянул мужчина. — Про что хоть эта муть?

— Это не муть! Это историческое наследие! Это Шедевр мировой культуры!

— Ладно-ладно. Но так, о чем этот твой шедевр?

— Это очень грустная история. О любви и ошибках, которые невозможно исправить.

Мне всегда было жаль Маргариту и Армана.

— Плакать будешь?

— Не знаю.

— Ненавижу женские слезы.

— Тогда постараюсь не плакать. Хотя обещать ничего не могу. Но у меня тоже вопрос.

А кроме той женщины, с которой вы не хотите общаться, в ложе кто-то будет?

— Да. Отец Лолиты и моя мать.

— И вы представите меня им, как свою девушку?

— Да.

— А вдруг я ей не понравлюсь?

— Не бери в голову. Даже если моей матери ты по какой-то необъяснимой причине не понравишься, она не станет этого показывать ни тебе, ни мне. Хотя бы потому, что в противном случае, я выскажу все, что думаю о ее нынешнем муже.

— Он вам не нравится?

— Терпеть его не могу. Но приходится. И, знаешь, что, Вирен? Давай перейдем на «ты».

Зови меня по имени. Иначе наша легенда рассыплется в прах.

— А можно звать по имени, но на «вы»? Я с непривычки могу начать путаться.

Аверин на секунду задумался, а потом кивнул:

— Да, так, наверное, будет лучше всего.

В ложу девушка чинно вплыла под ручку с майором. Поздоровались с присутствующими. После чего Вадим представил им свою спутницу.

И хотя дамы улыбались и заверяли, что прямо-таки счастливы с ней познакомиться, Дана не сомневалась, что это далеко не так. Ей явно не были рады. В первую очередь, конечно, Лолита. Эта особа пыталась взглядом испепелить соперницу, но на большее пока не решалась. Лишь соблазнительно улыбнулась Вадиму, как бы невзначай скользнув холеными пальчиками по линии декольте. Диана мысленно фыркнула. Лолита Рэндом была плоская, как доска. Так что с ее стороны было глупо акцентировать на этом внимание окружающих.

Когда-то давно. Можно сказать, в прошлой жизни, один человек преподавал ей урок. И за это девушка была ему очень благодарна.

— Вы, девчонки, очень глупые, — однажды сказал шестнадцатилетний Дэн своей маленькой подружке. — Напридумывали себе канонов красоты и теперь безуспешно пытаетесь им соответствовать. Как будто можно стать идеалом и при этом остаться живым человеком! Нет, конечно, нам нравятся красивые. Природа свое берет. Но мужчина скорее выберет ту, у которой будут веснушки и кудряшки в разные стороны, чем девушку, которая напоминает пластиковый манекен. Просто недостатки надо скрывать, а достоинства — подчеркивать. Главное, не перепутай. Вот, у тебя, например, ноги красивые. Носи юбки. А вот груди нет. И ключицы выпирают. Поэтому глухой вырез, и точка. Личико миленькое, черты лица милые — детские. Поэтому никакого «взрослого» макияжа, только естественный. И, я тебя прошу, постарайся в своем образе учитывать собственный возраст. Потому, что смешнее зрелой женщины, прикидывающейся подростком, только маленькая девочка, пытающаяся казаться взрослой.

Видимо У Лолиты не было друга, который мог бы донести до нее эту простую истину.

Сильвия Динар также не слишком понравилась Диане. Но в этом не было ничего удивительного. Как человек, явно враждебно к тебе настроенный может вызывать симпатию?

Мать Аверина казалось не слишком довольной выбором сына. И брезгливо поджатые губы были явным доказательством этого. А вот господин Рэндом, видимо, решив, отбросив вежливость, поинтересовался:

— Мой мальчик, и давно твои вкусы поменялись? Помнится, раньше ты отдавал предпочтение женщинам, а не угловатым подросткам женского пола. Твоей... спутнице хоть шестнадцать есть? А то я боюсь, как бы не вышло скандала.

Аверин напомнил себе, что Рэндом является хорошим знакомым его деда и человеком уже весьма почтенного возраста, а поэтому грубить ему не стоит. Потом сделал глубокий вдох и нейтральным тоном отозвался:

— Не беспокойтесь. Скандал нам не грозит. Диане уже восемнадцать.

И тут не выдержала уже Лолита:

— И чем же столь юное создание могло увлечь такого зрелого человека, как вы, Вадим?

— Молодость — не порок, — мужчина обворожительно улыбнулся. — Скорее уж достоинство.

— И все равно, я не могу понять. Такая разница в возрасте... Неужели вам с ней интересно?

— Более чем.

Женщина еще что-то говорила. Вадим ей отвечал. Но Диана их не слушала. Зачем? Ничего хорошего эта змея ей все равно не скажет. Слишком уязвило ее то, что Аверин предпочел ей какую-то малолетку. И, судя по всему, больше всего Лолиту бесил именно возраст Даны. Но старые девы обычно не особенно-то любят представительниц своего пола, только вступивших в пору юности.

А еще мисс Рэндом Дана видит в первый и, вероятнее всего в последний раз. Она ведь для майора всего лишь ширма на один вечер. Так стоит ли засорять голову злобным шипением той, что рассчитывала занять ее место рядом с Вадимом Авериным? Лучше сосредоточить свои мысли на том, что сегодня она увидит Пьера в роли Армана. А еще на сцене появится сам Рудольф Карден. Он должен играть отца Армана. А главной героиней будет Светлана Алетова, еще одна выпускница Тания. Правда, покинула она стены их академии лет двадцать назад. Звезда ее уже догорала. Это было ясно всем. Даже самой

Алетовой. Но любимый балет ее не отпускал. И она снова и снова выходила на сцену чтобы рассказать зрителям печальную историю Маргариты Готье.

В зале погас свет. Заиграла музыка. Начал медленно подниматься занавес. Обычно это действие вызывало у Вадима глухое раздражение. Он, действительно, не любил балет. Но вообще отказаться от светских развлечений, принятых в его кругу он не мог. Потому что посещение театра хотя бы несколько раз в году было почти обязательным мероприятием для воспитанного человека. И его мать не уставала ему об этом напоминать.

Выглядеть тупым солдафоном, которому родители не сумели привить хороший вкус Аверину все же не хотелось. Поэтому он старательно делал вид, будто наслаждается постановкой. Иногда у него даже получалось.

Но сегодня он намерен получать от вечера удовольствие. А почему бы и нет? Да, у них и не настоящее свидание. Да, девчонка вряд ли увидит в нем привлекательного мужчину. Но она ему нравится.

И чем это не повод просто быть рядом? Смотреть, как сменяются эмоции на ее красивом личике. Чем это не повод немного помечтать? Ведь никогда Диана Вирэн не будет его. Она выберет кого-то, кто будет моложе и сможет разделить ее интересы. Если, разумеется, дать ей этот выбор. Но не сделать этого Аверин не мог. Любовь нельзя купить. Это все знают. А вот о том, что любовь нельзя также навязывать, люди часто забывают.

Потом, когда эта светлая девочка влюбится и упорхнет из его жизни, Вадим пожалеет о своем благородстве. Своего более удачливого соперника он уже сейчас ненавидел, хотя тот даже на горизонте еще пока не появился. Но сейчас майор имеет полное право потешить себя иллюзиями. В конце концов, увидела же она в нем человека. Так может быть шанс, что разглядит и что-то еще?

Наблюдать за его очаровательной спутницей оказалось действительно интересно. Она не просто смотрит на сцену, а проживает в своем воображении жизни героев. Девушка настолько была погружена в атмосферу постановки, что не заметила даже, как мужчина перехватил ее тоненькие пальчики и переплел их со своими.

То есть Вадим искренне верил, что его маневр прошел мимо сознания Даны. Мужчины иногда бывают поразительно наивны. Если девушка на что-то «не обращает внимания», это значит лишь то, что этот шаг получил негласное одобрение, а не то, что она невероятно рассеяна. А вот он так и не увидел, как полыхнули в полумраке зала ее щеки.

От взоров же других обитателей их ложи не укрылось ничего. И если Сильвия смотрела на юное увлечение сына с легким неодобрением. Не то, что бы девочка ей не нравилась. Женщина готова была признать, что она вполне мила. Да и робкие, полные восхищения взгляды, которые она бросала на Вадима, приносили удовлетворение. Ведь именно так девушки и должны смотреть на ее сына.

Да и Вадим был явно очарован малышкой. Впервые за долгие годы одиночества, он выказывает неподдельный интерес к представительнице противоположного пола. Но в то, что сейчас между ними может быть что-то серьезное, Сильвия не верила. Нежный возраст Дианы говорит лишь об одном. Даже если они решат попробовать, период ухаживания будет длиться непозволительно долго. До детей они созреют в лучшем случае лет через пять. А

столько ждать внуков она была не намерена. К тому же Лолита, будучи ровесницей ее сына, родить ребенка готова была буквально через девять месяцев после предложения ей руки и сердца. Так что кандидатура девочки Сильвией даже не рассматривалась. И ее нужно было убрать с дороги Вадима как можно скорее, пока он не увлекся ей по-настоящему.

Но осуществить данную задумку в антракт не получилось. Ее дорогой сын задвинул эту пигалицу за свою широкую спину и не позволял даже словом с ней переброситься, а не то, чтобы остаться с не наедине. Сама Диана в общем разговоре участвовать не стремилась. А если ее о чем-то спрашивали, то отвечала тихо и односложно. И активные действия по избавлению сына от нежелательной пассии были перенесены на прием в честь помолвки Катрины.

— А обещала не плакать, — Вадим кончиком указательного пальца стер одинокую слезинку с щеки своей подопечной.

— Я сказала, что постараюсь не плакать, но ничего не обещала.

— Глупая.

— Но это же, и правда, грустно.

— Да. Наверное. Пойдем? — Мужчина протянул ей руку, и они первыми вышли из ложи.

Прием должен был проходить в арендованном на сегодня банкетном зале «Дамиро» — шикарного ресторана, расположенного рядом. И зрители, посмотревшие спектакль, просто вышли из театра и вошли в соседнее здание. Но что примечательно, не в полном составе. Некоторые торжество решили почему-то проигнорировать. Это было странно. И девушка поинтересовалась у Вадима, почему так? Ведь помолвка по-идее важнее постановки.

— А... их, видимо, не пригласили, — лениво протянул Аверин.

— Как?

— Ну, понимаешь, помолвка — отдельно, спектакль — отдельно.

— Не понимаю.

— На прием мы получили приглашения. А в театр — покупали билеты. Спектакль благотворительный. Все собранные средства пойдут... если честно, то я не знаю, куда они пойдут. Наверное, в фонд какой-нибудь. Катрина курирует сразу несколько общественных организаций.

— Это здорово.

— Я тоже так думаю.

— Сэр, — обратилась Диана к майору, заметив, что они достаточно отделились от остальных. — Я не совсем понимаю вот что. Вы ведь должны были сопровождать вашу мать.

— Да.

— А получается, что привели меня. Это странно. Билетов же было два. А нас трое. Выходит, что вы или меня не собирались брать с собой на постановку, или ее.

— Билетов у меня было четыре.

— Зачем?

— Я арендовал половину ложи. Так принято.

— Не понимаю.

— Билеты очень дорогие.

— Все равно не понимаю.

Мужчина тяжело вздохнул и словно нехотя признался:

— Их бы все равно никто не купил. Говорю же, они дорогие. А спектакль

благотворительный.

— Это очень благородно.

Вадим смутился. Ничего благородного он лично в этом не находил. Не последние деньги отдавал. Да, не маленькие. Для той же Вирэн у которой за душой лишь месячная стипендия, так вообще, баснословные. Но лично для него сумма была несущественной. Потратить ее он вполне мог себе позволить.

— Дорогой, — их нагнала Сильвия и мягко укорила. — Мы едва вас отыскали. Здесь такая толпа! С твоей стороны было грубо убежать от нас. Лолита совсем заскучала в нашей с Шарлем компании. Ты должен ее развлечь!

— Мама, Диана просто захотела воды. Мы скоро к вам присоединимся. Не беспокойся.

Мужчина очаровательно улыбнулся и мягко увлек свою спутницу в сторону столов на которых располагались напитки.

— Я не хочу воды, — с некоторой опаской призналась девушка

— Зато я хочу. Чего-нибудь покрепче. Меня вся эта ситуация раздражает. И улыбки эти фальшивые. А пренебрежение, которое моя мать выказывает тебе, так вообще бесит. Почему-то даже больше, чем ее желание сосватать мне «подходящую» женщину.

— Простите.

— Вирэн, я не совсем понимаю. За что ты просишь прощения?

— Ну... за ситуацию. Я ей не нравлюсь. Мне жаль. Если бы понравилась, то она бы не стала так... активно сватать вам эту «подходящую» женщину. Наверное.

— Наивный ребенок.

— Я не ребенок!

— Конечно. Но ты не понимаешь одну вещь. Ей никто не может понравиться. Даже совершенство, коим ты, безусловно являешься. Моя мать уже выбрала. Лолита ее устраивает во всех отношениях, — мужчина попытался вернуть изящный комплимент, но Диана его не заметила. — Они несколько лет дружат. А то, что эта женщина не устраивает меня, в расчет сейчас не берется.

— Почему?

— Мы серьезно поссорились пару месяцев назад. Причиной нашей размолвки было мое нежелание жениться и заводить детей.

— То есть ваша мать делает это вам в пику?

— Можно, и так сказать.

— Это ужасно!

— Переживу.

— А Лолита меня ненавидит, — глупо хихикнула девушка. — Я должна бы испытывать неловкость. Но меня это почему-то забавляет.

— Ну, скорее она злится на тебя за то, что ты перед самым ее носом увела перспективного жениха.

— Нет. Именно ненавидит. Я, кроме того, что увела вас, так еще и имела наглость оказаться моложе и красивей. А, вообще, это глупо.

— Что?

— Злиться на человека за то, что его внешность больше соответствует классическим канонам нежели твоя.

— В принципе я с тобой согласен, но мне интересно, почему ты так думаешь?

Девушка загадочно улыбнулась. Потом провела рукой по волнистым волосам. И

неожиданно серьезным тоном начала объяснять:

— Это значит, что у человека серьезные проблемы с самооценкой. Если чья-то привлекательность задевает его или ее за живое. Это ведь все равно, что злиться на небо, за то, что оно голубое, а на траву за то, что она зеленая.

— Ты права. Кстати, как ты относишься к идее притвориться безумно влюбленными и танцевать только друг с другом, а потом сбежать в середине вечера?

— Хорошо. Мне нравится с вами танцевать. А сбежать... это тоже неплохо. Я с утра на ногах. И уже успела немного устать.

— Я не подумал. Прости. Ты, наверное, и не ела ничего?

— Завтракала. А пока мы гуляли, съели по три порции мороженого. Так что я не голодная.

— Но перекусить тебе нужно. Как уйдем отсюда, заедем в какой-нибудь приличный ресторан. Там поужинаем.

— Не стоит.

— Отставить разговоры, курсант Вирэн!

— Есть, сэр.

— То-то же.

— Так не честно. Вы пользуетесь своим положением, хотя сегодняшней вечер никак не вписывается в уставные взаимоотношения курсанта и куратора.

— Не честно, — покладисто согласился Аверин. — Но угрызений совести ты не дождешься. Я забочусь о тебе, как могу. И если нужно воспользоваться служебным положением, чтобы ты не стеснялась и нормально поела...

— Да, не стесняюсь я. Просто есть не хочу. Правда.

— Не спорь.

— Деспот и тиран, — словно бы ни к кому не обращаясь, протянула девушка.

— Тем и живем.

— Господа, шампанское. — К ним подошел высокий официант с подносом. — Через шесть минут будет тост в честь помолвки.

Вадим взял два бокала, один из которых он протянул девушке. Свой же он поднес к губам и сделал маленький глоток. Потом окинул ее каким-то жалостливым взглядом и потребовал:

— Не пей. Сделай вид, но не пей.

— Почему? То есть я и не собиралась напиваться. Но пару глотков-то можно. Я никогда еще не пробовала шампанское. Интересно же.

— Нет. Это «Вершели». Оно очень крепкое. Тебе на голодный желудок и пары глотков хватит. Ладно. Только прекрати смотреть на меня такими несчастными глазами. Один глоток. Маленький. Просто чтобы удовлетворить твое любопытство. А теперь пойдём к моей матери и ее друзьям. Чтобы не выглядеть совсем уж невежливыми, нужно провести с ними хотя бы четверть часа.

Следующие пять минут Вадим демонстрировал «вежливость». То есть осыпал всех трех дам своего окружения изящными комплиментами. Хвалил платья, прически и драгоценности. Потом прозвучал тост. Диана вздрогнула. Голос Антонио Верко ни капельки не изменился. И его она по-прежнему готова была узнать из тысячи. И даже не потому, что он был ее самой-самой первой любовью. В Тони были влюблены почти все девочки от первого до выпускного класса. Красивый. Добрый. И такой талантливый. Просто, несмотря

на достаточно большую разницу в возрасте он был ей другом. И даже после того, как окончил академию, в день своего рождения Диана получала от него открытки. «Что такое открытки? — презрительно скажут некоторые. — Сущая ерунда». Но он никогда не забывал из отправить, а, значит помнил и ее.

— Друзья, — громко произнес Антонио, но была в его голосе толика смущения, что только придавало ему очарования. — Мы собрались здесь сегодня, чтобы поздравить двух замечательных людей. Я искренне рад тому, что они, наконец, обрели друг друга. И мне бы хотелось пожелать им сохранить огонь их любви и просто быть счастливыми. Они это заслужили. За Картину и Рудольфа!

— За Катрину и Рудольфа! — мгновенно отозвался зал.

Шампанского девушка выпила два глотка и далеко не маленьких. В голове тотчас зашумело, а щеки вспыхнули жаром. А вкуса напитка она даже не почувствовала. Потому что рядом с Тони стоял Рудольф Карден, держа за руку красивую золотоволосую женщину. Она воочию видела живую легенду! Не на видео, не на сцене, а в нескольких метрах от себя!

— Ты специально? — зло прошипел ей на ухо Аверин. — Я же просил.

— Нет. Я... просто забыла.

— Горе ты мое, — Вадим тяжело вздохнул, закатив глаза к потолку. — Пойдем.

— Куда?

— Искать столик с закусками. Говорил же, что пить на голодный желудок — не самая лучшая идея. А ты не послушалась. Хотя, искать уже не надо. Вот один.

Вадим взял с подноса крошечное пирожное, и протянул его Диане. Но вместо того, чтобы благодарно его принять, девушка отскочила от него на несколько шагов, простилав:

— Только не клубничное! Я ими в детстве отравилась. Теперь даже смотреть на них не могу.

И тут случилось неожиданное. Сзади раздался другой знакомый голос:

— Дана?

Девушка мгновенно развернулась в сторону говорившего. В двух шагах от нее стоял Пьер. И, судя по всему, эта встреча не обрадовала. Он смотрел на нее со смесью удивления и возмущения. Словно бы появившись здесь — в одном зале с ним, она сделала что-то плохое. Наверное, так и было. И после того скандала, что связали с ее именем, Пьеру теперь стыдно, что они вообще знакомы.

Что ж... этого следовало ожидать. Диана отвела глаза и медленно отступила к своему куратору. Тяжелая ладонь легла на ее плечо, поддерживая и одновременно с этим защищая. Это было так хорошо. Правильно. И в этот момент девушка поняла одну вещь. От Аверина ей надо держаться как можно дальше. Потому, что еще немного и она в него влюбится.

А Пьер смерил злым взглядом теперь уже Вадима и, набрав короткую комбинацию на наручном комме тихо произнес:

— Третий сектор. Возле стола с закусками. Необходимо ваше вмешательство.

— Молодой человек, мне кажется, вы пытаетесь устроить скандал, — ледяным тоном произнес майор. — Я не рекомендовал бы вам делать это. Чревато, знаете ли, провоцировать боевого офицера.

— От ребенка руки убери и отойди. Шагов, этак на десять. Тогда может скандала и не будет.

— Молодой человек, я непонятно выразился? Вы нарываетесь на неприятности. И мне не составит труда вам их устроить. До конца жизни помнить будете. Слово даю.

— Что здесь происходит? — к ним подошла рыжеволосая женщина, что недавно стояла рядом с Рудольфом Карденом. Видимо, та самая Картина. — Пьер? Вадим, рада тебя видеть. Мальчики, вы что-то не поделили?

— Кати, — продолжая сверлить Аверина раздраженным взглядом, Пьер все же снизошел до ответа. — К девочке присмотришь. Никого не напоминает?

Женщина перевела взгляд на уже изрядно напуганную Диану. Непонимание через минуту сменилось удивлением, а через минуту и вовсе яростью. Но обрушила она ее вовсе не на девушку, а на ее спутника:

— Вадим, я надеюсь, что это все — не более чем недоразумение. Потому, что, если это не так, я не знаю, что с тобой сделаю, несмотря на многолетнюю дружбу наших семей. Эту девочку все танийцы активно ищут вот уже несколько месяцев. Причем, троих частных детективов нанял мой жених. А она тут. С тобой. И это наводит на определенные мысли. Если учесть, что ей семнадцать лет, мысли эти радости мне не приносят. Так что советую тебе быстро придумать причину, по которой мне не стоит тебя убивать. Радуйся, кстати, что первой до вас добралась я, а не Рудольф.

— Безмерно рад! — саркастично отозвался Вадим. — Катрина, прекрати истерику. Тебе это не идет. Во-первых, меня оскорбляют твои намеки. Я никогда не совращал малолеток. Если ты, конечно, об этом. Во-вторых, ты и этот хам сейчас напугали Диану. Если вы продолжите в том же духе, мы уйдем. Несмотря на многолетнюю дружбу наших с тобой семей. И, да, это недоразумение.

— Прости, — смутилась женщина и продолжила уже более мягким тоном. — Где вы познакомились?

— В Артене. Она учится. Я преподаю. Предвосхищая твой вопрос. Между нами ничего нет. Просто... ты же знаешь мою мать. Она решила свести меня со своей более молодой подругой. А я...

— Решил воспользоваться первой попавшейся ширмой.

— Нет. Не первой попавшейся. Вирэн — старшина группы, которую я курирую.

— То есть, в некотором роде, ближний круг?

— Да.

— Понятно. Надеюсь, девушка твои слова подтвердит?

— Да, — тихо пробормотала Диана, перестав хоть что-то понимать. — Все так.

— Что у вас стряслось? — жизнерадостно поинтересовался подошедший к ним Рудольф Карден. — Пьер, у тебя такой голос был, будто бы ты призрака увидел.

— Я и увидел, — уныло отозвался бывший выпускник Танийской академии. — Диану Вирэн в обществе... мужчины, который ей в отцы годится.

— Любимый, это недоразумение, — затараторила Катрина. — То есть, девушка, действительно, Диана. Но свел их здесь просто случай. То есть, не совсем случай, конечно. Они познакомились в Военной академии, где Вадим работает. Но никто твое потерянное сокровище не обижал. В смысле, он ее ни к чему не принуждал. Это совершенно не в его характере. И он вовсе не годится ей в отцы. Мы одногодки.

— Ну, допустим, в исключительное благородство твоего знакомого я поверил. Но, друзья мои, скажите, почему девочка бледная, как смерть? Она того и гляди сейчас в обморок упадет.

— Она вас боится, — спокойно ответил Аверин. — Неужели не понятно?

— Почему? — искренне удивился Карден. — Мы ее столько времени искали.

— И сейчас, разумеется, выказали искреннюю радость по поводу встречи! Или объяснили, зачем, собственно, искали? Да вы даже с ней даже не соизволили поздороваться. Меня, кстати, зовут Вадим Аверин. Рад знакомству с женихом Катрины.

— Лучше бы я осталась на фестивале брейка вместе с Реем и Михой — пробормотала Диана, пытаясь спрятаться за спину куратора. Там было хорошо. Спокойно. Майор ведь не даст ее в обиду. Он, конечно, странный. Строгий. Иногда даже жесткий. Но справедливый. И сильный. А, значит, точно не позволит, чтобы с ней произошло что-то плохое.

В понедельник утром Диана впервые за последние месяцы проснулась абсолютно счастливой. Летом она поступит в труппу Кардена. И неважно, что в кордебалет. Зато будет танцевать на одной сцене с лучшими из лучших. А со временем она сумеет себя проявить и выбьется в солистки, а затем и примы. Нет, кордебалет — это сейчас лучший вариант для нее. Можно будет спокойно войти в форму, поработать с педагогами. Опыта набраться, в конце концов. Как же здорово жить! Напевая себе под нос, девушка побежала умываться.

— Ты чего такая веселая? — сонно поинтересовалась Мари.

— Ничего. Просто. Настроение хорошее.

— Влюбилась, — констатировала Снежная.

— Нет, — сконфужено отозвалась Дана.

— А чего тогда краснеешь?

— Я не краснею. Просто...

— У кого-то вчера было свидание.

— Это было не совсем свидание.

— Но что-то все же было?

— Нет.

— А как его зовут?

— Не скажу.

— Точно влюбилась!

— А даже если так, то что?

— Это замечательно! Я за тебя рада. Любовь — самое прекрасное, что может быть в жизни!

— Спасибо, — улыбнулась девушка. — Ты сегодня со мной в зал или к ребятам?

— А ты разве...

— С этой толпой, конечно, весело. Но мне нужно заниматься. И желательно не отвлекаясь. Разношерстная толпа мне мешает.

— Сегодня я с ребятами.

— Хорошо. Тогда встретимся за завтраком. — Диана мягко улыбнулась соседке и вышла из бокса

Влюбилась? Ну, да. Хотя иное разве ожидалось? В него же невозможно не влюбиться. Он же такой... самый лучший, в общем.

Но ничего «замечательного» Дана в этом не видела. Потому что любовь без надежды на взаимность — далеко не самое прекрасное, что может быть в жизни. Это беда. Но разве сердцу можно приказать? Девушка закусила губу, мысленно возвращаясь к событиям вчерашнего вечера.

— Аверин? — сардонически выгнул бровь Карден. — Тот самый?

— Да. Это он, — вздохнула Катрина.

— Весьма наслышан. Рудольф Карден. Рад знакомству.

Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями.

Жених Кати ему понравился. Он производил достаточно приятное впечатление. Взгляд чистый и прямой. Улыбка у него, кажется, вполне искренняя. Держится уверенно. И с первого взгляда ясно, что перед тобой человек достойный. То есть сильный и честный. А эти качества Аврин в людях очень ценил.

Но сама ситуация у майора вызывала глухое раздражение. Карден воспринимался, как угроза. Этот человек явно собирался забрать Диану. И хотя майор понимал, что для девушки так, вероятнее всего, будет лучше, но с собой поделаться не мог ничего. Все в нем протестовало против этого. Вирэн была частью Артена. Более того, она была важной частью жизни Вадима в Артене. Ее уже нельзя просто взять вычеркнуть из своей жизни и забыть.

От тех эмоций, которые она в нем будит он и не хочет отказываться. И это страшно. Говорят, настоящие мужчины никого и ничего не боятся. Как ни прискорбно, врут. Всех что-то пугает. И боевые офицеры не исключение.

— Мы, наверное, кажемся вам не совсем нормальными? Просто вся эта ситуация выбила почву из-под наших ног. А появление здесь Даны, которую вот уже несколько месяцев безрезультатно разыскивает взвод частных сыщиков...

— Я понимаю.

— Сомневаюсь. Простите, конечно. Но чтобы нас понять, вы должны побывать в нашей шкуре. Мы ведь все сироты. Иных родных кроме одноклассников у нас просто нет. Танийцы всегда держаться друг за друга. Нас же мало. А еще мы по мере сил и возможностей опекаем малышей. Диана, да выйди же ты из-за спины своего... друга. Не съест тебя никто.

— Мне и тут хорошо, — дрожащим голосом ответила девушка, ледяными пальцами вцепившись в ладонь Вадима.

Аверин просто не смог удержать самодовольную улыбку, за что и удостоился укоризненного взгляда Катрины. Рудольф хмыкнул, но внимание на этом заострять не стал и продолжил свой рассказ:

— Вы знаете, что за выпускниками Танийской Академии лучшие труппы в очереди выстраиваются? А тут такое. И я даже не про погибших учеников говорю. Пусть это и прозвучит цинично. Но их уже нет. А Диана есть. Она жива, здорова и может танцевать. Но несколько недоумков предпочли выставить на улицу семнадцатилетнюю девочку что бы замаять скандал, в котором она не была виновата! Я, когда узнал...

Рудольф отхлебнул из бокала, который ему подали невеста, а потом более спокойным тоном продолжил:

— Это было ударом для всех нас. И мы начали поиски.

— А еще развернули целую кампанию против администрации Танийской Академии, — подсказала Катрина.

— Развернули. Дети — наше продолжение. Они придут нам на смену. И такое не просто безответственное, преступное отношение к ученикам необходимо пресекать. Жестко. И, вообще, нашей Академией должен руководить выпускник Тания, а не какой-то выскочка, который больше прославился эпатажным поведением в молодые годы, чем ролями!

— Значит, вами движет альтруизм? — скептически поинтересовался Вадим.

— Нет, — спокойно ответил мужчина. — То есть, я, конечно, в первую очередь хотел найти и защитить ребенка у которого в этом мире никого нет. Позаботиться ведь о ней некому. Я об этом уже говорил, но Танийцы своих не бросают. Хотя и меркантильный интерес тоже присутствовал. Врать не буду. Мой театр входит в десятку лучших. И мне хотелось, чтобы так было и дальше. Поэтому к своим актерам я предъявляю особые

требования. А также забираю себе самых перспективных ребят. Кого-то успеваю перехватить при распределении. Кого-то откровенно подкупаю более высокими зарплатами и возможностью работать с лучшими педагогами. Церемониться с конкурентами привычки не имею. Может это не слишком благородно, но зато действительно. На Диану Вирэн я запрос отправил еще три года назад. И, в принципе, был готов принять ее в свою труппу даже, несмотря на то, что она не доучилась целый год.

— Правда? — девушка тотчас же выглянула из-за плеча своего куратора.

— Да.

— Был готов, — лениво протянул Вадим. — Это случайная оговорка или, все-таки, нет?

— Не совсем. То есть, я не передумал. Для нее есть место. Правда, пока только в кордебалете. Но сделать солисткой девочку, которая еще должна за партой сидеть...

— Продолжайте.

— Для начала я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— Так задавайте.

Но не успел Карден и рта раскрыть, как налетел в лицо Антонио Верко. Он подскочил к Диане, порывисто обнял ее, а потом расцеловал в обе щеки.

— Кроха, я так рад тебя видеть! Мне Пьер сказал, что ты нашлась. Я сначала ушам своим не поверил. Боже, как же здорово, что ты здесь! И теперь все будет хорошо.

Тони отстранился, но ее руку из своей не выпустил. Потом оглядел Вадима не слишком дружелюбным взглядом и поинтересовался:

— Слушай, а почему этот тип на меня так смотрит?

— Как?

— Ревниво. Будто бы не просто хочет меня прибить, но еще и имеет на это право. Он, что, здесь с тобой?

— Да.

— А он знает, сколько тебе лет?

— Мне восемнадцать!

— И как давно?

— Это так важно? Да что вы все прицепились к моему возрасту и нашим взаимоотношениям?

— Возможно, нам претит, когда к маленьким девочкам пристают взрослые мужчины.

— Не приставал он ко мне никогда!

— Конечно-конечно. Любовь чистая и светлая, а, главное, взаимная.

— Тони! — возмущенно воскликнула девушка. — Ну, что ты говоришь?!

Вадим, уже страстно мечтающий хорошенько врезать этому хаму, решительно вклинился между ним и Дианой. Его подопечная проявила несвойственное ей благоразумие и снова спряталась за спину майора. Мужчина вздохнул с облегчением. Ведь эта гордая девчонка вполне могла и не принять его защиту. Поэтому говорил Аверин достаточно спокойно:

— Молодой человек, вы ведете себя недостойно. И претензии предъявляете не тому человеку. Если вам есть, что сказать, говорите. Мне. И чтобы не было недопонимания, спешу пояснить. Между мной и Дианой не было и нет романтических отношений. Она согласилась сопровождать меня сегодня вечером. Мы посмотрели постановку и хотели, поздравив жениха с невестой, тихо удалиться. Каждый по своим делам. Я и моя спутница всего лишь приятно провели время вместе, что не накладывало на нас никаких обязательств. Однако,

пока девушка со мной, я никому не позволю обращаться к ней без должного уважения.

— Он действительно такой... благородный? — с любопытством поинтересовался у Катрины Рудольф.

— Сколько я его знаю, всегда таким был.

— Очень интересно.

— Советую не обольщаться.

— В смысле?

— Твоей, потеряшке, как оказалось, уже исполнилось восемнадцать. Эти двое достаточно времени проводят вместе и явно друг другу симпатизируют. Она красива. Он чертовски обаятелен. И, как говорится, пусти козла в огород...

— Я бы попросил... — Вадим смерил собеседницу ледяным взглядом, но Катрина его перебила.

— Аверин, давай ты не будешь строить из себя оскорбленную невинность? Сначала попробуй устоять перед искушением хоть несколько месяцев, а потом и доказывай, что ты — Прекрасный принц, а не парнокопытное.

Мужчина фыркнул, но в полемику с приятельницей по детским играм решил не вступать, а провокационное высказывание проигнорировать. Все равно бесполезно. Кати невозможно переспорить, даже если она десять раз не права. Поэтому майор повернулся к ее жениху и светским тоном напомнил:

— Вы хотели задать мне какие-то вопросы.

— Да. Но я думаю, будет лучше, если мы поговорим в более уединенном месте. У вас есть планы на вечер?

— Ничего, что нельзя было бы отодвинуть.

— Предлагаю нам вместе поужинать. После приема, разумеется. Мы с Кати, при всем желании не можем бросить остальных гостей.

— Конечно.

Диана дожидаться не могла, когда этот вечер закончится. В голове шумело, а окружающие звуки казались ужасно громкими. Свет неприятно резал глаза. А еще ее знобило. Не сильно, но игнорировать это становилось все сложнее и сложнее.

— Тебе плохо? — спросил Вадим, наклонившись к ее уху.

— Нормально. Просто замерзла.

— Странно. Здесь совсем не холодно. Ты не простыла?

— Нет. У меня отличный иммунитет. Я никогда не болею.

— В жизни все может случиться. И простуда в том числе. Хочешь, я вызову такси и отправлю тебя в Академию, а сам пообщаюсь с Карденом?

— Вы пошутили? — недоверчиво спросила Дана.

— Нет. Я абсолютно серьезен.

— Давайте сделаем вид, что вы глупо пошутили.

— Почему?

— Вы ведь все знаете? — девушка ответила вопросом на вопрос. — О том, кто я такая и почему попала в Артен.

— Разумеется.

— Я люблю балет. Больше всего на свете. И хочу танцевать.

— Понимаю. Но причем здесь это?

— У меня появился шанс, не просто попасть на сцену. Я бы даже в миманс самого

захудалого театра пошла. Что уж говорить про одну из лучших трупп мира? Сегодня будет решаться моя судьба. И вы, правда, думаете, что я настолько к ней безразлична, что самоустранюсь? Вы же слышали, что он сказал. Для меня есть место. И я...

— На все готова, — грустно подсказал мужчина.

— Да. На все. Это так уж плохо? — в голосе Дианы прозвучал вызов и явное раздражение.

— Ты отстаиваешь свою жизнь, — ушел от ответа мужчина. — Не мне тебя судить.

Диана нахмурилась. С одной стороны, было очень приятно, что Аверину она не безразлична. Но с другой... степень адекватности этого мужчины явно оставляла желать лучшего. Неужели он сам отошел бы в сторону, если бы речь шла о его будущем?

— Извините, — сказала девушка тихо. — Мне нужно выйти.

— Тебя проводить?

— Не стоит. Я скоро вернусь. Просто хочу припудрить носик.

— Буду ждать тебя здесь.

Дана вошла в дамскую комнату не одна. Следом за ней туда проскользнула Сильвия Динар. И в том, что это не случайное совпадение девушка уверилась уже через несколько минут, когда мать ее куратора буквально загородила собой дверное проем.

— Вы давно знакомы с моим сыном? — тон женщины был медоточив, а улыбка до ужаса фальшивой.

— Нет, — в ответ Диана решила быть вежливой и по возможности лаконичной.

— Однако он решил представить вас мне.

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— И все же?

— Не знаю. Поинтересуйтесь у него самого.

— Поинтересуюсь. И еще... Вадим старше вас почти в два раза. И я совершенно не понимаю, чем его могла заинтересовать столь юная особа? Неужели вам есть, о чем поговорить?

— Да.

— А мне кажется, это не совсем так. У вас вряд ли могут быть общие интересы и увлечения. Хотя это и не мешает людям в начале их романа, но отсутствие точек соприкосновения почти всегда становятся причиной разрыва отношений. Вы очень красивая девушка, Диана. И нет ничего удивительного в том, что мой сын увлекся вами. Взрослые мужчины часто теряют головы от юных прелестниц. Только скоро страсть Вадима схлынет. Девочка моя, поймите, удержать его одной только красотой не получится. А до остального вы, просто, не доросли. Я желаю вам только добра. И, как более опытная женщина, не могу не предупредить о том, что ждет впереди. Мне будет бесконечно жаль, если мой сын разобьет ваше глупое сердечко.

— Благодарю за заботу о моем душевном равновесии.

— Значит, вы понимаете, что не стоит так уж сильно привязываться к Вадиму? Все равно эти отношения изначально обречены.

Поток лицемерных сетований девушка прервала взмахом руки. А потом, плюнув на первоначальное желание оставаться в рамках вежливости, все же решила высказаться:

— Как вы можете так с ним поступать?

— Что?

— Я вам отчего-то не понравилась. Что ж... у каждого человека есть право на личные симпатии и антипатии. В конце концов, у вас может быть собственное представление о том, какой должна быть пара вашего сына. Госпожа Рэндом, вероятно, кажется вам такой женщиной. И именно ее вы желали бы видеть своей невесткой. И чтобы расчистить дорогу вашей приятельнице, передо мной и был разыгран этот спектакль. Ах, это так удобно! Навешать юной дурочке лапши на уши. Наивная девочка поверит «умудренной опытом женщине» и сама оттолкнет от себя вашего сына. Вы же знаете. Вадим гордый и удерживать ту, что захотела уйти, он не станет. Как не станет и разбираться в том, кто вложил в голову его подруги мысль о том, что они не подходят друг другу. Не нужно делать вид, будто бы вы меня не понимаете. Все именно так, как я сказала.

— А вы, милочка, не по годам умны. Не ожидала. Вы, признаться, кажетесь милой, но недалекой нимфеткой. Кивали. Улыбались. В общем, изображали куклу из эскорт-агентства.

— Возможно, это вас разочарует, но к эскорт-агентствам я не имею ни малейшего отношения.

— Знаю. Как вы правильно заметили, мой сын гордый. Он никогда не появится на публике с девушкой подобной профессии. Это, видите ли, ниже его достоинства. Но раз уж мы отбросили игры в вежливость, я хочу спросить, что вы хотите? Мне слабо верить, что вы действительно любите Вадима. Поэтому я готова выполнить ваши требования. Если они будут в пределах разумного, разумеется.

— Вы мне еще и взятку предлагаете? Это низко, мадам.

— Я забочусь о благе любимого сына.

— Как же хорошо, что у меня нет таких «любящих» родителей. Ибо с ними и врагов не надо. Но у меня последний вопрос. Что если он меня любит? Ведь если он меня действительно любит, то ваш поступок — не забота о его благе, а самое настоящее предательство. Всего вам доброго, госпожа Динар. Мне пора.

Диана еще раз смерила несколько смущенную женщину укоризненным взглядом и вышла из дамской комнаты. Аверин ждал ее буквально под дверью.

— Ты почему так долго? Я уже не знал, что делать. Пришлось в срочном порядке вспоминать «основы и принципы маскировки», чтобы не попасть в цепкие пальчики Лолы и ее папочки, который страстно мечтает сбить дочурку с рук. И, признаться, мне надоело притворяться пальмой в горшке.

— Форс-мажорные обстоятельства.

— Что-то случилось? — резко подобрался майор.

— Нет. Просто я пообщалась с вашей матерью. И, надеюсь, мы поняли друг друга.

— Что ты ей сказала?

— Ничего.

— Вирэн, я же тебя знаю. Ты молчишь, пока тебя не разозлит. А сейчас ты явно злишься.

— Злюсь.

— Признавайся. Что ты ей наговорила?

— Что это нехорошо с ее стороны лезть в жизнь взрослого сына. А пытаться нас посорить — вообще, низко.

— А она пыталась нас посорить?

— Скорее, исподволь убедить меня в том, что мы не пара и у нас ничего не получится.

— Понятно. Но я позже с этим разберусь. А пока... мисс Вирэн, позвольте пригласить вас на танец.

— С превеликим удовольствием, господин Аверин, — мгновенно включилась в игру девушка.

Они танцевали. Долго. Забыв обо всем и вся. Рука в руке. Глаза в глаз. «Ах, какая красивая пара!» — слышалось отовсюду. И это было истинной правдой. Эти двое чудесно смотрелись вместе.

А когда прием был окончен, Вадим достаточно холодно попрощался с матерью и вышел из зала. Девушка неотступно следовала за ним. На улице их уже ожидало такси.

— А куда мы сейчас? — спросила Дана, садясь в машину. Мужчина скользнул за ней.

— Катрина сбросила мне на комм свой адрес. Она снимает апартаменты в десяти минутах езды отсюда. Нас будут ждать там.

— Хорошо.

— Ты сильно устала?

— Бывало и хуже.

Вадим и Диана приехали в числе первых и зашли в дом вместе с Тони. Ужин накрыли в столовой. Порадовало еще то, что за столом собралось не так много народа. Они трое. Рудольф и Катрина. Светлана Алетова. И еще двое мужчин среднего возраста. Их представили, как Максима Эштона — хореографа и Дмитрия Захарова — главного администратора театра.

Трапеза проходила в гробовом молчании. Никто не решался начать разговор. Поэтому все активно делали вид, будто бы ужасно голодны и кроме еды их сейчас ничего не интересует. Первым выдержка отказала у Аверина.

— Вы хотели задать мне какие-то вопросы, господин Карден, — напомнил он, отставляя от себя тарелку.

— Можно просто Рудольф.

— Хорошо. Тогда и вы зовите меня по имени.

— А по поводу вопросов... скажите, то место, где живет Диана достаточно безопасно?

— В каком смысле?

— В прямом. Безопасно ли там?

— Это Военная академия. Закрытое учебное заведение. Ни одного постороннего человека в периметре. А курсантов выпускают во внешний мир на десять часов раз в две недели. Место безопаснее еще стоит поискать.

— Замечательно! — воскликнул Захаров. — И не надо думать, куда пристроить малышку.

— Я понимаю, что так будет лучше, — вздохнул Карден. — Но эта идея мне не нравится. Не хочу ее там оставлять. У меня не очень хорошее предчувствие.

— Предчувствие! — передразнил своего патрона администратор. — У нас плотный гастрольный график. Потом твоя свадьба. Каждый день расписан чуть ли не по минутам. У тебя не будет ни сил, ни возможности защитить эту девочку. Скандал ведь в самом разгаре. Налетят репортеры и осаждать ее круглыми сутками. И единственное, что ты сможешь для нее сделать — запереть к одному из своих особняков. И Вирэн проведет несколько месяцев в гордом одиночестве. А в этой ее академии хоть скучно не будет. Занятия. Общение со сверстниками. Тут и думать нечего.

— Поддерживаю, — сказала Алетова. — Мы сейчас не можем с ней заниматься. А

таскать ее с собой — не лучшая идея. Такой прессинг не каждый взрослый выдержит. Она же еще маленькая. Вспомни себя в ее возрасте. Где ты был и чем занимался? Я, конечно, понимаю, что девочка у нас вундеркинд. И в четырнадцать выдавала такие результаты, что другим в тридцать не снились. Но возраст выпускников Танийской Академии — девятнадцать-двадцать лет. А ей на днях исполнилось восемнадцать. Рудольф, имей совесть! Ребенку нужен покой и стабильность. Диана, тебе же не слишком плохо в этой твоей академии?

— Нет, — смущенно отозвалась девушка. — Там хорошо. Предметы интересные. И время на занятия есть.

— Так ты не против побыть там еще какое-то время?

— Не против.

— Вот и замечательно, — подвела итог Катрина. — Значит, ближайшие четыре месяца ты проведешь там. Или шесть? По ситуации посмотрим. А потом Рудольф тебя заберет.

Утренняя тренировка прошла как обычно. Сегодня Дана решила не насиловать себя. Все же вчера был тяжелый день. Добраться до постели удалось только в час ночи. А перед этим ее буквально вывернул на изнанку Карден.

Балетмейстер не устоял перед искушением поиграть с новой «игрушкой». И под укоризненными взглядами Захарова и Алетовой утащил ее в зеркальный зал. А вот глаза Эштона и Веко горели тем же фанатичным огнем. Итогом этого стало трехчасовая репетиция. После которой девушку едва держали ноги.

Карден грезил «Маленькой госпожой моря», которую для краткости называл «Русалочкой». Не редакцией старого балета, ни реконструкцией какой-то забытой постановки. А совершенно новым балетом, для которого уже написана музыка и подготовлены эскизы костюмов. И, более того, есть зарисовки целых сцен. Но пока нет времени.

Однако это не помешало ему примерить на Диану почти все женские роли, и остался недовольным. Для фрейлин принцессы и морских дев она была слишком яркой. Для ведьмы — слишком красивой. Для самой же Русалочки слишком гордой, стойкой и жесткой. У нее не получилось выдать и малой толики кротости и смирения, которых требовал Рудольф. Образ Принцессы ложился на нее идеально. Вот только это не роль была, а так... недоразумение в пышных юбках.

— Техника! Голая техника! Не спорю, исполнение виртуозное. Но как же чувства? Эмоции? Вот скажи, — спросил он угрюмо, присаживаясь рядом с ней на паркетный пол. — Ты эту сказку читала?

— Читала.

— И что?

— Не понравилась.

— Я догадался. Вопрос в другом. Неужели ты ее не понимаешь? Ее самоотверженности и безграничную любовь?

— В смысле дурость? Да, она безгранична.

— По-твоему Русалочка должна была убить Принца? Убить того, кого она любит больше жизни?

— Не знаю. Нет, наверное. Вы же сами говорите, что любит она его больше жизни. Значит, не смогла бы этого сделать. Но почему она даже не попробовала удержать его? Чтобы быть с ним девушка отказалась от всего. Жизнь — и та ей уже не принадлежала. Это идиотизм чистой воды — не бороться за свою любовь. Особенно, если кроме любви у тебя в этом мире уже ничего нет.

— В твоих рассуждениях присутствует некоторая логика, — нехотя признал Карден. — Но как она могла бороться?

— В том-то и беда, что никак. Русалочка по натуре — Жертва. А они никогда не сопротивляются, а послушно позволяют себя убить. Людям или жизненным обстоятельствам — неважно.

— Ладно, а как бы ты поступила?

— Соблазнила бы принца. Избавилась бы от принцессы. И для этого не обязательно было бы ее убивать. Напомню, мы же в сказке. Приворотное зелье и вот она уже в объятиях какого-нибудь славного рыцаря.

— А где бы взяла зелье?

— Нашла бы.

— А это идея! — воскликнул Рудольф, вскакивая на ноги.

— Соблазнение или приворотное зелье? — лениво поинтересовался Верко.

— Убийство! Русалочка, понимая, что Принцесса крадет у нее любимого, злится и решает убить ее. Драматическая сцена. И осознание, что она не может отнять жизнь другого человека.

— Да, — соглашается Эштон. — Если правильно подать, то будет просто потрясающе. Но идея с соблазнением тоже хороша.

— И как ты себе это представляешь? Разврат в свой балет я не пущу.

— Ну, могла же она попытаться? Другое дело, что попытка соблазнения, предпринятая совершенно невинной девушкой, будет выглядеть мило и наивно. Никакого разврата.

— Хочешь сказать, что Принц может эту попытку даже не заметить?

— Нет, конечно. Просто он окажется слишком благородным и... позволь перефразировать твою невесту. Парень окажется Прекрасным принцем, а не козлом.

— Да. — Карден кивнул. — В этом что-то есть. Но мне надо подумать.

На этом репетиция была окончена. Нет, Рудольф еще горел желанием продолжить работу над будущим спектаклем. Катрина не позволила. Она потребовала оставить «несчастливого ребенка» в покое. Хотя Дана с ее шальной улыбкой менее всего сейчас казалась несчастной. И уходить совершенно не хотела. Ей было хорошо рядом с этими людьми. Пусть она и падала от усталости.

Но стоило ей выйти из особняка и сесть в такси, как переутомление дало о себе знать. Глаза ее начали слипаться. Почти всю дорогу до Артена девушка проспала на плече своего куратора. Но он великодушно сделал вид, будто бы и не заметил этого. А Дана в ответ притворилась спящей, когда он робко поцеловал ее в висок, стоило ей немного задремать. Хотя Вадим ее этим и разбудил.

Перед зарядкой Диану поймал Майк Кейн и сказал, что с этого дня для нее и остального «клуба жаворонков первого курса» утренняя разминка необязательна. Диана поблагодарила преподавателя и побежала радовать этим известием приятелей.

Но стоит отметить, что к этой новости все кроме Тео проявили полнейшее безразличие. Хотя это и понятно. Им на десять минут больше заниматься или меньше — не велика разница. Тогда как Морье к физическим нагрузкам человек непривычный. Спортом он никогда не занимался. Ни на какие секции даже в детстве не ходил. И ему сейчас было очень тяжело. Хотя парень и пытался скрывать это от друзей.

Но, в целом это было самое обычное утро. Странности начались завтраком. На Диану старшекурсницы стали бросать кто заинтересованные, а кто и откровенно враждебные взгляды. А в столовой то и дело раздавались восклицания:

— Это она!

— Нет!

— Не может быть!

— Но похожа.

- Очень похожа!
- Если не она, то кто?
- А имя другое.
- Недоразумение!
- Ошибка!
- Как интересно!
- Поверить не могу!

Поначалу Дана не могла понять, что происходит. Потом у нее начали закрадываться опасения о том, что ее легенда дала трещину, и курсанты сейчас с упоением обсуждают ту злополучную премьеру в Андорском театре.

И осуждают. За что? За то, что имела наглость выжить. И даже больше — вытянуть из той мясорубки одного маленького мальчика. Ужасное преступление, если вдуматься!

Сколько не объясняй, что ей просто повезло, никто не поверит. Если тебе удалось спастись, значит, ты однозначно виновата.

Что-то знала, о чем-то подозревала, а то и в сговоре с террористами была. Но даже если кто и поверит в череду случайностей, это ничего не изменит. Родители погибших детей ее ненавидят.

Она жива и здорова, а их малыши — нет. Разве это справедливо? Говорят, все люди равны. Но так ли это? Поставьте перед спасателем, полицейским или врачом задачу: «Есть два ребенка. Сирота и наследник богатых родителей. Спасти можно только одного. Кого надо спасти?»

Но что бы они не ответили, на этот, в сущности, простой вопрос, помогать они бросятся отпрыску богачей. Ведь кому нужен сирота? Что есть, что нет — все одно. Плакать о его смерти никто не будет. Ребенок же, у которого есть семья, более того, влиятельная семья — совсем другое дело.

Одно радует. Все же те, кто потерял своих детей, не совсем еще лишились рассудка и озверели. Обвинения в пособничестве преступникам звучали только в адрес Даны. Эдмонда свора «жаждущих справедливости» не трогала. Конечно, для самой Дианы это ровным счетом ничего не меняло. Но оставляло надежду на то, что мир, в котором они живут, еще не совсем обречен.

И девушка уже было начала надеяться, что последних месяцев продлится хоть сколько-нибудь долго. Видимо, не судьба.

От грустных размышлений ее отвлек напряженный голос Джейса:

- Мелкая, а ты ничего не хочешь нам рассказать?
- Что?
- Как, где и с кем ты провела вчерашний вечер?
- Нет. По крайней мере, не здесь.
- С Авериним ты была. И знает об этом уже вся Академия.
- Как?

— Ваше фото разлетелось по всем новостным лентам. Сама посмотри. Правда, в тексте тебя называют другим именем. — Друг протянул ей планшет.

Девушка с ужасом осознала, что никакой ошибки нет и их фотографии действительно красуются на первых полосах. Заголовок одной из статей гласил: «Помолвка сезона состоялась. Кто следующий?» Это было тяжело, но Диана заставила себя вчитаться в текст:

«Помолвка Рудольфа Кардена и Катрины Андраши, наконец, состоялась. Мы от всей

души поздравляем их. Но умы наших читателей теперь занимает другой вопрос. Кто из знаменитых холостяков будет следующим?

По слухам — Вадим Аверин. Его мать на днях проговорила, что она с нетерпением ждет некоего очень важного события. Возможно, речь шла о юбилее главы семьи Константина Аверина, которому скоро исполняется девяносто. Но то, как многозначительно она поглядывала на свою молодую подругу Лолиту Рэндом, делает это предположение совершенно несостоятельным.

Также нам стало известно, что единственный наследник промышленной империи посетил благотворительный спектакль и светский прием в честь помолвки Кардена и Андраши в сопровождении госпожи Рэндом. И если судить по фотографиям, которые нам все же удалось заполучить, эти двое не на шутку увлечены друг другом».

На фото, которые автор сего бреда выставлял доказательствами их с Авериным влюбленности, они и, правда, казались настоящей влюбленной парой. Глаза горят. На лицах счастливые улыбки.

— Мамочки! — простонала Диана, выронив из ослабевших пальцев планшет.

Рей, который сидел рядом, а не на противоположной стороне стола поднял гаджет со стола. Но владельцу возвращать его владельцу не стал, а сам углубился в чтение. Спустя минут десять парень, оторвав взгляд от экрана констатировал:

— Это новость дня. Заметками подобными той, что читала ты, заполнены все без исключения новостные ленты. Но, к счастью, твое имя пока нигде не фигурирует. И будем надеяться, что Аверин успеет прижать их раньше, чем они раскопают настоящее.

— Не успеет, — смущенно выдавил Тео. — Уже раскопали. Читать? Так, это пропустим. Это — тоже. Вот!

«Так кто же был вчера с Вадимом Авериным и ждать ли свадьбы?»

«Нет, это кто угодно, но не Лолита! — заявила сегодня светская львица Дилия Собина. Напомним, что они с госпожой Рэндом являются школьными подругами. Поэтому, сомневаться в ее словах мы не будем. — Они ведь и не похожи совершенно. И я точно знаю, что Лоли сопровождала вчера своего отца. А с Вадимом была какая-то другая девушка. Слышала, ее зовут Диана. А еще... я ее видела раньше. Вот только не помню, где. Кажется, в сети про нее недавно что-то писали».

Это стало нашей зацепкой, которая помогла найти информацию о спутнице Вадима Аверина. Если вы вспомните ужасную трагедию в Андорском театре, которая произошла несколько месяцев назад, то имя этой девушки само всплывет в вашей памяти. Диана Вирэн.

Ах, сколько шума наделала данная особа. Кто-то считает ее несчастной жертвой, чудом спасшейся из лап смерти. Кто-то — чудовищем в человеческом обличье.

Напомним, что она была единственным подростком, пережившим теракт. Ее, не обосновательно, подозревали в пособничестве террористам. Уж очень удачно Вирэн в конце первого акта захотела прогуляться по хозяйственным помещениям. А найти в одной из дверей забытый ключ? Невероятное везение на наш взгляд.

Но обвинение предъявлено не было. Вероятно, решающим доводом в пользу этого стал юный возраст ученицы Танийской Академии классического танца. Но процитируем пресс-секретаря службы безопасности Тьерры: «У нас нет доказательств вины...»

— Тео, замолчи! — рявкнул на приятеля Джейс, а потом посмотрел в глаза Диане. — Мелкая, все хорошо будет. А если кто-то посмеет хоть одно дурное слово про тебя сказать, мы донесем до него, что молчание — золото. Но возвращаясь к ранее заданному вопросу. Ты

ничего рассказать не хочешь? Как ты оказалась с куратором на этой чертовой вечеринке?

— Случайно. Правда. Захотела в кино сходить. А перед сеансом решила немного прогуляться.

— Одна? А где остальные были?

— Ты, Каро, Мари и Тео отделились от нас еще днем. Рей и Миха развлекались на брейк-фестивале. Аверин меня посреди улицы перехватил. Предложил сходить в театр.

— Просто так?

— Нет, конечно! Я не вовремя ему на глаза попалась. Его мать решила примерить на себя роль свахи и притащила с собой молодую приятельницу в надежде, что она хоть на этот раз сможет очаровать ее сына. Майор разозлился. Потому что Лолиту Рэндом он терпеть не может. И ему безразлично, насколько эта женщина — хорошая партия. Если так посмотреть, ему было все равно, с кем прийти в театр. Да не смотрите вы на меня так. Ну, не могла же я ему отказать!

— Почему, кстати? — поинтересовался Рей, отхлебнув глоток апельсинового сока.

— Во-первых, это была постановка «Дамы с камелиями» в исполнении труппы Рудольфа Кардена.

— А во-вторых?

Диана смутилась и, глядя себе в тарелку, пробормотала:

— Сам бы попробовал сказать ему: «Нет». Я бы на тебя посмотрела. Мне еще с ним работать.

— Знаешь, Мелкая, наш куратор бы вряд ли пригласил меня на свидание. Он, насколько мне известно, предпочитает девушек.

— Не было это никаким свиданием!

— А почему тогда ты смотрела на него влюбленными глазами? — усмехнулся Джейс.

— Танцует он хорошо.

— Лучше меня?

— Это сцена ревности? Напомню, ты встречаешься с Каролиной, а не со мной.

— Нет. Просто кое-какие мысли появились.

— Поделишься?

— Он тебе подходит.

— Джейс! — Рей смерил друга укоризненным взглядом.

— Ну, правда, же. Это Диану Вирэн журналисты могут безнаказанно поливать грязью. А жену Вадима Аверина они тронуть не посмеют.

— Ты глупости говоришь. Но почему они не посмеют поливать грязью его жену?

— Деньги и влияние.

— У преподавателя Артена?

— Правду говорят, что все балерины не от мира сего, — закатил глаза парень. — Ты что, вообще, о нем знаешь?

— Кроме того, что он боевой офицер, награжденный «Серебряными крыльями»? Он резкий, категоричный, но честный и справедливый. Немного ироничный. Ответственный.

— Я немного не о том. Ты что о его семье знаешь?

— Отец умер. А мать второй раз замуж вышла. Отчима Аверин не выносит. Все.

— Его дед владеет целым промышленным комплексом, выпускающим все: от малых атакаторов, до линкоров. И наш Адмирал его единственный наследник.

— Круто. Но ты сам подумай, где я, а где наследник промышленника? Ладно, давайте

есть и на занятия.

Этот день для Дианы не был легким. Удивленные лица преподавателей. Шепотки за спиной. А потом уже и не шепотки. Курсанты словно нарочно повышали голос, чтобы она их, уж точно, услышала. Сплетни, кстати, были одна невероятнее другой.

Ее обсуждали везде. Как будто бы у людей других тем для разговоров не находилось. Это раздражало. Но девушка старалась абстрагироваться от этого. Получалось плохо. За последние месяцы она привыкла к покою Артена и его доброжелательной атмосфере, где самым страшным были нападки Веры Скольник, навязчивое внимание Сашки и раздраженная отповедь Аверина.

Когда на ее комм пришло сообщение о том, что с ней желает кто-то пообщаться по закрытой сети, она уже была на взводе. Девушка удивилась, но решила, что, скорее всего звонит ей Тони или кто-то по поручению Кардена. Отыскав кабинку под номером сто двадцать шесть, она вошла и села на стул возле экрана.

— Добрый день, — поприветствовала она немолодого мужчину, который с непроницаемым лицом взирал на нее.

Но мужчина на приветствие решил не отвечать и сразу перешел к допросу:

— Вы — Диана Вирэн?

— Да.

— Какие отношения вас связывают с Вадимом Авериным?

Девушка опешила. А потом, выдавив из себя очаровательную улыбку, ответила:

— Без комментариев. Я не общаюсь с репортерами. Всего доброго.

— Сидеть! — зло рявкнул незнакомец. — Я тебя не отпускал.

— А вы, вообще, кто? И какое право имеете повышать на меня голос?

— Простите. Не хотел вас обидеть. Мое имя Константин Аверин. И я бы хотел поговорить с вами о моем внуке.

Девушка кивнула и с вежливым интересом уставилась на собеседника.

— До меня дошли слухи о том, что Вадим проявляет к вам «особый» интерес. Что вы можете ответить на это?

— А я должна? — невинно поинтересовалась Диана.

— Да, и немедленно.

— Господин Аверин, при всем моем уважении, вам лучше обратиться за разъяснениями к внуку.

— Девочка, ты случайно, не забылась? Думаешь, то, что ты крутишься рядом с Вадимом, дает тебе право...

— Во-первых, господин Аверин, если вы продолжите говорить со мной в подобном тоне, я просто встану и уйду. Но смею напомнить, что именно вы хотели со мной побеседовать. Во-вторых, я не кручусь рядом с вашим внуком. Он — мой куратор. Мы вчера случайно встретились в городе. У него оказался лишний билет в театр. Я не считала чем-то постыдным право сопровождать его на премьеру и, соответственно, на последующий за ней прием. Никакого «особого» интереса он ко мне не проявляет. Вся эта шумиха в прессе — не более чем недоразумение.

— То есть ты не стремишься, как утверждает Сильвия, занять место его супруги?

— Могу я быть с вами откровенной? — девушка испытующе, и как-то устало посмотрела на мужчину.

— Да, — осторожно ответил тот.

— Только поймите меня правильно. Ваш внук очень хороший человек. И таких как он, еще поискать. Но он раздражителен, несдержан на язык и холоден. Не зря же его за глаза «Ледяным Адмиралом» называют. А еще ему тридцать три года. Между нами пятнадцать лет разницы. Он же старый! Я еще толком говорить не умела, а ваш внук уже в высшем учебном заведении учился.

— Очень интересно...

— Я же его не люблю, — не слишком уверенно заявила Диана, выдавая себя с головой.

— И замуж за него не хотите?

— Я, вообще, не хочу. Муж, особенно такой, как майор Аверин, мне не нужен.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Просто он не для меня. Да, ваш внук мне нравится. Но мы слишком разные. К сожалению. Мне сложно даже представить, какими станут наши отношения, если мы начнем встречаться. Скорее всего, он попытается перекроить меня под себя. Я же меняться в угоду кому-либо не желаю. У меня есть свои собственные убеждения, интересы и планы на будущее. Поэтому мне такое сокровище, как ваш внук не нужно и даром. А теперь, если я ответила на все ваши вопросы, мне нужно идти. До свидания.

Возражений не последовало. Диана вымучила улыбку и нажала на кнопку сброса связи. И лишь после этого застонала, схватившись за голову:

- Боже, что я ему наговорила?!

Вадим сидел за письменным столом, борясь с желанием выпить чего-нибудь покрепче. Ему предстоял очень сложный и во многом неприятный разговор. Нужно было извиниться перед Дианой и, хотя бы попытаться объяснить ей, почему все так вышло. А потом решить, что делать.

Физическую боль майор терпеть научился, будучи еще подростком. С душевной все обстояло гораздо сложнее.

Нет, он мог держать себя в руках. И отодвигать ее на задний план тоже умел. Но когда ты знаешь быстрый и легкий способ избавления от моральных терзаний, искушение пройти по нему будет всегда. Только легкий путь не всегда является верным. И извиняться перед кем-то будучи не совсем трезвым, не правильно как-то.

Коммуникатор, небрежно валяющийся на столе, громко зазвенел, оповещая своего хозяина о том, что кто-то желает с ним поговорить. Общаться с кем-либо Аверин не имел ни малейшего желания. Поэтому прежде чем принять вызов, посмотрел на экран. К несчастью на другом конце был человек, которого крайне нежелательно игнорировать. Ибо себе дороже.

— Ну, здравствуй, внук, — приветствовал его Константин Аверин.

— Добрый вечер, сэр.

Называть этого человека «дедушкой» Вадим перестал в двенадцать лет. И не то, чтобы между ними не было родственных чувств. Наоборот. Они были достаточно близки. По крайней мере, никого ближе у них не было. Просто полковник Аверин был старшим по званию. И это во многом определяло их отношения.

— Я тут побеседовал с твоей подопечной. Интересная девочка.

— Простите?

— Поговорил с Дианой Вирэн.

— Что вы сделали?! — Вадим не в силах совладать с возмущением вскочил на ноги. — С тем, что в мою личную жизнь лезет мать, я еще могу смириться. Но вы...

— Не кипятись. Я просто с ней побеседовал. Кстати, она мне понравилась. С норовом малышка. Правда, порывистая. Но это потому, что молодая. Со временем пройдет. В общем, благословляю тебя, дитя мое.

— Э...

— Вадим, если ты ее упустишь, я тебя наследства лишу! — шутливо пригрозил полковник.

— Что?

— Что слышал. Малышка тебе нравится. По глазам вижу. А такие, как она на дороге не валяются. Красивая. К тебе неровно дышит. И характер у нее есть, что немаловажно. Такая женщина уж точно должна родить мне правнука — адмирала.

— Да какая она женщина?! Девчонка малолетняя.

— Балбес, — буркнул старик. — Если она еще не женщина — тебе же проще. Соблазнил, и под венец. Можно подумать, сам этого не хочешь.

— Да эта пигалица, просто из чувства противоречия будет одних девчонок рожать. А если и осчастливит сыном, так он не о звездах, а о балете грезить будет.

— А что ж ты тогда с такой связался?

— Не знаю. Не поверите, получилось так. Зацепила. Да так крепко. И ведь понимаю что надо держаться от нее подальше, что не для меня она. А из головы выбросить не могу.

— Ладно. Я, если ты настаиваешь, согласен и на правнучку — адмирала. Так, пожалуй, даже интересней выйдет. Только, я бы тебя попросил с этим вопросом не затягивать.

— Вы издеваетесь?

— Нет. Учю наследника жизни.

— Не надо.

— А давай ты мне через девять месяцев представить правнука или правнучку? Адмирала из ребенка я, так уж и быть, сам воспитаю.

Вадим покачал головой и бросил на деда тоскливый взгляд. Константин мгновенно сменил тон:

— Я хочу, чтобы ты был счастлив. А одиночество еще никого не сделало счастливым. Тебе пора уже задуматься о семье. Вадим, девчонка мне, правда, понравилась. Есть в ней что-то такое... настоящее. Не кривлялась. На тебя вину не валила. Даже выгородить тебя пыталась. По мере сил и возможностей. Сказала, правда, что сокровище, как ты ей и даром не нужно.

— Прямо так и сказала?

— Слово в слово.

— Ну, паршивка!

— Это она от растерянности. И скорее себе самой, чем мне.

— Не понимаю.

— Перед этим она призналась, что ты ей очень нравишься.

— Правда? — по губам Вадима расплылась идиотская улыбка. — А что еще?

— Что таких, как ты еще поискать. Ах, да... чуть не забыл, — не без злорадства добавил полковник. — Еще ты старый.

Вид у Вадима при этом стал до того обиженный, что Константин рассмеялся.

— Не ждал, да?

— Не ждал, — ответил он глухо, вдруг понимая всю ее правоту. Он действительно стар для нее. И дело даже не в прожитых годах. Что такое пятнадцать лет? Ерунда. А в том, как он их прожил. — Не думал об этом. А ведь она права.

— Вадим не дури. Девчонка эта твоя — ладно. Ей можно. Жизни не знает. Вчера со школьной скамьи. Но ты должен понимать, что разница в возрасте, особенно такая маленькая, как у вас, ничего не значит.

— Да, — натужно улыбнулся Вадим. — Наверное, вы правы. В нашем случае это, и, правда, ерунда. Простите. У меня срочное дело. Я позвоню вам позже. Хорошо?

— Я тебя расстроил?

— Нет. Но у меня действительно сейчас нет времени.

— Тогда до скорого, Вадим.

— До свидания, — майор прикоснулся к сенсорной панели, разрывая вызов, а потом изо всех сил ударил кулаком по столешнице.

Боль немного отрезвила. Не сильно, но в данной ситуации и это неплохо. Выпить захотелось еще сильнее. Но нельзя. Как нельзя и откладывать разговор с Вирэн.

— Ну, зачем он позвонил? — спросил Вадим у потолка.

Всевидящие небеса отвечать ему не спешили. Да и не ждал он ответа. И так все понятно. Просто дед в своей несколько эксцентричной манере решил сделать его жизнь лучше. И у майора появилась еще одна причина для извинений перед своей старшиной.

Диана постучалась в его дверь ровно через четыре минуты после того, как он отправил ей вызов. Словно ждала где-то неподалеку. Наверное, так и было. Или нет?

— Вирэн, — начал Вадим несколько неуверенно. — Я бы хотел принести вам свои извинения. Мне жаль, что все так вышло.

Девушка демонстративно перевела взгляд с картины на письменный стол майора, совершенно игнорируя его самого. Вадим не выдержал и рявкнул:

— Посмотри на меня. — Их глаза встретились, и мужчина уже более мягким тоном закончил. — Прости меня. Вина за произошедшее целиком и полностью лежит на мне, и я...

— Так точно, сэр, — процедила она сквозь зубы. — Разрешите исполнять?

— Что? — слегка опешил Вадим.

— Вы только что отдали приказ простить вас. Разрешите исполнять?

— Диана, прекрати!

— Что, прекратить?

— Так себя вести.

— А как я себя веду? По-моему, вполне адекватно ситуации. Вы хоть представляете, что сейчас творится в Артене после того, как наши фото разлетелись по новостным лентам? Знаете, какая в академии сейчас самая популярная сплетня? Старшина залезла в постель своего куратора. А если она спит с ним, то спит еще с десятком.

— Ты преувеличиваешь.

— Я цитирую! Если вам интересно, то мне в любовники записали всю мужскую часть моей группы. Начиная с Джейсона и Рея, а заканчивая Сашкой Польским. Но это — ерунда. Сказать вам, что самое страшное? Кое-кто вспомнил, что сержанта Энхарт уволили после конфликта со мной.

— Она не соответствовала занимаемой должности.

— Это вы своим коллегам скажите. С курсантами я и сама разберусь.

— Тебе кто-то сказал, что преподаватели...

— Да сами они все сказали. Трое довели до моего сведения, что разочарованы. Двое, что мне будет очень сложно сдать у них экзамен.

— Почему?

— Потому, что они шлюх очень не любят. А я как раз к этой категории отношусь. Вы разве не знали? А вот они давно предполагали, что я старшиной группы стала не просто так. Остальные пока ничего мне не сказали, но взгляды бросают более чем красноречивые. Так что, не сегодня — завтра обязательно скажут что-нибудь приятное.

Девушка еще аз прожгла своего куратора раздраженным взглядом и сквозь зубы процедила:

— Разрешите идти? Если я вам больше не нужна, конечно.

— Злишься?

— Можно подумать, у меня причин для этого нет. За завтраком я еще раз узнала, что выжить после теракта, конечно, не преступление, но не в моем случае. Потом половина Артена начиная с курсантов, заканчивая преподавателями, попыталась донести до меня одну простую истину. Оставаться в живых мне не стоило. Ведь такие, как я не то, что учиться в

военной академии, дышать с ними одним воздухом недостойны. Потом со мной возжелал пообщаться ваш дедушка. Мне было очень приятно выслушивать свой адрес гадости еще и от него. И на десерт меня вызываете вы и приказываете вас простить.

— Я прошу.

— Так не просят.

— А как просят?

— Не знаю, но не так. Можно мне уйти? Я устала и хочу побыть одна.

— Нет. Сядь на стул и послушай.

— Не хочу я ничего слушать! — выпалила девушка и развернулась к двери, но Вадим поймал ее за запястье. — Отпусти меня немедленно. Отпустите!

— Давай на «ты»? Раз уж начала. Наш конфликт несколько выходит за рамки уставных взаимоотношений.

— Раз выходит, тогда не нужно пользоваться своим положением на меня давить. И руки от меня убери. Не люблю, знаешь ли, когда ко мне прикасаются посторонние.

— Дана...

— Что? — устало отозвалась девушка, посмотрев ему в глаза.

— Ну, ударь меня и тебе станет легче. Ты же этого хочешь, а я заслужил.

Вадим отпустил ее запястье и отошел на шаг назад.

— Думаешь, я не смогу? — вспыхнула Диана. — Ты меня подставил!

— Я не предполагал, что все так выйдет.

— А надо было! Взрослый ведь уже!

Девушка прожгла своего куратора злым взглядом, а потом изо всех сил ударила его кулаком в живот. И испуганно охнула. Потому что он не закрылся, а действительно позволил ударить себя.

Диана не раз и не два наблюдала за спаррингами приятелей и понимала, что увернуться или поставить блок — это для тех, кто долго занимается боевыми искусствами, уж рефлекс.

А потом мужчина начал медленно оседать на пол. Ему было больно. Очень. И он улыбался. Натянuto. Неискренне. Но крайне старательно демонстрировал, что все хорошо и он просто присел отдохнуть. И голос был почти нормальным:

— Вирэн, ты только в обморок не падай, ладно? Я тебя поймать не смогу.

— Врача? — севшим голосом прошептала Дана.

— Сейчас все пройдет.

— Но может тогда обезболивающее?

— Не надо. Мне уже лучше. Я только посижу пару минут.

Девушка осторожно опустилась на пол возле своего куратора и несмело прикоснулась к его плечу:

— Прости меня.

— Это ты меня прости. Я — самонадеянный дурак. Ничему меня жизнь не учит. Знаю же, как и почему организм дает сбой, и все равно лезу. Веду себя так, будто бы молодой и здоровый. И регулярно за это расплачиваюсь.

— Ты молодой.

— А полковнику ты сказала обратное.

— Кому? — не поняла Диана.

— Деду моему.

— Вы его полковником называете?

— Ну, так получилось. Я, когда в кадетский корпус поступил, ужасно этим гордился. Ну, и подчеркивал при любом удобном случае. К деду обращался только по уставной форме, как к старшему по званию. С тех пор и повелось. Вот такая история. Но не уходи от темы.

— Я не уйду, — девушка вздохнула и, заглянув в глаза Вадима, спросила. — Но что еще я могла ему сказать? Его ваша матушка накрутила. Видимо, представила меня, как циничную охотницу за вашим состоянием. Хотя до сегодняшнего дня, я понятия не имела о его наличии. Ваш дед не поздоровался даже. Сразу начал претензии предъявлять. Я и постаралась убедить его, что не собираюсь за вас замуж. Мне проблем и так хватает. Если мне их еще и ваш дед с его с его связями устраивать начнет, то мне одна дорога...

— Куда?

— А где оказываются те, кто перешел дорогу сильным мира сего? Я до сих пор удивляюсь, почему меня до сих пор не попробовали «устранить». Это ведь мгновенно решило бы все проблемы. Те, кто потерял своих детей, считают неправильным то, что я жива. И моя смерть их бы порадовала. Это в их глазах будет справедливым.

— Не могу это слушать. Дети не должны так говорить о собственной смерти.

— А я разве ребенок?

— Нет. Тебя заставили повзрослеть. Но все равно мне плохо становится, когда я слышу от тебя такое.

— Простите, — девушка отстранилась и отвела взгляд.

— За что? Ты ведь правду говоришь. Как сама ее видишь. А я только могу обещать, что сделаю все возможное, чтобы тебя защитить.

— Не надо ничего мне обещать, — устало пробормотала Диана. — В моих настоящих проблемах вы не виноваты. Да и сделать с ними ничего не сможете, даже если захотите. А сегодняшний инцидент я предлагаю просто забыть. Ничего такого уж страшного не произошло. Вы только деда своего убедите, что не собираетесь на мне жениться. Ну, скажите, что я вам на самом деле не нравлюсь, и вчера вам просто не с кем было пойти на этот чертов прием.

Вадим усмехнулся. От него не укрылось, что подопечная по привычке или же вполне сознательно вернулась к формальному обращению «вы». Она отстранялась от него и пыталась снова построить между ними ту стену, которую сама же разрушила несколько минут назад. Вот только майор с этим ее решением был категорически не согласен.

Что отличает настоящего мужчину? Решимость. А также умение отвечать за свои слова и поступки. И следует отметить, что Вадим вполне отдавал себе отчет в том, что творит. И то, что пути назад у него уже не будет. Но последствия его совершенно не пугали. Он протянул к девушке руки, обхватил ее за талию и пересадил с пола себе на колени. Диана смотрела на своего куратора круглыми глазами и, казалось, боялась дышать.

— Ты мне нравишься, — сказал мужчина, коснувшись кончиками пальцев своей визави и мягко улыбнулся. — А полковник, вообще, заявил, что наследства меня лишит, если я на тебе не женюсь.

— Вы шутите?

— Нет. Конечно, наследства он меня не лишит. Просто дед, таким образом, решил показать, что ты ему симпатична. Еще он сказал, что ты с твоим характером точно родишь ему правнука адмирала. Есть у него такая идея фикс. Мне-то адмиралом уже не быть.

— А вот ваша мать от меня не в восторге.

— В этом вопросе она для меня не является авторитетом. И дело не в тебе. Просто Лола

ей нравится больше, — Вадим переплел свои пальцы с ее и попросил. — Дана, выходи за меня.

Девушка зажмурилась и потрясла головой. Майор, не сдержавшись, рассмеялся. Настолько этот жест был по-детски непосредственным. Диана смерила его негодующим взглядом и ехидно поинтересовалась:

— А если я сейчас возьму и соглашусь?

— Я буду этому рад. И мы сейчас сбежим из академии для того, чтобы в центре гражданских регистраций составить заявление о вступлении в брак. И тогда мы поженимся в течение ближайших двух-трех месяцев.

— Ты сейчас трезвый? — Диана с некоторым подозрением спросила у мужчины, на коленях которого почему-то продолжала сидеть.

— Да.

— А тогда почему говоришь такое? Если ты, как честный человек, решил жениться на девушке, которую скомпрометировал, то не стоит. На самом деле моя репутация не так уж и пострадала. В моей ситуации пятнышком больше, пятнышком меньше...

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

— Зачем? Ты меня не любишь. Ты даже не знаешь меня.

— Ты мне нравишься. Очень. Мне с тобой хорошо. Легко.

— И этого достаточно, чтобы жениться?

— На самом деле, да. Этого достаточно. Что такое любовь, Диана?

— Понятия не имею.

— Хочешь, я расскажу тебе, что такое любовь? Это уважение. Я тебя уважаю. За твою силу, стойкость и искренность. А ты?

— Ты в высшей степени достоин уважения. Чего уж спорить?

— А еще, любовь — это доверие. Я тебе доверяю. Знаю, что ты не предашь. И ничто не заставит меня предать тебя. Веришь?

— Верю.

— Любовь — это симпатия. Когда тебе приятно находиться рядом с человеком. Разговаривать с ним или даже просто молчать. А еще, любовь — это в какой-то степени страсть. Желание часто путают с влюбленностью и даже с любовью. Но это неправильно.

— Я не совсем понимаю.

— Если двоих связывает только влечение, тогда о счастливой семье и мечтать не стоит. Потому что брак, это в первую очередь партнерство. А страсть — лишь часть целого.

— И что?

— Вот если бы я просто тебя хотел, то никогда не предложил бы разделить мою жизнь. Но ты мне, правда, нравишься.

Девушка закрыла лицо ладонями и простонала:

— Ты сошел с ума. Я половине академии нравлюсь. И Джейс, и Рей, и даже Сашка Польский питают ко мне некоторую симпатию. Дэн, так, вообще, наверное, меня любил. Так, что же... за всех замуж выходить?

— Нет, конечно. А кто такой Дэн?

— Если я скажу, что друг, это будет не совсем правдой. Мы были ближе, чем просто друзья. Он был мне старшим братом, — из глаз Дианы вдруг потекли слезы, но она продолжала говорить и говорить о том, что так долго держала в себе. — Человека ближе, чем он у меня не было и уже никогда не будет. В первом классе Школы Искусств мы

оказались за одной партией. Его периодически пытались пересадить. Но уже на следующий день учителя возвращали его ко мне. Он был общительным непоседой. А я тихой скромницей. Из меня лишнего слова было не вытянуть. Как итог, на уроках мы почти не болтали. Потом мы вместе поступили в Танийскую Академию Классического балета. Единственные из всего класса. Его, кстати, из-за меня Дэном начали звать. Он ведь Даниил — Дан. Но так вот, нас с Дэном другие ребята часто нам вслед кричали: «Тили-тили тестс жених и невеста». — Девушка улыбнулась. — И как-то еще. Не помню. Сейчас. Вот! «Даной Дан наш очарован. В цепи он любви закован». Не знаю, кто ее придумал, но эта дразнилка ужасно его злила. Он даже подрался один раз.

— Ты очень скучаешь по нему? — спросил майор, вытирая с ее щек слезы.

— До сих пор поверить не могу, что его нет. А его ведь могли спасти. Если бы помощь пришла хоть немного раньше. Мой Дэн умер на руках у врачей. Так господин Рое рассказал.

— И Джейсон не заменил тебе его?

— А разве можно заменить одного человека другим?

— Нет. Конечно, нет, — Вадим привлек девушку к своей груди и крепко обнял. — Но мне показалось, что ты нашла в нем родственную душу.

— Нашла. Джейс мне очень дорог. И Рей тоже. Только они не помогли мне забыть Дэна.

— И не поможет. Я тоже потерял друзей, каждый из которых был мне ближе, чем вся моя родня вместе взятая.

— А как они...

— Погибли?

— Да.

— Шесть лет назад война собрала свою кровавую жатву. Мы ведь были солдатами и понимали, что можем умереть в любой момент. Но одно дело предполагать, что не доживешь до конца боя, и совсем другое — хоронить самых близких людей. Я думал, с ума сойду.

— Когда я думаю о том, что всех, с кем я росла, больше нет, мне тоже кажется, что я сойду с ума. Мне так больно и страшно, что жить не хочется.

— Это пройдет. Время — лучший доктор. На тебя слишком многое навалилось. А тут еще и я со своей любовью.

— С предложением руки и сердца, а не любовью. — Диана немного отстранилась и посмотрела мужчине прямо в глаза. — Хотя это и предложением-то назвать сложно. Один цинизм и никакой романтики.

— Значит, вы, курсант Вирэн, хотите романтики? Так... корзина роз, шампанское и кольцо, а также я в парадном мундире на одном колене. Ничего не забыл?

— Глупый. Зачем мне кольцо и розы?

— Сама же хотела романтики.

— Нет.

— А чего ты хочешь?

— Не знаю. Наверное, просто жить. Танцевать. Чтобы меня не обвиняли в том, чего я не совершала, и не поливали грязью мое имя. А замуж выходить только потому, что мы друг другу нравимся, не хочу. Что бы ты ни говорил, но для счастливой жизни этого мало. И, вообще, это все глупости. Мы даже не целовались ни разу. Как ты можешь...

Договорить Дана не успела, потому что майор обхватил ее лицо ладонями и поцеловал.

Ответила она не сразу. Сначала робко. А потом уже более уверенно.

Текли минуты, но они все не могли оторваться друг от друга. Это было сродни умопомрачению. Сладостное безумие окутало и закружило, пусть ненадолго, но ограждая их от мира.

— Ну, что? — в голосе Вадима слышалось явное самодовольство, словно бы он нисколько не сомневался в собственной неотразимости. — Я тебя убедил?

— В чем?

— В том, что нам будет хорошо вместе.

Диана тяжело вздохнула и с укором посмотрела на своего куратора. Но он сделал вид, будто бы и не заметил этого взгляда. Девушка закатила глаза.

— Какое-то время, возможно и будет. А что потом?

— Ты сейчас, о чем?

— О нас. Думаю, ты прав. Пару месяцев нам будет хорошо. Потом я уеду, а ты останешься здесь. И это будет концом нашей сказки.

— Не обязательно.

— Ну, как ты не понимаешь? Отношения на расстоянии — не отношения, а форменное издевательство. Я так считаю. Кто-то может со мной не согласиться. Лично для меня неприемлемо постоянно проживать вдали от любимого человека. Однако жертвовать своими мечтами, своим будущим, в конце концов, ради того, чтобы быть с тобой, мне как-то не хочется. Ты мне нравишься. Очень. И мне тоже с тобой хорошо. Но балет — это моя жизнь. И принести его в жертву какой-то любви, я просто не могу.

— Все сказала?

— Нет! Мне всего восемнадцать. Я вообще не хочу замуж. И отношений не хочу. Они только мешать будут. Мне выпал шанс попасть в большой балет. Это было моей целью на протяжении всего обучения в Тание. Но иллюзий я не строю. Это всего лишь шанс. Чтобы его реализовать придется работать, как проклятой, выжимать себя до последней капли. Нельзя ни на что отвлекаться. Все мысли должны быть о танцах, а не разбитом сердце. Ты ведь не станешь ждать годы, пока я сделаю карьеру. Да и тогда, роль скромной жены преподавателя военной академии вряд ли будет меня привлекать.

— Диана, я разве просил тебя остаться?

— Нет, но...

— Да, в чем-то ты права. Отношения на расстоянии — это не отношения. И мне тоже хочется, чтобы любимый человек был рядом. Жить мы, однозначно должны вместе. Я достаточно консервативен. Общая спальня. Совместные завтраки. Прогулки по выходным. Мне хочется, чтобы ты была рядом. Но тебя никто не и не собирался просить стать скромной женой преподавателя Артена. Ты дышишь своими танцами. А потерять дело всей своей жизни страшно. Можешь мне поверить. Врагу не пожелаешь. Я не стану красть или того хуже — ломать твои крылья в угоду каким-то своим желаниям и амбициям. Верить?

— Вадим...

— Не веришь. Но разве я давал повод думать о себе плохо?

— Нет. Просто... все так навалилось. У меня голова кругом идет. И я не знаю, чему

верить.

— Диана, ты понимаешь, кто такие пилоты истребителей? Особая каста. Элита флота. Хотя, многие считают их ненормальными и обходят десятой дорогой. Потому что от таких отморожков, как «Крылатые» лучше держаться подальше, — Вадим явно кого-то передразнил. — Нет, в чем-то они правы. Ведь сколько ты служишь, столько и ходишь под ручку со смертью. Ведь если ты не готов разменять собственную жизнь на жизни твоих товарищей или победу, за штурвалом истребителя тебе не место. Это откладывает свой отпечаток. Но дело не в этом. Я был одним из них. И я был счастлив. А потом... в один далеко не прекрасный день моя жизнь полетела в черную дыру. Друзья погибли. Меня просто чудом спасли.

— Не надо. Тебе же неприятно об этом вспоминать.

— Если не расскажу тебе все, ты не поймешь. А мне нужно, чтобы поняла и поверила. Меня спасли. И даже вылечили. Почти. Кроме ожогов и десятка переломов, у меня было обширное поражение центральной нервной системы. И если с ожогами и переломами врачи справились достаточно легко, то с последним все было паршиво. Вероятность полного восстановления даже не рассматривалась. Я смог их удивить. Сначала отказался от обезболивающих. Потом встал на ноги. И начал вести относительно нормальную жизнь. Даже свои тренировки возобновил. Но этого оказалось недостаточно, чтобы вернуться во флот. Мне не то, что за штурвал истребителя, за руль обычного автомобиля садиться запрещено. Потому что у этих чертовых приступов нет никакой системы. Хотя, нет... вру. Некоторые закономерности прослеживаются. Мне нельзя переутомляться и нервничать. Но не получается. Я же, в конце концов, живой человек. И больше всего на свете мне бы хотелось забыть о том, что со мной произошло. Вот и получаю регулярно. Иногда твои крылья ломает жизнь. Или ты вполне осознанно жертвуешь ими во имя великой цели. Потому что по-другому нельзя. Я давал присягу и выполнил свой долг. Это единственное, что меня поддерживает. Ты ведь — совсем другое дело. Долгов у тебя ни перед кем нет. Присяга не держит. А, значит, незачем жертвовать своими крыльями. Это никого не спасет. Теперь ты понимаешь, почему мне хочется поддержать тебя в стремлении построить карьеру?

— Мне кажется, да. Но как ты себе это представляешь?

— Я поеду с тобой и буду жить там, где ты решишь обосноваться.

— Ты сошел с ума. Вот так взять и бросить все ради мимолетного увлечения?!

— Во-первых, не мимолетного. Ты мне давно нравишься. А во-вторых... что такого я бросаю? Дом? Очень смешно. Обустройством своей комнаты в академии и квартиры в городе я не очень-то и занимался. Друзей? Майк и так останется моим другом. А больше у меня никого и нет. Работу, которую не люблю? Найду другую. Это не должно быть так уж сложно. Без дела, в любом случае, не останусь. Все бросить и поехать с тобой — не подвиг и не жертва, а логичное и продуманное решение.

— И как долго ты об этом думал?

— Минут пять. Но я, вообще, решения принимаю быстро и крайне редко ошибаюсь. Это, можно сказать, профессиональный навык. Ну, так что? Ты выйдешь за меня замуж?

— Не знаю. — Диана сползла с коленей мужчины, а потом медленно поднялась на ноги и растерянно пробормотала. — Мне надо подумать.

— Совета у старших спросить, — подсказал Вадим, вставая.

— Да! Спросить совета у Рея.

— Я думал, ты к Ризу побежишь, а не к Андерсу.

— Они в одном боксе живут. Так что к кому из них я бы не побежала, все равно застану обоих. Но мнение Рея меня сейчас интересует больше.

— Почему?

— Рей относительно беспристрастен, а Джейс тебя чуть ли не боготворит. И он считает, что ты мне подходишь.

— Вот! Послушай умного человека.

Девушка нахмурилась и закусила губу, словно изо всех сил сдерживала резкий ответ. Она сделала глубокий вдох и лишь после этого повторила:

— Мне надо подумать. — После чего развернулась и вышла из кабинета.

Вот только к Рею за советом она не пошла. Хотя бы потому, что все произошедшее совершенно не желало укладываться в ее голове. Все так внезапно навалилось. И говорить об этом у нее не было не малейшего желания. Хотелось лечь спать и хоть немного забыться. А завтра утром проснуться и осознать, что все произошедшее — страшный сон. И хотя надежды на это было мало... а вдруг?

Но друзей ее планы на вечер волновало мало. В коридоре девушку нагнал Тео и возмущенно выпалил:

— Ты где была? Мы тебя по всей академии ищем. С ног сбились.

— Зачем?

— Хотим поговорить. Это срочно.

— Ищите, говорю, зачем? Могли бы, просто, сообщение на комм сбросить.

— Э... как-то не подумали, — смущенно пробормотал парень, жутко краснея.

— Правильно говорят. За дурной головой ногам покоя нет. Где собираемся?

— У нас.

— Тогда пошли. Только ребятам сообщения сбрось. Ладно? А то они ведь не знают, что я нашла и мы долго их ждать будем.

— Конечно.

Компания, которая собралась в комнате парней Диану удивила. Потому что кроме хозяев там находилось еще пять человек. Мари и Каро видимо, пришли к своим вторым половинкам. Но что здесь делают Дима Антонов, Паша Лисин и Саша Польский, девушка понять не могла. Особенно дело касалось последнего. И если остальные относились к нему более или менее спокойно, то с Джейсоном они не ладили.

— У нас в некотором роде перемирие, — ухмыльнулся Польский.

— Вынужденное, — фыркнул Джейс. — И временное.

— Как скажешь.

— Прекратите! — Рей прожег обоих раздраженным взглядом. — Потом собачиться будете. Сначала дело. Диана садись на мою кровать. Тут такое дело. Скоро ведь первый этап «Рассвета». Ты же помнишь, что лейтенант Кейн сегодня говорил?

— Честно? Не помню. День сегодня был... сложный.

— Понимаю. Но через две недели начнутся соревнования. Там будет все. Тестирование по пройденному материалу. У нас самое легкое. В голове нужно удержать только несколько месяцев. У выпускников — четыре с лишним года. Это как экзамены. Только оценок не будет. Только общегрупповой балл. С прохождением всех кругов «ада» то же самое. Потом баллы по всем конкурсам суммируются и среди курсов и групп академии определяются три победителя. Ну, и кроме того, что это почетно, победители получают призы.

— Какие?

— Пока не известно. Но судя по рассказам старшекурсников, на них не сэкономили.

— Ладно. Но от меня вы что хотите?

— У нас соревнования через две с половиной недели, а старшина в некотором неадеквате. Эти трое — посланцы общественности.

— И чего хотят? Убрать меня с должности? Да, пожалуйста! Никогда в лидеры не стремилась. Завтра же попрошу куратора снять с меня эту головную боль. Но, посланцы, учтите, так же я попрошу назначить старшиной Рея. Без обид. Он просто самый серьезный из нас.

— Вообще-то, — лукаво улыбаясь, начал Джейсон. — Они пришли тебя успокаивать и просить не бросать их в столь трудный час.

— Даже ты? — Диана удивленно посмотрела на Сашу.

— Да. Это не значит, что я передумал становиться старшиной. Но сейчас мы должны быть сплочены, как никогда. А также нам нужен капитан, которого признавали бы все члены команды. Иначе мы пролетим с «Рассветом», несмотря на то, что у нас отличные данные. Даже лейтенант Кейн так сказал. Поэтому на время предлагаю заключить перемирие. Но моим условием является то, что старшиной остается Диана.

— И почему тебе так нравится моя кандидатура?

— Все просто. Как я уже говорил, мне хочется, если и не победить в соревнованиях, то хотя бы достойно себя показать. Если не ты станешь во главе нашей команды, то кто? На самом деле кандидатов два. Я и Андерс. А преподносить ему на блюдечке группу, мне не хочется. Я ведь все еще намереваюсь стать старшиной. Ты же — мне не соперница. Хотя бы потому, что не удержишься здесь сколько-нибудь долго. Будет хорошо, если первый курс окончишь. И не надо на меня так смотреть, дорогие однокурсники. Потенциальная прима, а других в Танийской академии просто не держат, ни за что не станет гробить своей талант, изучая языки, право и прочую муть. Это любой идиот понимает. Или таковых здесь абсолютное большинство?

— А как же Джейс? — нахмурилась Диана. — Почему ты его сбросил со счетов? Он ведь тоже может составить тебе конкуренцию. Рея я собиралась рекомендовать, как оптимального кандидата на роль старшины. Ему рутина легче дается. И терпения с выдержкой не занимать. Но Джейсон более харизматичный. Для него завести толпу — нечего делать. И из него при случае, получится отличный капитан.

— Вирэн, ты меня пугаешь. Я все понимаю. День выдался сложный. Тебе сегодня не до чего. И ты что-то могла упустить, но... у меня слов нет.

— Тогда помолчи. Зачем зря сотрясать воздух?

— Вот почему ты такая колючая? Девушка должна быть нежной и ранимой.

— Была бы нежной и ранимой, руки бы на себя наложила от такой жизни. Может девушка и должна казаться тепличным цветочком. Но мне этот образ не подходит. Так уж сложилось. У меня в Тание был друг. Потом его убили. Его и всех, кто со мной учился многие годы. А меня заставили на это смотреть, как они умирали. Мне хотелось умереть вместе с ними. И, знаешь, что? Иди ты со своими долгами, Польский. Я, после того, что со мной сделали, никому ничего не должна.

— Диан, извини, — несколько смущенно пробормотал Саша. — Это шутка была. Неудачная.

— Ладно. — Девушка устало потерла переносицу. — Забыли. Но с Джейсом что не так?

— У него средний учебный балл низкий. У капитана он должен быть не ниже 4.85. А это я, Морье, Андерс и Спаркс. Но Тео в капитаны ни за что не загонишь. Он, видите ли стесняется. Энн не станет переходить мне дорогу.

— Не поняла. Как же я тогда буду капитаном, если у меня средний балл 4.65?

— Ты — старшина. Формальный лидер группы. На тебя это требование не распространяется.

— Ну и хорошо. Тогда не вижу никаких проблем.

— Так, значит, ты с нами? — нахмурившись, уточнил Дима. — И все по-прежнему?

— Пока, да.

— Это хорошо. И... Диана, если тебя кто-то обидит, ты скажи. Мы ему живо объясним, что этого делать не стоит. Договорились?

— Да. Спасибо, Дим.

— Польский, — вкрадчивым тоном Рей обратился к однокурснику. — Приведи в чувства Скольник. Дану твоя подружка не любит. Это ни для кого не секрет. Поэтому она, не от большого ума, может начать делать гадости. С репортерами пообщаться. Пару сплетен пустить. Это, во-первых, будет нам мешать. Потому что, когда капитан нервничает и не может сконцентрироваться на работе, страдает команда. А во-вторых, Аверин и так ее недолюбливает. И, надо признать причины у него для этого имеются. Она и святого из терпения вывести может. Что уж говорить о нашем кураторе?

— Ну, не скажи, — протянул Миха. — майор не первый месяц терпит ее выкрутасы. И пока ограничивается исключительно устными выговорами. Это уже говорит о нереальной выдержке. Он давно бы мог и в личное дело пару замечаний внести, и дисциплинарное взыскание вклеить.

— Вера — не моя подружка, — фыркнул Саша. — Она — прилипала. Такие идиотки, как Скольник совершенно не в моем вкусе. Я бы и рад от нее отделаться, да не получается. Ладно, раз мы пришли к согласию по главному вопросу, позвольте откланяться.

Вслед за Польским ретировались и Паша с Димой. Потом, поцеловав на прощание Джейсона, убежала Каро. А еще минут через пять Снежные вместе с Тео отправились в читальный зал, якобы учить историю. И ребята остались втроем.

— «Лайм» хотите? — поинтересовался у оставшихся Рей.

Джейсон кивнул, а Диана отрицательно покачала головой.

— Бери на тумбочке. А ты, Дан, почему? Боишься съесть лишний грамм сахара?

— Что-то вроде. Сахара в газировке действительно слишком много.

— Мелкая, ты толком сегодня не завтракала, не обедала, а на ужин, вообще, не явилась.

Вот свалишься в обморок, что мы с тобой делать будем? И так... бледная, как смерть. Смотреть страшно. Но у меня ничего кроме газировки нет. Где-то был, пакетик арахиса. Кажется.

— Его Тео съел, — сказал Джейс, забираясь на свою кровать с ногами и открывая баночку. — Недели две назад. Дана, выпей ты стакан этого «Лайма». Он же не отстанет.

Девушка лишь покачала головой. Парни тоскливо переглянулись, но настаивать перестали.

— Ну, рассказывай, — сказал Рей, присаживаясь на край кровати Джейсона.

— О чем? — немного растерялась девушка.

— Почему вышла эта чертова статья о предполагаемой помолвке Аверина с тобой?

— Не со мной, а с Лолитой Рэндом.

— Это уже мелочи. Просто так, без информации из относительно достоверного источника ни одно сетевое издание подобную статью не напечатает. Хотя, нет. Само издание может и напечатает. А вот среди папарацци ты таких не найдешь. Штраф за вмешательство в личную жизнь и причинение вреда репутации будут больше любого гонорара. Так что или репортеру представили убедительные доказательства будущей помолвки. Или ему банально кто-то, дал небольшую взятку. Впрочем, почему кто-то? Скорее всего, это была сама госпожа Рэндом.

— А что? Есть такие штрафы? — встрепелась девушка.

— Не в твоём случае. По крайней мере, пока. А вот Аверин если подаст в суд на автора данного опуса, мотивировав это тем, что из-за статьи у него сорвалась настоящая помолвка, то его, скорее всего, признают потерпевшим. А вот тебя, вряд ли. От этих статей ты, формально не пострадала.

— Все, как всегда.

— Мы изменим этот мир! — убежденно заявил Джейс.

— Надорвемся, — насмешливо парировал Рей.

— Ну, может не коренным образом, но изменим. Когда-нибудь.

— Мечтатель.

— И горжусь этим. Но вернемся к первоначальной теме. Аверин тебе рассказал хоть, почему все так произошло?

— Нет.

— Как?

— Так.

— А о чем вы тогда столько времени разговаривали? Я же правильно понял, что Тео

поймал тебя, когда ты выходила из его кабинета? Мы думали он с тобой объяснился, и ты ушла в какой-нибудь зал — заниматься.

— Ну, сначала мы поссорились. Немножко. Потом я его ударила.

— Ты с ума сошла?! — возмутился Джейс.

— Но он меня спровоцировал!

— Ой, да ладно. — Фыркнул Рей, открыв свою баночку с газировкой. — От пощечины еще никто не умирал. Что дальше-то, что было?

— Я его в живот ударила. Или в солнечное сплетение? Не помню. Но Аверин упал.

— Быть того не может! Это ж как его ударить надо было?

— У него приступ начался.

— Ну, тогда понятно. У меня тоже чуть инфаркт не случился, когда я его однажды в спарринге достал, а он побелел весь и начал на пол оседать. Правда, майор отошел быстро. Вколол себе что-то. Посидел несколько минут. Потом ухмыльнулся и сказал, что ничего страшного — иногда у него такое бывает. Но перепугался я знатно.

— Я вот тоже.

— А потом? — напряженно поинтересовался Джейсон.

— Он предложим мне выйти за него замуж. Поцеловал. Мы разговаривали.

— Круто. И как он аргументировал свое предложение руки и сердца? Внезапно вспыхнувшей страстью или долгом честного человека?

— Симпатией. Сказал, что я ему нравлюсь, что ему со мной хорошо. А еще столько всего наговорил, что мне до сих пор плохо. Вы представляете! Этот ненормальный сказал, что уедет со мной. И будет жить там, где я захочу.

— А ты вообще хочешь с ним жить? — осторожно поинтересовался Рей. — Он тебе хоть нравится?

— Все так неожиданно. Да и не хотела я никогда замуж. Что мне там делать? Брак — это же крест на карьере. Ну, чаще всего. А Вадим... он, конечно, мне нравится. Неужели может быть иначе? Да на него вся женская половина академии заглядывается, начиная от курсантов, заканчивая госпожой Савиной. Это заведующая хозяйственной техникой, — пояснила девушка, видя недоумение на лицах друзей. — Ну, такая щуплая сутулая женщина весьма преклонных лет. У нее еще такая старомодная прическа — каре и мелирование.

Парни кивнули, припоминая суровую даму, которая была фанатом стерильности, считала, что у каждой вещи в Академии есть свое место, и люто ненавидела беспорядок вместе с теми, кто его создает. Артенийцы же были народом, относительно нормальным. То есть неврозом чистоты не страдал никто. А некоторые, такие, как Тео, например, комфортно существовать могли только в некотором хаосе. Когда китель висит на спинке стула, на тумбочке валяется недоеденное яблоко и планшет. В самой же тумбочке — черт голосу сломит. Но их однокурсника все устраивает. Наверное, именно поэтому всех курсантов госпожа Савина считала классовыми врагами и вела с ними партизанскую войну, так как открыто выступить против не могла.

— Я не знаю, что мне делать. — Диана вскочила с постели и принялась мерить шагами спальню. — Сказать: «Да» не позволяет здравый смысл. У меня нет уверенности, что мы сможем не то, что сделать друг друга счастливыми, а просто ужиться вместе. Он ведь очень сложный человек. И старше меня в два раза. Начнет авторитетом давить, подстраивать меня под себя. Так и сама не замечу, как окажусь в абсолютной кабале с ребенком на руках. Ему ведь нужны будут дети. Всем, кто решил пожениться нужны. Так ведь? А пеленки-

распашонки в мои планы на ближайшие лет пятнадцать не входят. Мне карьеру надо строить. Да и не представляю я, что с детьми делать. Младенцев только на улице видела. Издалека. На руках ни разу не держала. Но и сказать: «Нет» я тоже не могу. Мне хочется его видеть, голос слышать. Раньше как-то не задумывалась об этом. Пока он сам не предложил. Но, вдруг, Вадим — мой шанс обрести семью, о которой я так мечтала в детстве? А если откажу ему, то он навсегда исчезнет из моей жизни. Не хочу его терять. Но и замуж выходить не хочу.

— Дана, — осторожно начал Рей. — Ты в силу возраста и, наверное, воспитания боишься серьезных отношений, и ответственности с ними связанных. Это нормально.

— Думаешь? — скептически хмыкнул Джейсон.

— Да. Ей всего восемнадцать. Опыта отношений нет. Мелкая, ты хоть до сегодняшнего дня целовалась?

— Два раза. Нет, три, если считать поцелуй с Дэном в четвертом классе.

— Остальные два были похожи на первый?

— В некоторой степени. Один раз с Пьером на осеннем смотре. Ромео целует спящую Джульетту, думая, что она мертва. А другой — снова с Дэном. На генеральной репетиции в Андорском театре. Лоремина целует, умирающего Тианиса, чтобы спасти ему жизнь и, заодно, вернуть сердце. Евангелина меня чуть взглядом не испепелила. А бедному Дэну такой скандал закатила! После репетиции, разумеется. Он, мне отвечать начал. Как мне кажется, чтобы Еву позлить.

— Дана, твое смятение мне понятно. И, я повторяю, это нормально. А теперь послушай и попытайся услышать меня. Аверин, конечно, поспешил. Не стоило вот так на тебя все вываливать. Нужно было подвести тебя к этому постепенно. Но то, что он предложил тебе замужество, на мой взгляд, правильно. Да и не имел права наш куратор по-другому поступить.

— Почему?

— Сейчас на кону его репутация. Человек его положения не может себе позволить отношения без обязательств с собственной подопечной, которой едва только восемнадцать исполнилось. Его уважать перестанут. Тут ведь такое дело... этика. Нельзя преподавателю встречаться с курсантом.

— А жениться, получается, можно? — фыркнула девушка, снова присаживаясь на постель Рея.

— Мелкая, это очень скользкая тема. Не знаю даже, как тебе это объяснить.

— Да что тут объяснять? — хмыкнул Джейс. — Ты — курсант и находишься, в зависимом положении по отношению к своему куратору. И теоретически он может тебя принудить к «свободным» отношениям. И попробуй, докажи, что все у вас по обоюдному согласию. А что такое брак? Добровольный союз двух людей, желающих создать семью. А право на создание семьи у нас Конституцией закреплено. И то, что невеста является ученицей жениха, препятствием к реализации данного права не является. Ибо в Конституции подобного рода запрет не прописан. К тому же не вы первые, не вы последние. И если спросишь моего совета, я тебе скажу: «Соглашайся». В конце концов, что ты теряешь? Ничего. Сама же говорила, что он тебе нравится. К тому же Аверин сможет тебя защитить. А защита тебе сейчас не помешает.

— Я тоже так думаю, — серьезно произнес Рей. — согласишься на помолвку — ничего не потеряешь. В крайнем случае, ее можно расторгнуть. Если поймешь, что не хочешь быть с

ним. Но о детях предупреди заранее. И о том, что балет не бросишь ни при каких обстоятельствах. Если он примет твои условия, хорошо. А если нет, то этот человек не для тебя.

Диана несмело улыбнулась друзьям, и тих, почти шепотом сказала:

— Спасибо, вам, ребята! Что бы я без вас делала?

— Ты, в любом случае, справилась бы, — отозвался Джейс.

От этих слов и убежденности в голосе друга на душе у девушки стало легче. Однако, от тех месяцев, что ей оставалось учиться в Артененийской академии Диана ничего хорошего не ждала. Ближайшие же несколько недель виделись ей адом кромешным.

Но страсти кипели всего дня два или три. А потом все как-то затихло. Через неделю главной темой для разговоров стал предстоящий «Рассвет». Все без устали гадали, что за приз получают победители и обсуждали игры прошлых сезонов.

О «происшествии» не то, что бы забыли. Девушка то и дело ловила на себе косые взгляды, как курсантов, так и преподавателей. Но ее больше никто не задевал. И причиной этому было, вероятнее всего, кольцо Тринити, которое Вадим преподнес ей на следующее утро после их разговора. Где и когда он успел его купить, и, главное, как угадал с размером, осталось тайной.

Дану такой дорогой подарок смутил, но отказаться от этого чуда ювелирного искусства, она просто не смогла. И не только из-за того, что оно оказалось просто волшебным. Основной причиной все же являлось упрямое выражение, которое явно читалось на лице ее Адмирала. Весь его вид просто кричал о том, что, если Диана не примет это кольцо из-за его цены, завтра он подарит ей другое. И вряд ли оно окажется дешевле. Но таким красивым точно не будет. Девушка до сих пор украдкой разглядывала три полоски золота разного цвета: белого, желтого и розового с **отблесками крошечных бриллиантов и улыбалась.**

Новость о помолвке Вадима Аверина и Дианы Вирэн разлетелась по академии и считанные часы. И она даже стала темой для разговоров номер один. Примерно на день. А потом интерес курсантов как-то угас. Потому что одно дело обсуждать тайную связь, малолетней девицы с преподавателем, и совсем другое их предстоящую свадьбу.

Но сама мысль, что она теперь невеста в голове у Даны решительно не желала. Может потому, что в их отношениях почти ничего не изменилось? Они также работали. Иногда разговаривали обо всем и ни о чем. Единственное, Вадим теперь ее целовал. При каждом удобном случае. Нет, конечно, он не позволял себе ничего такого на людях или там, где их могли застать, но в своем кабинете отрывался по полной. Но, следует отдать ему должное, границ майор не переходил и останавливался даже раньше, чем Дана успевала возмутиться мужскому произволу. Причины такого его поведения девушке были не совсем понятны. И она попыталась разобраться в ситуации.

— Я хочу, чтобы тебе было со мной хорошо, — ответил ей Вадим. — Это не просто самый лучший, а, пожалуй, единственный способ удержать рядом любимую женщину. От счастья нормальные люди не бегут. А от неявного, но все же, насилия, нередко сбегают. Ты пока не готова к более близким отношениям. Принуждать тебя к этому, пусть формально, у меня и есть такое право, я считаю недостойным.

— Но ты меня постоянно целуешь. И разрешения не спросил ни разу.

— Это другое.

— Да?

— Да! Начнем с того, что тебе нравятся мои поцелуи.

— Откуда ты это знаешь? — Дана склонила голову на бок.

— Если мои поцелуи тебе неприятны, только скажи и я оставлю тебя в покое, — ледяным тоном отчеканил майор.

Девушка застонала и возвела очи горе. Не человек, а минное поле. Разговариваешь с ним. Узнать его лучше пытаешься. А он обижается от любой неосторожно брошенной фразы. Каро постоянно над Джейсом подтрунивает. Тео Мари тоже в покое не оставляет. А над Вадимом шутить нельзя. Никогда. Можно подумать! Какие мы нежные. Нет, скорее, уж гордые. И как с таким жить?

Диана тяжело вздохнула. Как жить? Долго и счастливо. Именно на это надо настраиваться. По пустякам не обижаться. И стараться понимать и принимать его таким, какой он есть, даже если это сложно. Поэтому нужно взять его за руку, посмотреть в глаза и попытаться успокоить:

— Мне все нравится. Честно. Просто любопытно стало. Как ты это понял? Я не хотела тебя обидеть. Верить?

— Да.

— Ну, вот и хорошо. Однако мой вопрос кое-кто проигнорировал.

— Ты улыбаешься. Твои глаза сияют. И ты отвечаешь на мои поцелуи. Этого, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы сделать такой вывод. Или я не прав?

— Прав. По крайней мере, звучит это все вполне логично.

— Вот и хорошо.

— Но я тебя не понимаю. Не знаю, как вести себя с тобой, чтобы не обидеть. Это раздражает!

— Я не обижаюсь на тебя.

— Правда? А тогда что это было такое? «Только скажи, и я оставлю тебя в покое», — девушка передразнила жениха, а потом нахмурилась и весьма строгим тоном поинтересовалась: — Нет, ну, вот что ты за человек такой? Я разве дала тебе повод так обо мне думать? Ты ведь взрослый, умный. А ведешь себя хуже Джейсона. А он, между прочим, тебя на десять лет младше.

— На тринадцать.

— Не придирайся к словам. Десять. Тринадцать. Какая разница? Главное, ты старше, а степень адекватности у вас примерно одинаковая. Напридумывали себе непонятно чего и наслаждаетесь моральными терзаниями. Он сейчас страдает из-за разницы в два года и грядущего знакомства с ее родителями Каро, которым он, само собой, не понравится. Хотя самой Каролине, кстати, плевать на то, понравится ли Джейс ее семье. Она собирается поставить их перед фактом: «Это — мой парень. Думайте, что хотите, но я его люблю». А ты... у меня слов нет. Одни эмоции. Вадим, ты правда думаешь, что я с тобой только потому, что у меня проблемы?

— Не только из-за этого, но...

— Дурак! — Вспыхнула девушка. — Прибила бы!

— За что?

— Ты меня сейчас оскорбил. Вряд ли нарочно, но сути это не меняет.

— И чем же?

— А ты подумай сам, что и кому сказал?

— Диана, объясни, пожалуйста. Не понимаю таких намеков.

— Я не продаюсь. И не настолько нуждаюсь в защитниках, чтобы соглашаться на брак с человеком, которого не люблю. У меня Джейс есть и Рей. Они любого в академии могут заставить замолчать. А за ее пределами... у меня скоро будет работа. Причем, не абы где, а у Рудольфа Кардена. Там меня уже не достанут. Да и не в этом, наверное, дело. Я всю жизнь заботилась о себе сама. И, ничего. Как-то справлялась. Когда была совсем маленькой, это казалось сложным, потом — привыкла.

— Но ты согласилась! — с нескрываемым восторгом воскликнул мужчина. — Значит, ты меня любишь? Да?

— Я тут распинаюсь! — Диана усмехнулась и продолжила, как бы ни к кому не обращаясь. — Честно пытаюсь его успокоить. И объяснить, заодно, что нет у меня никаких корыстных мотивов. Но он слышит только первую часть тирады и пытается, чуть ли не силой, вырвать признание в любви. А сам о чувствах не сказал ни слова. Была, правда, пара оговорок. Только это не считается.

— Я не умею говорить о своих чувствах, — немного смущенно произнес майор.

— А я, значит, умею? Кто из нас старше? И еще... девушки первыми никогда ни в какой любви не признаются. А ты, вообще, первый, с кем я... встречаюсь.

— Ладно. Я тебя люблю, — скороговоркой отрапортовал майор.

— И все? — фыркнула Дана. — Как-то неромантично вышло. Потренироваться бы надо. Давай еще раз, только, уже с чувством, с толком, с расстановкой...

Аверин хмыкнул и нагло заявил:

— Я уже сказал. Теперь твоя очередь.

— Ну, уж нет! — рассмеялась девушка. — Ты так просто не отделаешься. Ничего я тебе не скажу!

Диана хоть и была настроена весьма решительно, но сказала. В этот же вечер. Вадим Аверин умел добиваться своего любыми способами. И не ей было с ним тягаться.

Вскоре все вошло в свою колею. Дни летели за днями. И Диана почти поверила, что в Артене она в безопасности и ничего страшнее сплетен, выдуманных Верой Скольник, ей не грозит. Гроза разразилась в пятницу после тестирования по истории.

Видеофайл, точнее ссылка на него пришел от Сашки Польского на ее комм больше трех часов назад, но просмотреть его тогда не получилось. Сначала Тео ее отвлек, потом — Джейс. А после стало как-то не до него. К тому же, если бы там было что-то важное, он бы обязательно сказал.

Так что о сообщении девушка вспомнила только в обед. Она отошла на пару шагов от друзей, раскрыла экран, активировала наушники и запустила воспроизведение.

Перед ее глазами встал ряд надгробий, с которых ей улыбались погибшие одноклассники. Вон Рона. А рядом с ней Ирэн и Станислав. Ева. Линда. Эмма. Андрей Ярослава. Камилла. Альбина. Лиза. Николетта. Фрея. Кира. Ульяна. Ирджи. Тори. Бэлла Леон.

Лица...

Лица...

Лица...

Диана одинаково хотела и зажмуриться, чтобы ничего не видеть, и отыскать глазами Дэна. Его голос, прозвучавший в динамиках наушников, прокатился разрядом тока по оголенным нервам, заставив девушку задрожать:

- Дана, где тебя носит? Тебя весь класс уже неизвестно сколько ждет. Иди сюда! Слышишь? Дана, иди скорее к нам. Если ты не забыла, твое место здесь — рядом со мной. Мы ведь всегда вместе...

Дэн говорил что-то еще, но она его уже не слышала, потому что судорожно выдернула наушники и бросила их на пол. В глазах ее потемнело, а ноги тали ватными. От падения ее удержал Саша, крепко подхватив под локоть. Он хмыкнул и сказал:

— Похоже кто-то перенервничал на тестах. Или позавтракать забыл. Старшина, ты бы поберегла здоровье что ли. А то до свадьбы такими темпами не доживешь.

Диана вырвала руку из его захвата и зло прошипела:

— Ну ты и скотина! Не надейся! Что б тебе... Ненавижу!

Буквально в эту же секунду к ней подскочил Джейс и крепко обняв ее за плечи, грубо рывкнул:

— Отвали, Польский! И руки к ней больше тянуть не смей. Иначе будешь иметь дело со мной.

— И не только, — ледяным тоном процедил Рей.

— Я ее только поддержал. Она побледнела и падать начала. Мне надо было позволить ей растянуться на полу?

Тепло рук Джейсона смыло ледяную корку, которой покрылось ее сердце. Злость схлынула, оставив лишь чувство беспомощности и боль. Из глаз потоком хлынули слезы, которые она попыталась спрятать ото всех, уткнувшись в плечо своего самого близкого

друга. Ей хотелось кричать, но спазм сжал горло, не позволяя ни вздохнуть, ни выдохнуть. Она задышалась, захлебывалась в собственных рыданиях.

Рей тоже подошел ближе и нежно провел ладонью по ее волосам. А потом, склонившись к ее уху тихо прошептал:

— Мелкая, ну ты чего? Успокойся. Все хорошо. Этот придурок тебя обидел? Ты только скажи, и я его сам лично с лестницы спущу. Хочешь?

Дана лишь головой покачала, показывая, что ничего сейчас не хочет. И к расспросам преступил Джейс. Ему очень хотелось понять, что же с ней произошло. Но ответить девушка ему не могла. И тогда парень перехватил правую руку Дианы, на которой красовался комм и открыл последний воспроизведенный файл. Ему хвалило минуты, чтобы понять причину слез подруги.

Но броситься на ее обидчика Джейсону помешали сама Дана, мертвой хваткой вцепившаяся в его китель и Рей, который стал на его пути и попытался воззвать к разуму приятеля:

— Стой! Не смей ввязываться в драку с ним. Так ты ничего не добьешься. Только хуже сделаешь. Причем, всем нам.

— И спустить такое? Да я сам себя уважать перестану.

— Зачем же спустить? Просто его не бить надо, а предъявлять ему официальное обвинение. Здесь явно имело место попытка склонить человека к суициду. А это статья уголовного кодекса. Но даже если ее доказать не получится, он вылетит из Артена уже сегодня. За действия, порочащие честь будущего офицера. Мы к Аверину пойдём. Он, в конце концов, наш куратор. Пусть и разбирается.

— С ума сошли?! — заорал Польский. — Я к этой гадости не имею ни малейшего отношения!

— Однако, отправитель — ты. Эй, ребята, помогите нам проводить этого... курсанта до кабинета Аверина. А то, как бы он по дороге не потерялся.

— Я не собираю сбегать. И повторю. Не имею ни малейшего отношения к этой гадости. Пошли уже к куратору. Мне самому интересно, кто и как отправил с моего комм такое сообщение? А главное, зачем он это сделал?

Через десять минут Польский спокойно глядя в глаза Аверину повторил свою тираду. И даже потребовал найти подставившего его злоумышленника. А их группа, стояла практически по стойке «Смирно» вдоль стены.

— А стоит ли искать? — сквозь зубы процедил майор. — Отправитель сообщения — вы, курсант. Мотив у вас был. Девушка отвергла ваши ухаживания, предпочтя другого.

— И вы считаете, это достойным поводом для того, чтобы так с ней поступить? Я, конечно, не мальчик-одуванчик. Но и не полный отморозок же! А вдруг бы она и правда... того? Мне Дана, вообще-то нравится. И то, что она мои ухаживания отвергла, конечно, неприятно. Однако навредить ей я не желаю. Неужели мне никто не верит?

Диана даже не удостоила его взглядом, уткнувшись в чашку горячего чая. Джейсон и Рей фыркнули. Юноша перевел взгляды на своих друзей. Пол Бурэ думал о чем-то своем и, казалось, даже не заметил вопроса. Даниил Рабле, которого Сашка начал считать своим лучшим другом, отвел взгляд. Энн Спаркс последовала примеру своего парня. Вера Скольник манерно закатила глаза. И лишь Вадим Талин, от которого серьезного отношения было дожидаться тяжелее, чем от снега тепла, твердо заявил:

— Я верю.

Поддержка пришла оттуда, откуда Саша ее не ждал. Ему ответил тихоня-Морье, от которого обычно, лишнего слова не вытянешь. Все уже привыкли, что разговаривает он, обычно, только с приятелями, а с остальными курсантами контактирует исключительно через близнецов Снежных.

— И я верю. Не знаю даже почему. Но верю. Комм дай.

— Зачем? — спросил юноша, но комм однокурснику все же протянул.

— Ты же данное сообщение не отправлял? Вот я и буду искать следы чужого присутствия. Есть у меня одна идея.

— Тео, это долго? — спросил Рей нейтральным тоном.

— Не знаю. У меня с собой даже планшета нет. Я его в классе забыл. Хотел вернуться, но не до того стало.

— Можешь воспользоваться моим компьютером, — сказал Аверин, указывая на свой рабочий стол.

Тео смущенно улыбнулся и качал головой:

— Мне мой планшет нужен. Там уже необходимые программы стоят. Рей, ты за ним не сходишь?

— Нет проблем, — отозвался Андерс.

Требуемое Морье получил буквально через пару минут и приступил к работе. Удаленно подключился. Запустил тестировку. Группа замерла в напряжении. Даже Диана проявила некоторую заинтересованность.

Ждать было тяжело. Минуты показались им часами. И когда Тео сказал: «Нашел», — группа смогла выдохнуть. Послышалось несколько нервных смешков. А Диана до боли закусила нижнюю губу.

— Ну, говори, — поторопил однокурсника бледный Саша.

— А чего говорить? Я был прав. Следы чужого присутствия имеются. Есть вирус. И, да в теории, он мог отправить с твоего коммуникатора сообщение. Причем, не только это. Имея удалённый доступ через "руткит" — такого наворотить можно!

— Вирус? Как это возможно? Я думал наши устройства защищены от подобного.

— Защищены. От случайного заражения. А вот если кому-то твой комм попал в руки хотя бы минут на пять, он вполне мог запустить на нем программу удаленного управления. И через нее проверить все это.

— Такую программу установить сложно?

— Не очень, если знаешь, что конкретно тебе нужно делать. Любой дурак справится.

— Паршиво. Значит, найти эту сволочь не получится.

— Почему же не получится? — Вскинул бровь Вадим. — Если мы развернем расследование и поднимем файлы видеонаблюдения, то как минимум, найдем того, кто в ваше отсутствие брал в руки ваш комм и что-то на него устанавливал. Но, хочу вас предупредить. Если это сообщение все же отправили вы, и сознательно вводите меня в заблуждение, наказание будет гораздо более суровым, нежели, если вы сейчас во всем сознаетесь.

— Я ни в чем не виноват!

От возмущения щеки юноши вспыхнули. И он снова перевел взгляд на друзей. И опять ни в ком, кроме Талина не было заметно ни то, что сочувствия, а даже интереса к его судьбе.

Андерс хмурился. Джейсон Риз, который терпеть его не мог, смотрел на него глазами, преисполненными участия. А их старшина так и вообще, похоже, сильно сожалела, что

накричала на человека, который, похоже, ни в чем не виноват. Смешно даже. Главная жертва мучается угрызениями совести.

— Хорошо, — сказал Аверин спокойно. — О результатах расследования вас уведомят в самое ближайшее время. Если у меня появятся вопросы, вызову. А сейчас все идите на обед.

После этих слов группа, тихо перешептываясь, тоненьким ручейком вылилась из кабинета своего куратора. Дана нагнала Сашу у самых дверей в столовую. Но он и слова ей сказать не позволил.

— Я все понимаю и не обижаюсь. Сообщение пришло с моего номера. Что еще можно было подумать?

— Но это же, правда, не ты?

— Правда. Девчонок не обижаю. Принцип у меня такой.

— Но грозился. И не раз.

— Это был тактический ход. Но одно дело грозиться, и совсем другое — воплотить угрозу в жизнь.

— Да.

— Польский, садись к нам, — предложил Рей, который понял гораздо больше, чем старался показать. А именно, что вирус забросил ему кто-то из его компании. Больше никто не смог бы.

Джейс фыркнул, но протестовать не стал. А остальные так и, вообще, не думали спорить с Андерсом.

Сам обед прошел в несколько напряженной обстановке. Ели молча. Лишь изредка перебрасываясь парой фраз. Тео попытался немного разговорить Сашу, но получалось это у него откровенно плохо:

— Ты часто свой комм без присмотра бросаешь?

— Как все... на ночь снимаю. Ну, и в душ, разумеется, с собой не беру. А так... вроде, он всегда со мной.

— Понятно.

Что там было понятно Морье, до остальных не дошло. Но поинтересоваться, что юноша имел в виду, никто не успел. По громкой связи начали объявлять результаты тестирования.

— Мы четвертые, — немного нерешительно объявил Снежный. — Неплохо. Остальные первокурсники обретаются где-то в хвосте.

— И это надо отметить, — тотчас же включился в разговор неунывающий Вадим Талин, сидевший за соседним столиком.

В принципе, группа идею поддержала. То есть не послала предложившего куда-то подальше. Некоторые даже включились в обсуждение. Правда, проходило оно вяло. Но, если принимать во внимание произошедшее, это было и неудивительно.

В общем, решено было завтра всем вместе пойти в парк акрационов, расположенный неподалеку.

Но утром почти у половины группы обнаружились «неотложные дела», а остальные демонстрировали плохое настроение, вкупе с нежеланием куда-либо идти.

Диана и сама подумывала над тем, чтобы остаться в академии. Друзья не дали. Они в категоричной форме объявили, что ей просто необходимо развеяться. И девушка уступила.

До самого же парка доехали только расстроенный организатор данного мероприятия — Талин, Снежные, Тео, Дана, Рей, Джейс, захвативший с собой Каролину, и Саша. Последний, видимо, тоже решил, что ему необходимо немного отвлечься.

Сначала, ребята откровенно скучали. Но мороженное и сладкая вата практически мгновенно привели всех в чудесное расположение духа. Они даже решили проехаться на совсем детском аттракционе — «Паровозике» железная дорога, которого опоясывала весь парк. Потому что ни Диана, ни Тео на нем никогда не катались.

Объявление о том, что в центре парка на главной сцене среди посетителей состоится розыгрыш ценных призов, курсантами было проигнорировано. Вслух общее мнение высказал Вадим Талин: «Все равно ничего полезного выиграть не получится. Спорить готов, что там одни блендеры, парогенераторы и игрушки будут. Это же центр семейного отдыха».

В вагончике выпрямиться во весь рост смогла только Мария. Остальные со смехом втягивали головы в плечи. Сидеть на крошечных сиденьях было неудобно, зато очень весело. Потому что на поворотах кто-то из них обязательно летел на пол.

Неожиданно свет в парке погас. На пару мгновений — не больше. Потом загорелся снова. А вот их паровозик проехал по инерции еще несколько метров и остановился. Его участь постигла и остальные аттракционы. Они затихли один за другим. Смолкла и незатейливая веселая мелодия, льющаяся из многочисленных динамиков.

— Ну, вот, авария! — недовольно фыркнул Джейсон. — Теперь сиди и жди, пока починят.

— Да, ладно тебе. Минут десять-пятнадцать можно и подождать, — спокойно отозвался Тео. — В крайнем случае прогуляемся. Возьмем мелюзгу и пойдем по рельсам к «Станции».

— Какую еще мелюзгу.

— В другом вагончике две девочки катаются. Не бросать же их. Но я думаю, до этого не дойдет. Как правило, подобные проблемы разрешаются довольно быстро.

Послышались два глухих хлопка. Потом еще два. Диана зажала себе рот ладонью, чтобы заглушить крик, так и рвущийся наружу. Эти звуки она не забудет никогда.

Первой среагировала Каролина. Она от души пихнула локтем Джейса в бок. Парень заметил

что с его подружкой что-то не так и попытался разобраться в ситуации. Но не преуспел. Девушка дрожала, как кленовый лист на ветру, прятала лицо в ладонях и никак не реагировала на попытки однокурсников привести ее в чувства.

— У нее паническая атака, — неожиданно спокойно объявил Талин. — Я знаю эти симптомы. Андерс, ты ближе всего к ней сидишь. Посади ее к себе на колени и крепко обними. Она сама успокоится. Не сразу, конечно, но успокоится.

И действительно. Помогло. Через несколько минут Диана подняла на друзей полный слез взгляд и прошептала:

— Стреляют. Там стреляют.

— Глупости, — не слишком уверенно заявил Снежный. — Ну, кто тут может стрелять? Это же парк, а не тир Академии.

И тут они слышали еще два хлопка.

— Я посмотрю, что там, — быстро проговорил Джейсон. — И сразу вернусь. А вы сидите тихо.

Каро не хотела было отпускать его одного, но юноша пригвоздил ее сердитым взглядом и пообещав скоро вернуться, вылез из вагончика и стараясь слиться с декоративным кустарником, двинулся туда, откуда слышались так похожие на выстрелы звуки.

Вернулся он минут через десять минут. Бледный и запыхавшийся.

— Парк захвачен, — выдохнул он. — Там полно людей с оружием. Как я понял,

большинство заложников уже в кольце террористов. И посетители сами туда пришли. Помните, как объявляли лотерею?

— А тех, кто к главной сцене не пришел оставили или отлавливают? — Саша нахмурился.

— Отлавливают. Причем, весьма старательно. Тех, кто не хочет идти расстреливают. И я не уверен, но, кажется, это Белый Путь.

На лицах курсантов явно читалась паника. И лишь Рей, обведя друзей спокойным взглядом уверенно произнес:

— Все будет хорошо. Нас вытащат.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net